Контакт

Сборник фантастических рассказов.

Зоя Карпова

Человечество встревожено. Есть ли выход? В этом сборнике рассказов, написанных в жанре приключенческой фантастики, представлены совершенно непредсказуемые казусы и проблемы, ожидающие землян при встречах с пришельцами. Враг вооружен и очень опасен! Расследуя историческую загадку Тунгусского метеорита в рассказе «Посевная», автор предлагает читателю в непривычном ракурсе увидеть возможные последствия в результате близких или же опосредованных контактов с представителями инопланетных рас. Насколько похожими на людей могут быть формы жизни во Вселенной? В фантастическом детективе «В стиле Ампир» главный герой Исаак Диссон, случайно попадет на далекую планету Ампир и неожиданно сталкивается с вопросами безопасности человека при встрече с чуждым миром. Не обходится и без полезного обмена опытом между землянами и инопланетянами в рассказе «Средство Кузьмича». Всегда ли человек будет похож на человека и где притаилась опасность? Рассказ «Аттракцион Экзотический мир» раскроет эту тайну. Понимание тех целей, ради которых пришельцы собственно и могут посещать Землю, дано автором в легкой и непринужденной форме.

Зоя Карпова
Сборник фантастических рассказов: **Контакт**
Свое издательство, Санкт-Петербург, 2014

ISBN: 978-5-4386-0289-7
184 с.
© 2014 Зоя Карпова

Уважаемый читатель, если тебе хочется отдохнуть от повседневных забот и житейских хлопот, отвлечься от дежурной суеты будней. Если ты, дорогой читатель, попал в затруднительное положение, и не все твои дела складываются так, как ты планировал – не унывай! Подними повыше руку и резко опусти ее вниз с волшебной фразой: «А ну их всех!», и тебе, возможно, станет чуть-чуть легче, и ты улыбнешься. А если, уважаемый читатель, ты улыбнулся, хотя бы краешком губ, хотя бы мысленно или с иронией, значит, не все так плохо, как тебе показалось.

Досточтимый друг, тебе не кажется, что пришло время вспомнить о себе любимом и немножечко отдышаться? Почему бы и нет? Тогда не сомневайся: уже в том, что этот сборник рассказов написан именно для тебя, и наступила пора поискать любимый диван или кресло и отвлечься от всего. Возможно, дорогой читатель, – это собственно то, что тебе сейчас нужно. Как знать? Не откроешь – не узнаешь! А не узнаешь до тех пор, пока не окунешься в мир других событий, иных измерений и приключений его героев.

Усаживайся поудобнее, почтеннейший, наливай чаек и бери бутерброд! В добрый путь! Автор не претендует на раскрытие тайн мироздания и не читает никаких нравоучений. Кто их любит? Это просто легкое чтиво, для отдыха между делом и для хорошего настроения. Автор надеется, уважаемый читатель, что этот сборник если и не сможет решить всех твоих проблем, то хотя бы принесет тебе, дорогой друг, бодрость духа, эмоциональную разрядку и веру в свои силы. Оглянись кругом, почтеннейший читатель, мир прекрасен, и в нем все чудесно устроено и удивительно! И ты в этом мире, пожалуй, самое важное звено, дорогой читатель!

С глубоким уважением, Автор!

Призраки на орбите

Это произошло на космической станции «Тауэр», запущенной на орбиту Плутона с Земли несколько десятилетий тому назад. Почему «Тауэр»? Имя дано в честь мастеров Великобритании, создавших аварийную систему шлюзования между отсеками, и Россия, заодно, со своей стороны удовлетворила негласные требования международного этикета сотрудничества. Космический город с полным жизненным циклом: источники энергии – ядерные, вода – с астероидов, минеральные вещества – оттуда же, – представлял собой отдельный мир, сложившийся некогда из свободных переселенцев. Люди, пожелавшие расширить земную среду обитания до дальних уголков Солнечной системы, получили в распоряжение довольно большой сектор малых планет, планетоидов и пояс астероидов и жаждали превратить его в зону обитания землян…

Спасатель Сёмкин, гибкого атлетического сложения, одетый в обтягивающий комбинезон, делающий его похожим на человека-паука, поставил на предохранитель магнитный автомат, закинул приклад за плечо и поднял с пола старый потрепанный журнал с обгоревшими уголками. Открыл наугад.

«Солнце и Земля далеко отсюда, за сотни астрономических единиц. Сигнал из центра управления полетами идет так долго, что на ум приходит аналогия с девятнадцатым веком - так же долго когда-то от станции к станции шло письмо с почтовыми лошадями из Сибири в Москву. Одним словом – независимость. Не обошлось и без приключений, конечно. Ну, это вообще отдельная история. Вот так-то…»

Сёмкин присел на край тумбочки.

«После начала эры активного атмосферообразования на Плутоне частенько случаются полярные сияния, особенно зимой.

Красивое феерическое зрелище. Атмосфера полыхает фиолетовыми и желтыми огнями, леса причудливых форм поднимаются вверх и достигают наиболее дальних разреженных зон. Иногда сгустки окрашенной ионизированной плазмы отрываются от общей стены сияний и кочуют вдоль нижней орбиты, закручиваясь в вихри вокруг нашей орбитальной станции.

Зрелище не для слабонервных – просто ад кромешный! Вам начинает казаться, что за стеклом иллюминатора огненное море, способное поглотить металлические конструкции орбитальной станции. Она трясется в полном смысле этого слова – ходят ходуном пол, потолок и переборки отсеков. Эхо низкочастотных вибраций вплетается в радиоэфир, гудят пучки мощных кабелей, проложенных под фальшполом, волчьим рыком хрипят трансформаторы дедушки Теслы в медицинском отсеке, греются трансфлюксоры в компьютерном центре и искрят обычные трехфазные и разделительные трансформаторы в электрораспределительных отсеках.

Когда наступает время ночного сна, орбитальный город Тауэр замирает, несмотря ни на что. Экипаж, кроме дежурных, разбредается по каютам спать. Вот тогда-то и наступает время для разгула стихий…»

Сёмкин добавил кислорода в смесь, вздохнул и попытался представить картину живьем.

«Сгустки электронных облаков формируются в призрачные формы разных существ и летают по коридорам станции, хохоча и завывая на разные голоса, но далеко не каждое ухо обитателей станции способно уловить эти вибрации органами осязания во время глубокого сна. Электронные привидения хорошо регистрируются датчиками движения и пишутся на видео, вызывая недоумение у утренней смены.

Тем не менее, в журналах неизменно появляется запись: «Электрический шторм в пять баллов продолжается. Аппаратура работает в штатном режиме. За смену никаких происшествий не наблюдалось». Электрическая стихия Плутона может бушевать за пределами станции и раскачивать космический дом, играя им, как бурлящий океан утлым суденышком, пару-тройку недель. Шторм стихает, и надолго наступает штиль и покой…»

В каюту за номером сто пятьдесят три вошел напарник Тыкванюк:

– Разрешите доложить? К эвакуации все готово! Мы идем?

Командир не ответил. Боец присел рядом и тоже присоединился к чтению.

«Странности, происходящие на станции, первым выявил наш доктор Йод Витаминович Мензуркин. Родители, видать, у него были тоже того-этого, так сильно хотели, чтоб дитя врачом стал, что даже имя ему дали сугубо медицинское. Дескать, династия обязывает продолжать фамильные традиции. Бедный ребенок! Но врач из него все-таки получился славный, хоть и в житейском плане – зануда-занудой.

Однажды в плутонную зимнюю пору доктор Мензуркин, занимавший пост главного врача станции, решил провести очередной медосмотр всего персонала Тауэра и объявил всеобщую диспансеризацию поселения. Тут-то все и началось…»

Следующая страница сильно обгорела.

«…тем утром медсестренка Биря Уткина, хорошая девочка, высокая и статная – косая сажень в плечах, разносила бланки с приглашением на анализы по каютам, вручая каждому члену экипажа лично под роспись. Постучавшись в двери, она недюжинным девичьим плечом толкала массивную дверь и, войдя, почти всегда находила каюту пустой. Биря окликала запропастившихся где-то хозяев. В ответ натужно скрипела дверца шкафа, холодильной камеры или крышка рундучка, а то и просто сетка кровати, из-под которой выбирался хозяин каюты, делая вид, что пришлось срочно заниматься каким-то мелким ремонтом мебели. В этот день «ремонтом» занимался весь вверенный Бире участок пациентов.

Пока брали обычные анализы – там кровь, мочу, редко у кого результаты колебались за пределами нормы, а когда дошло дело до проверки на детекторе лжи… создалось впечатление, что не все ладно «в доме Облонских». Ну, я расскажу все лучше по порядку…»

Спасатели увлеклись чтением и не заметили, как одна лампочка самопроизвольно включилась, а плазмоид-разведчик просочился сквозь переборку станции из соседней каюты.

«Когда начался очередной электрический шторм, доктор Мензуркин работал в привычном темпе – дежурный прием пятнадцати пациентов в качестве ежедневной нормы, плюс обход лежачих и инфекционных, плюс диспансеризация. Целый штат сотрудников врачей: психолог Тик Тикаевич Нервный, терапевт Пен Глухович Спокойный, лор Отто Горлович Ларинг и кардиохирург Сек Кардович Пришвин помогали ему по мере сил. А также в их распоряжении имелся целый батальон медсестер, ассистентов и лаборантов – хорошая слаженная команда и спетый коллектив. В дни повальной проверки экипажа на полиграфе медперсонал работал круглосуточно. Время, отведенное людям на сон, в счет не принималось.

На планерке доктор Мензуркин отдал приказ:

– Спящих без разбора вытаскивать из-под одеяла, грузить на носилки и рысью нести в кабинет к полиграфу! Понятно? Исполнять приказ!

– Есть, Йод Витаминыч, – дружно отрапортовали бравые медбратья и санитары.

На том планерка и закончилась, а привычная работа космической поликлиники началась. День под знаком полиграфа прошел как в угаре, после ужина заступила ночная смена медперсонала.

Следующим по списку значился не обследованный пациент по фамилии Ласточкин из каюты номер сто пятьдесят три на средней палубе. Четверо смелых медбратьев подхватили носилки и на лифте спустились на средний уровень. Шторм усиливался, баллы добавлялись. Плазмоиды за стеклами иллюминаторов плясали дикарские пляски. Коридор был длинным, а нужная каюта находилась на другом конце…»

***

Петр Иванович Петюнчик, младший из группы, оглянулся. Из стены вытекло белое облачко, приняв форму запятой и, виляя хвостом, поспешило впереди ведущего медбрата в конец коридора.

– Ой, что это было? – испугался худенький Петюнчик и отпрянул назад.

– Где? – спросил упитанный сотоварищ Колбаскин.

– Мелькнуло что-то перед глазами, – ответил Петюнчик.

– Шторм. Лампа мерцает. Обман зрения, – лаконично пояснил третий санитар Неверкин. Будучи любителем поэта Блока, он предпочитал формулировки в стиле: «Улица. Фонарь. Аптека».

Белая запятая колыхалась у двери каюты сто пятьдесят третьей и внезапно тонко захихикала, затем расчетверилась и двинулась навстречу санитарам.

– Смотрите, смотрите впереди вихрь! Нет, их уже четыре! Они атакуют!

– Мама, – неожиданно тонким голосом закричал Петюнчик, а следом завопили и его собратья, они бросили носилки и кинулись наутек к лифту…

– Где пациент Ласточкин? – поинтересовался доктор Мензуркин.

«Вот, зануда», – подумал Колбаскин. – «Он уже и выспаться успел».

– Там, в каюте, наверное, – ответил за всех Неверкин.

– Почему не здесь? Срочно доставить! – приказал доктор Мензуркин. – Одна нога там, а другая… тоже там. Быстро!

Парни переглянулись и вновь отправились на среднюю палубу.

Пилот Ласточкин, отдежуривший смену в рубке управления, собирался ко сну. Он с сожалением выключил книгу на самой интересной странице, встал с кресла, бросил подушку на пол и, укутавшись одеялом, залез под кровать. Устроившись там поудобнее, подтянул подушку под голову и вскоре сладко захрапел, выводя почти соловьиные трели носом.

***

На этот раз медбратья добрались до двери каюты без приключений. По дороге они не забыли подобрать брошенные в прошлый раз носилки, посмеялись над собой. Часть лампочек перегорела, а оставшаяся светила ровно. Орбитальная станция

Тауэр тряслась под натиском электрической бури. Колбаскин рванул ручку двери, и все четверо ввалились в каюту пилота Ласточкина. Кровать пустовала. Не заправленная простыня свешивалась до пола. Шум и грохот электрических разрядов не позволил вошедшим услышать храп спящего.

– Ну и где наш пациент? – спросил изумленно Петюнчик.

– Не знаю, в каюте не наблюдается, – резонно заметил Колбаскин.

– А ты под кровать загляни, – посоветовал четвертый и вечно сонный медбрат Сплюшкин.

– Чего? Что он там забыл? – удивился Колбаскин.

– Ужин, – предположил Неверкин.

Станцию еще раз тряхнуло. Сквозь потолок вытекло облако плазмоида и, зацепившись хвостом за невидимый крючок, раскачивалось перед лицом Колбаскина. Он побледнел, рухнул на четвереньки и пополз под кровать. Ласточкин открыл глаза.

– Ты кто?

– Я? Колбаскин, прибыл с миссией по диспансеризации. Доктор Мензуркин хотел бы исследовать вас на полиграфе, – смущенно сказал горе-медбрат.

– А под кровать тогда зачем залез?

– Не знаю.

– Зато я знаю. Вот и сиди тут теперь до утра.

– Ребята, вы где? – крикнул Колбаскин из-под кровати.

– В шкафу, – ответили Петюнчик и Неверкин хором.

– А Сплюшкин где?

– Не видно отсюда…

***

– Сплюшкин, отзовись!

Грохот, хохот и треск разрядов был им ответом. В эту ночную смену доктор Мензуркин так и не дождался ни посланных сотрудников, ни пациента Ласточкина. К утру шторм утих. Заспанные медбратья в количестве трех человек появились в дежурке в помятом виде и сразу стали объектом пристального

внимания коллег. На вопрос, куда делся четвертый, они лишь невразумительно мычали.

– Йод Витаминыч, обследование наших молодых людей на полиграфе выявило, что Сплюшкин в каюту Ласточкина заходил, но из каюты не выходил, – отчитался психолог Тик Тикаевич Нервный.

– Наверное, он и сейчас должен быть там, – сделал вывод терапевт Пен Глухович Спокойный.

– Предлагаю проверить, – предложила Биря Уткина.

– Кто пойдет с проверкой к Ласточкину? – поправил очки на носу Йод Витаминыч.

– Коллеги, позвольте нам с Отто Горловичем, – вызвался кардиохирург Сек Кардович Пришвин. – Ну и в помощь нам дайте наших храбрых медбратьев.

– Ага. Только давайте сначала хорошо подкрепимся, мы ведь не завтракали еще, – заметил Колбаскин.

Йод Витаминыч оглядел не слабую комплекцию коллеги и нахмурился:

– Ладно, идите уж в столовую, трудолюбцы…»

Сёмкин и Тыкванюк продолжали изучать дневниковые записи медбрата Сплюшкина.

«Завтрак незаметно перешел в чаепитие, а затем в обед, тихий час и в ужин. Наступило время для новой ночной смены. Сборная команда врачей, наконец-то, отправилась в каюту Ласточкина. Вот и средняя палуба. Двери лифта закрылись.

– Темнотища! Ни одна лампочка не горит, – произнес Неверкин, ощущая слабость в ногах и поглаживая руками дрожащие колени в надежде, что страх иллюзорный.

– Фонарик у кого-нибудь есть? – спросил глухим голосом Отто Горлович.

– Нету у нас, – ответила молодежь.

– Пошли цепочкой, на ощупь, и держитесь за руки, – предложил Сек Кардович.

Они двинулись вперед. Нащупав двери каюты, распахнули ее и вторглись в помещение. Кровать стояла на ребре, шкаф был разворочен, а в потолке зияла дыра с неровными краями. На

стенах виднелась копоть. Разбросанные повсюду вещи говорили о недавно прошедшем бое. Ласточкина и Сплюшкина след простыл.

– Что здесь происходит, может мне кто-нибудь объяснить? – спросил Сек Кардович.

– Давайте я попробую, – ответил за друзей Неверкин.

Но не успел и рта открыть, как через дыру в потолке спустился пилот Ласточкин, держа в руках длинноствольное оружие, похожее на магнитную пушку.

– Ого! Прибыло подкрепление, – обрадовался он. – Да не бойтесь, это всего лишь магнитная ловушка для плазмоидов…»

Розовый плазмоид покрутился около Сёмкина и Тыкванюка, завилял хвостом, хрюкнул пару раз, пытаясь произнести приветствие, чтобы привлечь их внимание, но слово «Привет» у него так и не получилось. Тогда он пристроился за плечом Тыкванюка и тоже углубился в чтение…

«Вскоре все обитатели орбитальной станции Тауэр выяснили, что первое средство спасения от плазмоидов Плутона – это деревянная мебель, за которой можно переждать нашествие электрических чужаков. Так бы и ладно, но плазмоидов заинтересовали компьютеры и наша информация, которую они стали «сливать» и затем использовать технологические знания против нас. Они блокировали радиоэфир, глуша наши послания на Землю. Затем стали выводить из строя систему навигации станции. Мы поняли, что наша миссия обернулась вторжением в иную цивилизацию, и обитатели космической станции для них – нежелательный фактор. Это сродни двум медведям в одной берлоге.

Нам пришлось послать сигнал «SOS» на Землю, а до прибытия экспедиции спасателей сражаться. Завтра снова бой. С каждым разом плазмоиды становятся ловчее и хитрее. И что нам придется претерпеть, я еще не знаю, хотя есть одна нехилая мыслишка…»

***

– Обмен говорите? – спросил у Сплюшкина голубой плазмоид, приняв форму цилиндра.

– Мы возвращаем из магнитного плена ваших товарищей, а вы отдаете нам наших людей. По-моему, равноценный обмен. Где вы содержите людей?

– Ммм, вообще-то мы выстроили комфортабельный бокс для пленных, поставили там то, что вы называете кроватями, и люди вполне уютно себя чувствуют под ними. Наши разряды их не беспокоят.

– Хорошо, как только пропустите наш сигнал «SOS» в радиоэфире.

Поверхность цилиндра подернулась мелкой рябью, белые молнии проскакивали между вершинками пучностей. Этот электрический вальс был похож на мыслительный процесс, как если бы вдруг чей-то мозг вывернули наизнанку. Плазмоид нашел подходящий компромисс:

– Ну, я не вправе решать за всех плазмоидов, но поговорю с адмиралом флота. И главное условие – вы все улетаете на Землю! Ибо для нас общение с вами – ад кромешный!

– Конечно. А культурные связи вас не интересуют?

– Поясните, не понимаю!

Сплюшкин вытащил из-за пазухи томик стихов Александра Блока, подаренный ему Неверкиным. Он бережно открыл книгу и прочитал:

– Улица. Фонарь. Аптека…

– Что это?

– Стихи.

Плазмоид вытянул ложноножки и ложноручки, подпер ложноголову и задумался…

***

«Сгустки электронных облаков формируются в призрачные формы разных существ и летают по коридорам станции, хохоча и завывая на разные голоса. Электронные привидения хорошо регистрируются датчиками движения и пишутся на видео. Но далеко не каждый обитатель станции, человек, способен уловить

эти вибрации органами осязания…» – так начинался первый параграф в учебнике Древней Истории Плазмоидов.

Уроки истории проходили по традиции на орбитальной станции Тауэр, которую им в дар оставили пришельцы.

– Они улетели, – подытожил лекцию учитель, – но обещали вернуться…

Два берега, один мост

«Наибольшее количество неудобных обстоятельств собирается в кучу в самом неудобном месте».

Второй закон Мерфи

Два берега. Один мост. Крутой поворот реки. Каменистое русло. Хрустальная вода. Заросли колючей облепихи. Каждый день он ходил на работу одним и тем же путем. Будучи в меру молчаливым и склонным к философическим думам, размышлял по дороге об одном удивительном факте. Каждый день, переходя по каменному мосту с правого на левый берег он попадал из одного мира, где жил, в другой, где работал. Мост непостижимым образом соединял эти миры каждый раз в нужное время. Каждое утро он пытался заметить момент, когда появляется мост в его мире, но всякий раз, как только он бросал взгляд на другой берег, то обнаруживал, что тот уже ждет его. У человека не возникало и тени сомнения, что мост мог бы ждать кого-то другого. Был уверен, что это – именно его мост, его путь.

Два берега. Один мост. И такие разные миры. Он, умный, интеллигентный мужчина в самом расцвете сил, чувствовал

себя неодинаковым, неадекватным самому себе в этих диковинных мирах. В левобережном – его звали Тигр, а в правобережном – Кот. Что значит имя? Ведь оно меняет знаки зодиака, путеводные звезды. А, может, и судьбу?

Два берега. Один мост. Позже Тигр начал подозревать, что, проходя по мосту, он и сам трансформируется, меняется, чтобы соответствовать новым условиям чужого мира. Это происходило дважды в день – утром и вечером. Сколько раз надо было пройти по мосту, чтобы трансформация повлияла на его сущность и там и тут? Миллион, сто тысяч или всего лишь десять? Он не знал. Кем он станет, в конце концов – важным тигром, ласковым котом или подлой рысью?

Два берега. Один мост. Спустя некоторое время Тигр стал замечать, – на мосту попадаются какие-то странные прохожие, возможно тоже люди, непонятные существа и сложные геометрические фигуры с названиями и без них. Следующая мысль, которая посетила его, принадлежала иной категории мироздания чудное место есть элементарное искажение континуума. Да-да. Это пространственно-временная воронка, куда из обоих миров как с горки скатываются «камни преткновений». Легковые и грузовые машины, автобусы и тракторы едут, не сбавляя скоростей и не замечая ничего вокруг. Все они перемещаются в едином танце поступательного движения в Пространстве-Времени Каменного Моста так, как будто он обязан быть всегда на этом месте. Каждый путешественник, оказываясь на мосту прекрасно существует в собственном мире и живет по его законам. Вскоре в общий поток вливаются нерасторопные коровы, на ходу дремлющие ослы и вечно голодные дворняги, – все они неожиданно в одномоментном порыве сходятся на мосту в ту секунду, когда туда въезжает пятитонный самосвал с прицепом. Поразительно! Почему? Чаще такое столпотворение бывает в непогоду, когда снег, гололед и метель вносят свою вражью лепту в этот катарсис. Он поднял голову и посмотрел на правый берег. Над дорогой нависал высокий обрыв, с которого время от времени срывались камни и падали на дорогу, делая въезд на мост еще более узким. Что это означает? Тигр вспомнил второй закон Мерфи из теории непредвиденных ситуаций: «Наибольшее

количество неудобных обстоятельств собирается в кучу в самом неудобном месте».

Два берега. Один мост. Крутой поворот. Шум реки. Вода накатывала на камни с грохотом, шипением и брызгами. Тигр подходил все ближе. Два мира смыкались на мосту в одной пространственно-временной воронке. Второй закон Мерфи в действии. Какая причина – тому виной? Возможно, виновата массивная гора, нависающая над дорогой? Гора обладает массой и меняет гравитационные поля вокруг. Получается своеобразная гравитационная ловушка, которая имеет мощную потенциальную энергию. Этот капкан бездушно ловит разнородные вещи, притягивает их, словно соты с медом привлекают мух. Черная дыра! Да и только! Хорошо это или плохо? Как знать?!

Два берега. Один мост. Тигр, попадая на мост, почти всегда ощущал необычайный подъем внутренних сил. Энергия приливной волной накрывала с головы до ног. Человек встрепенулся, потянул носом воздух. Ах, как свежо! В этот момент он бывал как никогда бодрым и уверенным в себе и своих силах. Он становился оптимистом, ибо знал, что светлое и доброе всегда победит, если будет храбрым, смелым и уверенным. Просто знал это – и все. Но мост заканчивался. Он вступал в другой мир. Пессимизм брал верх. Тигр сразу же вспоминал о законах Мерфи. Первый из них гласил: «Если неприятность может произойти, то она происходит».

Два берега. Один мост. Дорога сворачивала на тропинку другого берега, и на него накатывали ощущения неуверенности и сомнения. Откуда брались сонмы сомнений!? Они окружали и нашептывали: «Молчи, не связывайся с начальством. Чего ты добьешься? Будет только хуже. Не высовывайся из своей скорлупы…». Он мысленно сопротивлялся: «Я ведь Тигр! Я храбр, уверен в своих силах и знаю, чего хочу» Сомнения окутывали липкой паутиной и шипели на ухо: «Ты тигр? Разве? Посмотрись в зеркало! У тебя просто полосатая шкура. Смотри глубже! Не внешность рассматривай, а внутренность. Твое нутро, так сказать полосатое. Если хочешь знать, – это твой ум полосатый, но не ты. Поэтому молчи, иначе будет хуже, как в дремучем лесу в той старинной сказке. Здесь ты не тигр, а мышь! Мыши лишь

умеют шуршать, молча делая неприметную работу, и поэтому молчи! Молч-чи…». Тигр мотал головой, плечи опускались, и он покорно соглашался: «А я и молчу». За спиной речные волны перекатывались через мелкие камушки и вослед напутствовали: «Пра-авильно, думаешь! Совершенно пра-аавильно…». Внутренняя энергия психики опять принимала почти нулевую форму. Минимум, как закон природы, требует наименьших затрат энергии, любой, в том числе и психической. Раковина его существа смыкалась, радужная жемчужина оставалась на месте продолжая накапливать вес и красоту. Но никто этого не знал и не ведал. Тихо и незримо ликовали законы Мерфи!

Два берега. Один мост. Тигр потихоньку вздыхал и понимал, что опять оказывался в ловушке пессимизма. Он каждый день ходил по нахоженной тропе, нарезая многочисленные километры в запертом пространстве ординарности. Замкнутый Круг Обыденности поглощал все силы и всю потенциальную энергию. И лишь Каменный Мост с его оптимизмом был другом, вселяя надежду. Мост показывал Тигру иные звездные миры и давал неизведанные ощущения. Поэтому он всякий раз радовался, словно ребенок, когда попадал на мост, соединяющий берега двух миров. «Интересно, а существуют ли где-нибудь такие миры, где действуют безупречно особенные законы Мерфи – другие законы и совсем другого Мерфи, а»? – новые мысли дали иной поворот рассуждениям человека...

Рабочий день закончился, и Тигр шагал к мосту, обуреваемый новыми идеями. Игры разума. Вот истинный символ, подходящий для Каменного Моста. «Это место для игр моего ума!» – заключил Тигр. – «Здесь я могу менять реальность. Не всю, а только мою собственную реальность. Почему бы нет? Чуть-чуть. Капельку. Немного. Еще меньше. То есть неотличимо. Почти неотличимо. В пределах квантовой неопределенности Гейзенберга, дельта икс, дельта игрек и дельта зет. Ура! Я нашел! Что не запрещено, то возможно. Может быть. Пришел, увидел, победил! Почему бы нет?». Итак, он шел к мосту и думал об играх своего разума в реальность.

Два берега. Один мост, который уже виднеется там вдали. Что он хочет изменить в имеющейся реальности? Что? Он точно

знал, – хочется перемен, но не знал, каких. Вечный поиск в закоулках памяти. Ах, это уже были не закоулки – кривые улочки, а вырос огромный город с улицами и площадями, возникли целые извилистые лабиринты! Лабиринт Минотавра может позавидовать его Лабиринту Тигра. Ах, ну где же то заветное Нечто, чего я так страстно желал всю жизнь!? Я точно знаю, это Нечто должно лежать где-то рядом, покрытое сегодня немыслимой пылью десятилетий. Нет, не пылью, патиной времен! И каких времен! Память! Его сиятельство Хронос, это он оставил исторические следы на моем некогда сверкающем Нечто! Так наследил, – ноги переломать можно! На полу Лабиринта Тигра зияют трещины и скучены груды ветхостей. Да где же, где же оно, это наиважнейшее и наиглавнейшее? Тигр растерялся. Он, можно сказать, нашел удивительное место для исполнения желаний, точнее лишь одного. Почему-то уверился, – каждый раз, проходя по каменному мосту, – обязательно сможет поменять хоть что-то в жизни с помощью лишь одного маленького желания. И Тигру стало обидно, ибо не знал, что важнее или главнее...

Два берега. Один мост. Где выход? Тигр взял мысленно шланг, наполнил водой, добавил напор и открыл кран, смывая под ногами тысячелетнюю пыль и грязь в его Лабиринте Памяти. «Да, непростая это работа, из болота тащить бегемота!», – вспомнил он детскую присказку. – «Ага, вот добрались и до детских воспоминаний». Мужчина улыбнулся, сверху вниз оглядывая себя - третьеклашку, поправляющего слетевшую цепочку со звездочки велосипеда. О чем он, ребенок, тогда мечтал? Иметь спортивный велосипед, у которого не спадает цепочка. Ха! Разве нужен ему этот велосипед сейчас? А может быть, очень даже нужен! Хм! Игры разума!

Два берега. Один мост. Подходя к мосту, Тигр так и не смог выбрать главного желания. Здоровья пожелать всем родным и близким? Что может быть важнее этой составляющей в жизни? Да, пожалуй, звучит как застольный тост. Здоров ли сам Тигр? В принципе, пожалуй. Кивнул головой. Но чего-то все-таки не хватает: чего? Поиск заветного Нечто в Лабиринте Тигра требовал неопределенного времени для раздумий. На этот раз он прошел по мосту, просто желая всему миру здоровья. Два берега. Один мост...

Два берега. Один мост. Игры разума продолжались. Близится полнолуние – время сверхскопления неудобных обстоятельств. Интересно! Как проверить гипотезу? Тигр взял фотоаппарат и надумал сфотографировать мост в полнолуние. Если затем сравнить снимки, сделанные в разные фазы Луны, то возможно открыть что-нибудь новое, скрытое до сих пор от людей.

Два берега. Один мост. Любопытно? Пожалуй...

...Параллельный мир возник вдруг и сразу, из ничего. Дрожащий пейзаж можно было принять за мираж, если бы не сновали люди, не летали крылатые, управляемые словно лошади твари, не ездили и не летали странные механизмы, отдаленно напоминающие автомобили или самолеты. Старыми знакомыми оставались лишь два берега и один мост. На мосту стояло существо чем-то неуловимым отличавшееся от других. Чем же? Наконец он понял, – это была Она. Он даже знал ее имя - Киса. Тигру показалось, что он всю жизнь искал одну лишь ее. Киса! Она оглянулась, вглядываясь в нового прохожего. На мост въехал пятитонник, но девушка его не видела. Она безмятежно разглядывала что-то из-под руки, прикрываясь от солнца.

Грузовик тормозил изо всех сил, на мосту был гололед, и сила инерции несла его вперед. Тигр был еще далеко от девушки, чтобы прийти на помощь. Он махал руками, кричал что-то, но девушка оставалась на месте. Тигр закрыл лицо руками. Грузовик проехал сквозь изображение девушки, не причинив ей ни малейшего вреда. Машина затормозила. Тигр решился отнять руки от глаз. Водитель вышел из кабины. Походил туда, сюда. Пожал плечами. Протер глаза и сходил к реке умыться. Потом залез снова в кабину. Мотор взревел. Синий выхлоп дыма, и грузовик умчался вдаль.

Киса все так же оставалась на месте. Солнце в ее мире клонилось к горизонту. Тигр посмотрел на часы. В его правобережном мире прошло не более двенадцати минут. Был полдень. А в ее мире промелькнул световой день. Ее мир был иным. Это был параллельный мир, и там светило параллельное Солнце. И Киса тоже была «параллельной».

Он не знал, видит ли она его так же хорошо, как он видит ее. Огорченный Тигр взошел на мост. Киса стояла там же. Мираж

уплотнился и стал реальным. Он подошел к девушке совсем близко. Киса не исчезла и обернулась: «Тигр! Я жду тебя, ну что ты замешкался»? Она взяла его за руку как старого знакомого. «Пошли, домой»! «На какой берег она поведет меня? В какой дом? Где я?» – испугался вдруг Тигр. «Мы идем в наш дом», – сказала девушка. Она посмотрела на темнеющее небо: «У нас полнолуние. Это тот волшебный миг, когда несколько миров соединяются в одно целое, тогда согласно второму закону Мерфи возникает мост между мирами, и исполняются заветные желания. Я пришла на этот мост, чтобы встретить тебя. Главное, не пропустить час, когда сойдутся два берега и один мост. Идем!»

***

Тигр проснулся дома как обычно по будильнику. Светлые волосы жены разметались по подушке. Она сладко улыбнулась во сне. Солнце золотило ее локоны. Киса зевнула и открыла глаза:

– Кофе сварить, философ?

Тигр кивнул головой, пытаясь осознать реальность.

– Сегодня было полнолуние?

– Ты его проспал, дорогой. Вредно так много работать. Я понимаю, астрономы работают и днем, и ночью. Однако и они нуждаются в отдыхе. Может нам взять отпуск, а? Тебе что-то снилось, мой козлик? Ты звал меня во сне.

– Козлик? Я думал, что я тигр, – он недоуменно поднял брови.

– Если ты не будешь вовремя ложиться, то превратишься даже не в моего любимого козлика или тигра, а станешь мелким грызуном соней. Потому что будешь спать на ходу.

– Нет, дорогая, я не буду спать, я буду грезить, – мрачно сказал Тигр и сел на кровати, нашаривая ногами тапочки.

– О чем же?

– О чашке горячего кофе, – он запахнул халат и вышел на кухню.

На стене над столом висела большая фотография. То ли коллаж, то ли монтаж? Крутые повороты реки. Каменистое русло. Хрустальная вода. Заросли колючей облепихи. Полная Луна

нависает над призрачным миром, в котором соединяет два обрывистых берега один каменный мост. Два берега. Один мост.

– Откуда у нас эта фотография?

– Ты забыл? Нам подарили на свадьбу твои друзья.

Он заглянул на оборотную сторону фотографии, там была надпись:

«Два берега. Один мост.
Чтобы удобные обстоятельства собрались в кучу,
Нужно найти очень удобное место.
С уважением и надеждой на новые открытия,
твой друг Мерфи».

Жилой портал

Главный зодчий империи Сиги-По Расхор нервно ходил от одной стены до другой по своей комнате. Круглая башня, венчавшая высоченный цилиндр его замка, служила ему и кабинетом, и местом уединения. Днем прозрачные стены-окна позволяли обозревать панораму здешних номов, – земельных владений сириусян. Пейзажи радовали глаз истинного художника, которым он ощущал себя.

Двойная звезда Сириус заслоняла с востока и запада почти треть небосвода. Давным-давно Сириус «А» или Сиги-толо по-сириусянски был голубым гигантом, но по мере выгорания звездного вещества он дошел до состояния белого спектра. Сиги-толо была слишком горячей, чтобы на ее планетах образовались комфортабельные условия для разумной жизни. Разве что микроорганизмы, мхи, лишайники и грибы.

Сириус «Б» – По-толо тоже начинал эволюцию со стадии голубого гиганта. Звезды обращались вокруг общего центра. Силы их тяготения непрерывно соревновались, перетягивая звездное вещество, каждая к себе. Когда звезда «Б» превратилась в желтого карлика, на семи ее планетах закипела жизнь. Две самые подходящие планеты Эйме и Айсе обращались на одной орбите,

находясь друг против друга в положении «зима – лето». На Эйме сириусяне возвели столицу империи. Внутренние планеты они трансформировали с помощью метановых и азотистых бактерий. На дальних планетах построили города под прозрачными куполами с искусственной атмосферой. Однажды По-толо вспыхнула красным гигантом.

Ночью Расхор любил смотреть на зелено-красное свечение неба. Полярные сияния аврор достигали экватора родной планеты Эйме и мерцающими всполохами освещали его кабинет. Он остановился у южной стены, выковыривая из зубов остатки пищи:

– Говорила моя матушка, не женись на этой выскочке. Нет, мне захотелось жену из высшей знати. Что за ужин?! Я ведь просил приготовить дичь старинным способом, на углях и обязательно обмазать тушку глиной. Она же, археоптерикс ощипанный, все сделала по-своему. Пересолила и пересушила хорошую жирную ящерку в лазерной печке! Вкус совсем другой! О, Великий Сотис, как я мечтаю жить на дикой-дикой планете, где абсолютно все натуральное - и огонь, и пища, и люди.

– Смотри, Расхор, просьбы к богам имеют свойство исполняться, не боишься? – спросил вошедший четырехсотлетний секретарь Йоссер.

Всем новомодным роботам и голографическим призракам Расхор предпочитал живое общение с людьми, поэтому его секретарь был обычным человеком.

– О, если бы так! Я был бы чрезвычайно счастлив, дорогой Йоссер!

Сверкнул разряд молнии. На веранде, окружающей его кабинет, загорелись габаритные огни, и радиолокатор включил 3D-дисплей, сообщающий о прибытии дипкурьера от Верховного Жреца. Йоссер вопросительно взглянул на Расхора и, получив одобрение, разрешил посадку. Посадочная ферма раскрылась, словно цветок лотоса, и приняла флаер. Лепестки конструкции сомкнулись, а рукав горизонтального лифта доставил дипкурьера в кабинет зодчего.

– Приветствую Великого Зодчего Расхора. Секретное сообщение от Верховного Жреца Олемсета, – он протянул лист электронной бумаги. – Это приглашение на Большой Совет...

***

– Вещество звезды По-толо выгорело до углеродного цикла. Ее тепла и энергии скоро не хватит на все нужды людей, – начал секретный доклад Верховный Жрец Олемсет. – По прогнозам космологов следующий взрыв По-толо, когда она сбросит внешнюю оболочку и превратится в белого карлика, может произойти лет через сто-двести. Основной вопрос – выживание нашей цивилизации. Ваши предложения?

– Ближайший жилой пояс к Сириусу – это система Проциона, удаленная от нас всего на пять световых лет. А в девяти световых годах находится Солнце. Предлагаю обсудить большую космическую экспансию в Солнечную систему, – сказал жрец-космолог Исет. – Преимущество в том, что звезда – молодой желтый карлик и жизнь будет поддерживать сотни миллионов лет. Если построить корабли, развивающие третью часть скорости света, то за семьдесят лет мы долетим туда.

– Лучше мы построим межзвездный мост – жилой портал «Сириус-Солнце», – предложил Расхор. – Я думаю, космическая экспансия через телепорт будет быстрее. Безопаснее? Не знаю. Пирамида, она же и концентратор энергии, подойдет как один конец портала здесь, на южном полюсе Эйме. Вторую пирамиду начнем сооружать по мере открытия пространственно-временного коридора. Главное, сделать верные расчеты и хорошо прицелиться...

***

– Мы надеялись увидеть на этой планете зеленый оазис и мягкий солнечный свет, – несколько озадачено обратился Расхор к первой строительной бригаде. – Увы. Многополюсное магнитное поле Земли в эту эпоху имеет большие корональные дыры, через которые проникает жесткое рентгеновское излучение из

космоса. Архитектурный проект Великой Пирамиды должен стать не просто жилым порталом, но и убежищем от магнитных бурь и бушующей солнечной плазмы. Чтобы выжить, строить придется на совесть, на века!

Он немного помолчал и произнес фразу, которую летописи донесли и до нас: «Пусть Пирамида страшится Времени, а Вечность страшится Пирамиды».

Контакт

Туннелирование прошло штатно и завершилось удачной сборкой всех молекулярных структур моего восхитительного двойного тела, а энергопакет личности восстановился без потерь памяти и привычек, что вселяло большую уверенность в успехе операции по обезвреживанию резидента. Земное притяжение совпало с расчетным. Ощутив твердую почву под ногами, я позаботилась об имидже – ближайшая афишная мордашка стала моей аватаркой.

Огни чужого города радовали неоновым разноцветьем, шпили высоток терялись в ночном небе, а фешенебельные клубы услужливо зазывали отдохнуть с комфортом. Но большинство прохожих игнорировали их призывы. Я огляделась. Гордо неся флаги невысказанных жалоб, мимо прошла группа «эмо» – канареечно-желтые блузоны и розовые шарфы чувственно трепетали на ветру. По обрывкам фраз я догадалась – они направляются в дансинг.

За ними мрачно плыли, едва скрывающие шнуровку виниловых топов, черные длиннополые плащи «фетиш-готов» и «готесс». Иссиня черные волосы и выбритые виски служили им визитной карточкой. Пропирсингованные лица,

размалеванные в стиле масок кладбищенских теней в лунную ночь, натурально живописали гримасы аморфной депрессии – маргиналы оценивающе всматривались в прохожих, жадно ища приключений на «пятую» точку опоры. Кажется, я им понравилась.

– Привет, королева! Не холодно в шубке? – лидер компании, меланхоличный акселерат в военных ботинках на высоких каблуках, поблескивая египетским «анкхом» на серебряной цепи, картинно склонился к моему запястью.

– Привет потомкам Ойума! Норд-ост был попутным! – я кокетливо погладила енотовый хвост на воротнике.

– На сцене сегодня «химазники», поэстетствуем?

– Можно.

***

Я проснулась от того, что кто-то лихорадочно елозил по мне, отчаянно содрогаясь ритмичными фриками – он дико рычал и издавал хриплые истошные звуки, выражающие то ли сладострастие, то ли боль. В свете уличного фонаря, лежа на мягкой траве под лиственницей, я разглядела его макушку, покрытую засаленными волосами, заплетенными в мелкие косички. Мужик пыхтел, сопел, извивался, распространяя адскую смесь запахов дешевого виски, лука и селедки, но приличная доза алкоголя боролась с апофеозом гармонии.

Я потянулась лениво, не слишком напрягая онемевшие от неудобной позы мышцы, и громко расхохоталась. Небольшого напряжения хватило, чтобы эпидермис моего биокомбинезона, плотно обтягивающего первое тело, с оглушительным треском лопнул по сварному шву за ушами. Мужчина, прекратив рефлексию, неожиданно замер. Он поднял голову и впервые посмотрел на партнершу.

Толстый слой старой кожи на затылке разверзся, завернулся валиком и пополз к животу, обнажая мою мягкую, зеленоватую, с синими пульсирующими прожилками плоть. Там, где кожа выворачивалась наизнанку, сочилась кроваво-розовая

сукровица и виднелись белесые паутинистые волокна. Не сводя с меня взгляда, дамский угодник сполз на траву, руками вслепую нашаривая брошенные в страсти пожитки, и в ужасе отшатнулся.

И я тоже – это был другой землянин. «Куда делся милый гот? Говорил мне наставник: «Привычка, Хари, – вторая натура», - где-то там, в глубине, шевельнулся червячок совести. - Неужели я опять съела контактера? Ничего не помню».

Когда моя старая кожа облезла полностью, то по многолетней привычке, смяв ее в тугой комок, я немедленно принялась это жевать, с удовольствием вгрызаясь жвалами в сочную мякоть бывшей плоти. Кавалер судорожно обнимал ворох одежды и не двигался с места. Его розовые бедра были поцарапаны о торчащие кругом сучья, но он не замечал этого. Я улыбнулась ему настолько сексуально, насколько рекомендовали светские журналы, показав зубы – все четыре боковых саблевидных клыка, с которых капала слюна. Сначала я чувствовала сильный голод и поэтому откровенно рассматривала землянина в качестве десерта к позднему ужину.

Затем, по мере насыщения, я согласилась с природными позывами для передачи генной информации и, высунув длинный раздвоенный язык, охватила его рефлексор, ставший неожиданно мягким и податливым. Странный ухажер впал в ступор. Чтобы распалить его желания, я подняла складку на верхней губе и продемонстрировала узкий, загнутый внутрь ядовитый зуб – обычно такой призыв на наших мужчин действует безотказно. Но этот же экземпляр вместо сладострастия трясся мелкой дрожью. «Дикарь»!

Мой язычок тем временем заглянул и понюхал все его природные расщелины:

– Помылся бы ты, кечонесороп! – ласково заключила я, подражая голосу столичной телеведущей и выдавив из жаберной щели под грудью каплю желтого феромонного желе, смазала ему нос. – Займись-ка делом!

– А? А-аа, помогите! – закричал он и стремглав побежал прочь, теряя по пути части гардероба.

***

Я вспомнила о задании. Врага я нашла утром на пляже. Внезапно весенняя рефлексия накрыла нас обоих. Ему не повезло, женщины мышан не получают молекулы ДНК, а передают их мужчинам – теперь он наш и… вкусно пахнет! Я облизнулась. Почуяв опасность, резидент скрылся в морской пучине. На песке валялись его биокмбинезон и поводок с ошейником для домашнего питомца.

Ожил мобильник, звонил милашка гот:

– Утро, Хари, потусуемся?

– Конечно, – я подобрала поводок.

День хомячка

Лето катилось, катилось и докатилось до седьмого июля – праздника Ивана Купала. Самое время искать цветок папоротника, обливать девчат водой и смотреть, как их прически превращаются в некое подобие швабры, а платья прилипают к телу, облегая скрытые до того округлости и тайные места. Лето…

Жара, зной, оводы и слепни и, божье наказание – хомяки у бабки в огороде. Лёпсик, любимый внучок Авдотьи Мартыновны, он же студент четвертого курса «менделеевки», бросил лопату в сторону, доковылял до молодой яблоньки, едва дающей тень и намек на прохладу, и блаженно растянулся под ней на старом залатанном драповом пальто. Он посмотрел на трудовые мозоли на ладонях, натертые с непривычки, и хлебнул смородинового морса из бутылки, стоявшей рядом. «Лепота»!

Трудяга прикрыл глаза, легкая дремота, одолевшая поначалу, исчезла вместе с прохладным ветерком. В небе плыли облака чередой – впереди легкие и рваные, за ними плотные и ватные, а затем сплошным фронтом свинцово-тяжелые и дождевые. «Вот те на!» – подумал Лёпсик. – «Я весь день, используя высокотехнологичные приемы, выслеживал норы и ходы хомячьего

племени. Пускал по ним дым и выливал в обнаруженные места воду. И что, теперь моим усилиям хана»?

– Я не согласен, – сказал Лёпсик.

Он привстал с лежанки и что есть мочи крикнул грозовой туче:

– Не согласен я-аа!!!

– Я-аа, – повторил кто-то.

И следом мир изменился. Загрохотал гром, раскатываясь мелким бисером погремушек. Лёпсик явственно услышал стук колес приближающегося дореволюционного паровоза. «Это на бабкином-то огородике»? Захохотал порывистый ветер, срывая ярость на деревьях, деревенских крышах, крытых чем бог послал и еще толем, на сохнущем белье и куче не сожженного мусора. Хомячки юркнули обратно, приводить в порядок раскуроченные Лёпсиком жилища.

Фу ты, ну ты! Хомячья радость! – выругался труженик и, подхватив старое пальто и бутылку, рысью помчался к дому.

Крупные капли забарабанили по спине, и вмиг рубашка промокла насквозь.

– Дождь на Ивана Купалу - к хорошему урожаю, – обрадовалась Авдотья Мартыновна. – Но, похоже, этот пришлец надолго. Пошли в дом обедать, однако!

***

Над столом висел отрывной календарь, и необорванный листок шестого июля укорял хозяев – дескать, почто не следите за временем? Бабушка помусолила заскорузлые пальцы и оторвала его. Вчерашний день лег на клеенку под солонку.

– Так-то лучше. Седьмое июля – праздник! – улыбнулась она своим мыслям. – Ешь, Лёпсик, ешь, наработался? Мой борщ со свининкой силы дает, я тебе еще курицу приготовила. Будешь?

– Не, спасибо, некуда, – я пойду, прилягу и почитаю что-нибудь.

Он отправился на диван и вытащил наугад из стопки на тумбочке газету, развернул: «Игра времени – правда или ложь»?

***

Наступил вечер. Деревенская и приезжая молодежь собралась на берегу речушки и стали таскать хворост для большого костра. Девчата распустили волосы, наплели венков из полевых ромашек, колокольчиков и васильков и зашептались в кружочке. Появились два брата – один с баяном, другой с аккордеоном.

– Музыка пришла, праздник начинается, – заметил Лёпсик и подмигнул девчатам.

– Точно, – пискнул кто-то, прошмыгнув под ногами, и зарылся в сухую листву под кустом.

«Померещилось что ли»? – подумал парень и нахмурился. – «Пойду-ка я вместе со всеми за хворостом». И он отправился вслед за другими в лес. Едва приметная тропинка привела к малиннику, где он задержался ненадолго, и очнулся, когда сквозь кроны молодых сосен проглянула луна. Лёпсик услышал аккордеон где-то там вдалеке – пора возвращаться.

Лунный свет залил малинник, полянку, три березки и куст папоротника. Внезапно Лёпсик увидел быстро растущий стебель с бутоном на макушке. Бутон раскрылся, и ярко фиолетовый цветок с красной сердцевиной засиял, освещая поляну. «Надо загадать желание», – вспомнил студент. – «Хочу выигрывать всегда и везде»!

– Пусть мне повезет! – сказал он.

– И мне, – повторил кто-то следом и зашуршал в траве.

– Опять показалось? – подивился молодой человек и отвлекся от созерцания цветка папоротника.

Вспомнив, оглянулся – ни цветка, ни полянки, а стоит он на берегу реки и смотрит на потрескивающие ветки хвороста. Светит луна. Играют музыканты. Девчата и парни, разогнавшись, прыгают через огонь. Веселье общего праздника передается и ему, парень хватает первую попавшуюся девчонку за руку, и они вместе перепрыгивают костер…

***

Лёпсик дернулся и проснулся, вышел на кухню. Вчерашний день лег на клеенку под солонку. Бабушка помусолила заскорузлые пальцы и оторвала его. Над столом висел отрывной календарь, и необорванный листок шестого июля укорял – дескать, почто не следите за временем? «Опять вчера? Не может быть – игра времени»?

Что моим усилиям хана? Я весь день, используя высокотехнологичные приемы, выслеживал норы и ходы хомячьего племени, пускал дымы и выливал воду. Вот те на!», – подумал Лёпсик. В небе плыли чередой облака – впереди легкие и рваные, за ними плотные и ватные, а затем сплошным фронтом свинцово-тяжелые и дождевые. Он прикрыл глаза, легкая дремота начавшая было одолевать, исчезла вместе с прохладным ветерком. Хомячки зарылись обратно в норы.

– Пошли в дом обедать, однако! Похоже, этот пришлец надолго. Дождь на Ивана Купалу - к хорошему урожаю, – обрадовалась Авдотья Мартыновна.

– Хомячья радость! – выругался труженик и, подхватив старое пальто, рысью помчался к дому.

– Самое время искать цветок папоротника, обливать девчат водой, – бабушка хитро улыбнулась и многозначительно подняла левую бровь.

– Повезло, так повезло! Каждый день – близнец. Не согласен я, – крикнул Лёпсик, повернувшись к открытому окну. – Я так не игра-аю!

Загрохотал гром, захохотал ветер. Он ел вчерашний борщ. Было лето. Вечный День хомячка. Вчера.

Дружеский визит

Космический странник грустил, блуждая меж водородных и пылевых скоплений, меж спиральных рукавов и звездных систем Галактики. Скуку развеял бы разговор со спутником. Он мысленно нарисовал облик друга – сложную белковую матрицу жизни на основе углерода или кремния – четыре лапки, голова и туловище. Для выражения эмоций пришлось добавить хвост. Причинность хвоста занимала долгие часы безмерности бытия, но оставалась не решенным ребусом.

– Я тоже вполне симпатичен, – он осмотрел себя. – Габариты внушительны: вес – пятьдесят миллионов тонн, объем талии – триста двадцать метров. Хорошего друга должно быть много. Чуток подкачала спина, изрытая оспинами метеоритов, но в деле дружбы она не важна. Бегаю хорошо, на помощь приду быстро. Если нужно тепло, обогрею, имею большой запас энергии. Жаль, имени у меня нет. Придумать бы что-нибудь мифологическое?

Млечный Путь привел странника на окраину ойкумены. Однажды проснувшись, он разглядел в телескоп взрослую планетную систему из девяти планет.

– Вдруг там есть жизнь? – он прибавил тяги.

Надежда забрезжила, когда он продирался сквозь каменистые дебри астероидного пояса. Мимо проковыляли два старца на полуголодных клячах-движках с депешей к далеким звездным родственникам. Всадники странника не заметили. Девятую планету охранял железный страж с надписью: «Новые горизонты». Поковырявшись в примитивных мозгах без малейшего намека на искусственный интеллект, он выяснил происхождение космического дровосека и поспешил дальше.

Атмосфера третьей от желтого карлика планеты содержала кислород, азот, воду и следы жизненно важных аминокислот. Восхищение выплеснулось неконтролируемой вибрацией сознания, он наблюдал красно-сине-зеленое свечение и белые шапки из снежной воды на полюсах. Кометный лед – привычный придорожный пейзаж – не удивлял никогда, но нетронутый свежевыпавший снег смешал стройность мыслей, а шестигранные снежинки вызвали фрактальный шок.

Странник потратил немало времени на вычисления поправок к траектории собственного движения, чтобы сблизиться с объектом вожделения. Получился очень вытянутый эллипс. Долгий полет. Время в пути можно скоротать сбором информации.

– Что ж, меняю курс и высылаю вперед разведчика – это будут мои уши и глаза.

Открытие жизни оглушило странника невообразимой звуковой кашей. Немного мучений над фильтром, и гармонический ряд обернулся репортажами, новостями и музыкой:

«– Моей любви ты боялся зря,
Не так уж я сильно люблю.
Мне было довольно видеть тебя,
Встречать улыбку твою…»

Пел нежный девичий голосок под нехитрые гитарные аккорды. «Хозяйкой маленькой таверны» чужеземец был покорен.

Во время игры с информационным полем планеты, населенной разнообразными формами жизни, странник мечтал. Если бы приземлиться где-нибудь рядом с тихим озером, скажем, в Канаде. Туда приезжает много существ – людей. Часто они привозят на отдых других существ – собак и кошек, а изредка хомячков, морских свинок, черепах, енотов и обезьян. Из всего

ассортимента страннику по вкусу пришлись животные кошачьей породы. «Недаром в японских «аниме» так много этих пушистых героев»!

– Заведу себе котенка, пусть мурлычет. Научу его телепатии – вот и собеседник, – решил странник. – А если заиметь много друзей? Еще одна загадка: кто такие – эти «человеки»? Хорошо бы изучить их эволюцию.

Он поймал телевизионную волну канала «Дискавери» и погрузился в тайны земной жизни на суше и в океане, в пустынях и лесах, в горах и пещерах, в болотах и озерах. Но более всего пришельца удивили муравейники для муравьев и города для людей.

– Люди живут в городах и поселках, – сделал открытие он. – Как бы так приблизиться к ним? Сразу появится возможность пообщаться с большим числом особей. Друзья – это должно быть весело!

Мечта о компании друзей захлестнула его мысли. Нужен выигрыш во времени! В поле газового гиганта Юпитера странник ускорился и устремился к Земле быстрее. Он продолжал слушать эфир и поймал другую волну:

– Астрономы всерьез обсуждают вероятность столкновения с редким гостем Солнечной системы – астероидом Апофисом, имя которого символично, так звали древнеегипетского бога мрака и разрушения. В пятницу тринадцатого апреля две тысячи тридцать шестого года в четыре часа тридцать шесть минут по Гринвичу пришелец пересечет орбиту Луны и направится к Земле. Его скорость составит сорок пять тысяч километров в час. Есть вероятность, что он попадет в область захвата гравитационного поля Земли. В случае столкновения выделится энергия в шестьдесят пять тысяч хиросимских бомб, что вызовет разрушительное цунами или уничтожит маленькую страну. Он неумолимо приближается к Земле. Международное космическое агентство потратило миллиарды долларов на защиту от космических странников. Однако стопроцентной гарантии никто не дает…

***

– Земля! Здравствуйте, я прилетел. Будем друзьями!

А в это время в Пуэрто-Рико близ астрономической обсерватории Аресибо:

– Космический Центр безопасности наземным службам! Минутная готовность до сближения с Апофисом. Начинаем обратный отсчет: десять, девять, восемь… два, один, пуск!

Семь отчаянных пиратов

Вечерело, красноперая рыба закатного светила сонно погружалась в море, и золотистые лучи, подобострастно кланяясь наступающим звездам, проложили небесную дорожку по водной глади от горизонта до берега. Песчаная коса окаймляла полоску прибрежного тропического леса на скалистом тихоокеанском острове.

– Подходящее местечко, – сказал юркий и ловкий Володя, выполняющий обязанности впередсмотрящего матроса, и передал бинокль капитану.

Борис Иванович, самый солидный во всех отношениях мужчина на судне, был заядлым яхтсменом еще со времен оных. Экс-чемпион европейских регат не утратил любви к морским приключениям, когда сошел со спортивной дистанции, уступив место молодым и рьяным, и ежегодно сколачивал компанию из любителей дикого отдыха.

Хорошо знал морское дело пышноусый коренастый дядя Василий – удачливый рыбак, хороший ныряльщик и выносливый пловец. Любители дайвинга, две пары, женихавшиеся весь минувший год, решили перед свадьбой проверить чувство локтя и крепость «каменной спины» в первобытных условиях. Атлеты Антон и Костя внешне отличались лишь цветом кожи

и волос. Загорелый Антон имел прямые русые волосы, а белокожий Костя – кучерявую рыжую шевелюру. Ну, от девчат - топ-модельной Леночки и кругленькой Сонечки на первый взгляд вреда не было.

– Лево руля!

Яхта «Семь пиратов» бросила якорь в маленькой бухте напротив фигуристых каменных глыб. Новоявленные робинзоны – семь человек и собака Жулька с гиканьем высадились на берег, подбодренные заливистым лаем, волоча за собой шлюпку с туристическими палатками, рыболовными снастями и продуктами.

Женщины разобрали провиант. Мужчины поставили палатки в тени деревьев подальше от пенного прибоя, сходили за дровами и прямо на песке разожгли костер. Искры улетали вверх, дрова потрескивали, компания сидела на старых корягах и молчаливо ожидала ушицы из морского окуня. Вскоре кроме супа, хлеб, маринованные огурцы и помидоры, маслины и брынза, вареная картошка и лук украшали клеенку, расстеленную рядом с кострищем.

– Дядя Василий, расскажите что-нибудь, – попросила Леночка.

– Необыкновенное?

– Там на неведомых дорожках, а?

– Бытует у островитян древняя легенда, – рассказчик посмотрел на звездное небо, подкрутил усы и подобрал в руку щепку от полена.

Давным-давно на этом острове уснул двугорбый вулкан Тео-Лунь. Но раз в три года из его восточного жерла курится пепельно-серый столбик, сернистые газы и маслянистый тягучий гель стекают по склонам и заползают в самые отдаленные норки и пещерки. Навязчивый запах пробуждает к жизни теолуньящера. Это легендарное животное живьем никто не видел, да и описать вряд ли сможет.

Внутренняя пустота гонит невидимого зверя из берлоги. Но его чувство голода отличается от человеческого и животного, оно – эстетическое. Жажда неиспытанных ощущений, форм и красок, философского познания заставляет теолуньящера выходить на охоту и искать новые жертвы. Проглотив добычу, он замирает, приняв форму съеденного существа. Эстет

переваривает пищу медленно, словно голодный читатель перелистывает редкую книгу, впитывая букву за буквой, слово за словом, образ за образом. Познав «эстетическое наслаждение», теолуньящер старается подражать вкусному блюду – он действует и взаимодействует с миром в лице съеденного «бутерброда». Отличить жертву от хищника обычному человеку практически невозможно. Местные племена пользуются услугами шаманов, которые, входя в транс, распознают истинную суть теолуньящера или в переводе с их языка – вулканического дракона. Днем он спит, а ночью охотится.

– Укладываясь спать, не забудьте помолиться, авось к утру останетесь прежними, – дядя Василий зевнул.

– А размножаются теолуньящеры как? – спросил Костя.

– Простым делением, кажись, как амебы. Пошел я спать, поздно.

Ночь выдалась звездной и тихой, но после полуночи поднялся ветерок, принесший характерный запах тухлых яиц. Леночка проснулась, выползла из палатки и отправилась к ближайшим кустикам. Собака Жулька верно сопровождала хозяйку. Вдруг Жулька почувствовала нечто ужасное и глухо зарычала, шерсть поднялась дыбом. Леночка направила фонарик в лесную чащу – ни одна ветка не дрогнула. Девушка посветила на берег – луч поглотила пустота. Пустота зияла, словно дыра в очаге папы Карло. Леночка потерла глаза: «Ничего не видно, очки куда-то делись. Может, Сонечка их нашла, надо спросить», – и она шагнула вперед.

Утром Сонечка капризничала:

– Красота-то вокруг какая, не то что эта овсяная каша, фу!

– Дорогая, ты часом не того? – поинтересовался Антон и потрогал ее лоб.

– Милый, ты очарователен сегодня! – она прищурила глаз. – Особенно в лучах восходящего солнца…

Несмотря на ночные страхи, легенда о теолуньящере казалась днем сказкой. Меж тем двугорбый вулкан Тео-Лунь неизменно продолжал источать едва заметный пепельно-серый дымок сернистых газов, пробуждая к жизни древние силы дикой природы. Отчаянные пираты беспечно разбрелись по острову. Лишь собака Жулька недовольно рычала и подозрительно принюхивалась ко всему.

***

Через две недели на палубу взошли семь счастливых отпускников и одна недовольная собака. Яхта отчалила от берега.

Операция «Бублик»

– Во Имя Отца и Сына и Святого Духа! – начал лекцию по богословию отец Афанасий, обращаясь к семинаристам. – Поговорим сегодня о Божьей Силе. Первые проповедники читали свои проповеди земледельцам. Для понимания использовали их обиходный язык. Говорили о горчичном семени. Брось его в землю, оно прорастет. Ибо вера людей произрастает из малого семени.

Отец Афанасий был «в ударе»:

– В нашем современном обществе надо учитывать интересы паствы. Поэтому строить проповедь следует с учетом профессионального языка прихожан. Приведу в качестве примера часть проповеди некоего отца Рихарда.

– Известно, что предохранитель изготавливается из плавкого металла, это означает, он обладает низким сопротивлением электрическому току. Малое сопротивление означает высокую проводимость. Переведем это на духовный язык. Получим – чем ниже наша сопротивляемость Божьему Слову, тем выше уровень нашей мощности. Наоборот, чем выше сопротивляемость в послушании Божьему Слову, тем ниже наша мощность и количество Божьей Силы в нас.

Лектор оглядел аудиторию, поправил очки на носу и продолжил:

– Мы будем учиться видеть Силу Божью в обычной жизни.

Вдруг он заметил на последней парте сладко спящего семинариста. Подкравшись на цыпочках, он строго спросил:

– Что есть Божья Сила, сын мой?

Сосед спящего толкнул его в бок. Тот вскочил, будто ужаленный пчелой, и бойко затараторил:

– Божья масса на Божье ускорение!

– Записать сие на доске сможете? Прошу!

Семинарист Гоша вышел к доске, взял мел и начал писать:

– Божья сила «эф» равняется Божья масса «эм» умножить на Божье ускорение «а». Божье ускорение есть первая производная по времени от скорости «дэ вэ по дэ тэ».

– Занятная концепция, сын мой. Откуда к нам пожаловали?

– Из МИФИ, с третьего курса.

Прозвенел звонок. Лекция закончилась.

– Учитесь, господа. Аминь. Всем спасибо, все свободны. А вас, молодое дарование, прошу пройти в учебную часть.

Гоша топтался у приоткрытой двери в кабинет заведующего кафедрой Богословского отделения. Святые отцы совещались:

– Я думаю, если «талант» доучить в МИФИ, то его можно будет послать с миссией в Европу по наболевшему вопросу. Как считаете, отец Афанасий? – говорил отец Владимир.

– Не знаю, без регулярного контроля? Уж больно он спать любит на занятиях.

– Откроем наши карты, хорошо? Пригласите будущего Нобеля.

Гоша робко нарисовался в дверях.

– Милости просим, молодой человек. Присаживайтесь. Что есть Божья Сила? Будьте добры, повторите свою версию.

– Это есть Божья масса на…

– Достаточно, сын мой. Остановимся на Божьей массе. Вы что-нибудь слышали о бозоне Хиггса и Большом адронном коллайдере?

– Конечно же, Большой адронный коллайдер – это ускоритель на встречных протонных пучках. Попросту говоря, это большой бублик, имеющий двадцать семь километров в

периметре, построенный на глубине сто метров под землей. Энергия столкновений в системе центра масс достигает семи тераэлектронвольт. Проектная энергия в два раза больше, она еще не достигнута.

– Достаточно. С какой целью его построили?

– Найти бозон Хиггса, который отвечает за наличие масс у всех элементарных частиц. Его иначе называют частицей Бога.

– Верно, сын мой. Частицу Бога, вот что они собираются найти с помощью этого «бублика».

– Вы хотите сказать, что Божья масса...

– Именно. Вы понимаете, Гоша, мы, служители церкви, должны и даже просто обязаны быть в курсе, если исследователи найдут не только сам бозон Хиггса, но и подтвердят все присущие ему свойства. Они, конечно же, определенно что-то обнаружили. Однако мы сомневаемся в истинности громогласных заявлений европейских ученых. В связи с этим мы вам предлагаем участие в операции «Бублик»…

Через два с половиной года на кафедру Богословского отделения заглянул импозантный молодой человек с ноутбуком в руках.

– Разрешите, отец Владимир? Я только что из аэропорта, как это сказать по-русски, и сразу к вам, – сказал он с легким английским акцентом.

– Сколько лет, сколько зим! Посолиднел-то как! Рассказывай.

– Нейтральную частицу, именуемую бозоном Хиггса, как бы открыли. Но далеко не все свойства его поддаются пока изучению. Опять же, не обнаруженным остается заряженный бозон Хиггса. Энергия низковата. Светимость растет, но для статистики маловато будет. «Бублик» работает в дежурном режиме. Бывают поломки. То отключение электроэнергии, то короткое замыкание (студенты где-то булочку не доели и бросили, вот сухарик и замкнул контакты), то охлаждающая жидкость вытекла. Оно ломается. Мы чиним.

– Гоша, скажите-ка, – отец Владимир слегка смутился. – Моя тетушка звонила на днях, обвиняла: «Все защищаешь адронный коллайдер! А знаешь? Он своим магнитным полем пассажирский самолет сбил. Вчерась по телевизору сообщили. Я собственными ушами слышала».

– Когда, в позапрошлом году, весной? Передайте тетушке, той весной и летом коллайдер ремонтировали, а магнитное поле вообще было выключено. Пусть спит спокойно.

– Спасибо, голубчик. И главный вопрос. Когда нам ожидать подтверждения открытия Божьей массы, бозона Хиггса как нейтрального, так и заряженного?

– Да вот, остановим коллайдер, проведем доводку установки. Добавим мощностей, и вперед к новым горизонтам! А пока ждем-с.

Посевная

Он любил наблюдать за пробуждением любимой. В кварцевом свете ламп за стеклом, отделяющим кабину лифта от банковского хранилища женщин, материализовался сине-зеленый параболоид – личная ячейка его супруги. Скорлупа параболоида треснула и раскрылась надвое. За дрожащей пленкой плазмы он увидел не очень высокую худенькую женщину гимнастического телосложения с маленькой грудью и узкими бедрами без единого намека на любые проявления волосяного покрова на теле и яйцевидной формы голове. Еще не проснувшись, она ступила за грань консервирующего облака внехронального уни-поля и открыла глаза.

Высокий стройный мужчина атлетического сложения с нормостеническим строением грудной клетки, длинными ногами, узкими ступнями и кистями рук, обладатель абсолютно безволосого круглого черепа, мог служить каноном красоты среди представителей звездной расы галактоидов. Это был он, ее супруг Агрос, звездоплаватель в шестом и агроном в десятом поколении. Двери лифта пропустили пленницу.

– Любимый, – прошептала Арма и зевнула, моргая полупрозрачными веками, лишенными ресниц.

– Кварта галактического цикла в вашем распоряжении. По истечении срока ячейка должна быть заполнена, – неумолимо объявил банковский автомат. – Ваше время пошло.

– Моя красавица, – сказал он и поцеловал ее в лоб.

Ее миндалевидные фиалковые глаза лучились счастьем. Женщина благосклонно приняла утренний поцелуй мужа.

– Какой ты теплый и вкусно пахнешь озоном!

– Я принес тебе обувь и комбинезон-хамелеон из оптоволокна. Он меняет цветовую гамму, следуя тепловому режиму окружающей среды.

– Спасибо, милый, мне уже нравится, – она одевалась и негромко напевала давно забытую мелодию, ловко подражая соловьиной трели и щелкая языком. – Ты меня разбудил раньше положенного времени, что-то произошло?

– Взгляни на панораму города, – вздохнул Агрос.

Лифтокар направлялся к стартовой площадке города Семи Дорог, где их ждал личный звездный корвет. Используемый в качестве перевалочной базы, Город Семи Дорог, располагался на искусственной планете О'Один, созданной галактоидами в точке Лагранжа между двумя Кротовыми Норами, вращающимися близ ядра Млечного Пути. Сквозь прозрачную атмосферу оранжевого неба виднелись россыпи звезд и скоплений далеких галактик. Величественные иглы зданий увенчивались обзорными башенками и сверкали в лучах восходящего светила.

– Впечатляет, – кивнула Арма. – Лучше расскажи о работе. Аврал, да? Что новенького?

– Посевная, – уныло пробурчал Агрос.

– Опять, и где на этот раз?

– В Солнечной системе, третья планета от звезды.

– Если я не ошибаюсь, мы там проводили полевые работы два цикла назад. Сажали цветы жизни. Несколько культур хорошо прижились. Разве нет? – возмутилась Арма, поднимаясь по трапу на корабль.

– Понимаешь, дорогая. Было внеочередное общее собрание нашего галактического хозяйства. На повестке дня слушали отчеты о проделанной работе галактических секторов.

– И что?

– Садовые культуры в Солнечной системе не оправдали ничьих ожиданий. Желтые, красные, черные и белые цветочки, дикие и необузданные, постоянно дерутся между собой за место под Солнцем. Белые хотят победить красных, красные – желтых, а желтые – завоевать весь мир. За то время, пока ты почивала в нирване, на Земле такие страсти закипели! Конкистадоры ринулись истреблять индейцев в Америке. В Европе крестоносцы огнем и мечом насаждают христианство. В Англии охотятся за ведьмами. Бесконечный раздел и передел границ государств. Один Наполеон со своими амбициями тирана чего стоил галактическим миротворцам, пока мы вернули Равновесие! Может быть, я не в той последовательности излагаю, но это безобразие уже записано на скрижалях истории. Вот такова преамбула нового аграрного сезона.

Они помолчали, и заняли индивидуальные хронокапсулы. Агрос ввел координаты цели, запустил вакуумное охлаждение и обернулся к супруге:

– Председатель галактохоза предложил провести корректирующую посевную.

– Что-то новенькое.

– На корме, на нижней палубе, в сверхсильных магнитных полях находится улучшенный, так сказать, «культиватор» с зерновыми культурами. Это свежая разработка по программе Галактики «Панспермия».

– Агрос, отмени старт на пять минут. Я хочу посмотреть новый «культиватор».

Арма решительно встала с кресла и направилась к люку, ведущему на нижнюю палубу. Он заблокировал команды старта.

– Стой, дорогая. О, женщина, ты – ящик Пандоры! Туда без защитного обмундирования нельзя входить. Я с тобой.

– Ого! Не доверяешь?

– Одевайся, амазонка! – Агрос любил ввернуть земные термины в разговор. Он открыл дверцу цилиндрической колонны, находящейся справа от хронокапсулы командира.

– Похоже на костюм противохимической защиты.

Супруги-аграрии спустились в отсек-морозильник, занимаемый диковинным культиватором. Чудо занимало не только

всю нижнюю палубу, но и трюм, находясь сразу в двух уровнях. Огненный шар излучал во всех диапазонах длин волн, и если бы не зеркальная поверхность забрала, то смотреть было бы невозможно вовсе.

– Агрос, а что мы будем сеять?

– Зерна объективной реальности.

– Шутишь?

– Главный агроном предложил идею. Председатель поддержал. Принято на собрании единогласно. Вот список «зерен», – мужчина вынул из кармана лазерный пульт и вызвал голограмму.

Текст с кодами посевного материала возник в центре рубки управления. Таблицы с красными цифрами на черном фоне и химическими формулами мелькали на экране. Арма удивленно подняла надбровные валики:

– Это совершенно не гуманное решение! Я должна высказать особое мнение.

– Потом, дорогая. Я разблокировал «старт». Приготовься к прыжку через Первую «кротовую нору»…

***

Ранним утром тридцатого июня одна тысяча девятьсот восьмого года над центральным районом Сибири с юго-запада в северном направлении пролетел огненный шар и прочертил на небе широкую полосу без дыма. Очевидцев было немало, но, тем не менее, сообщения в местных газетах «Сибирь» и «Сибирская жизнь», которые излагали данное событие, явно противоречили друг другу.

В этот же день в одном важном заведении города Красноярска, призванном разбираться в секретных материалах, легло на стол начальника соответствующего отдела Ивана Васильевича Топтыгина следующее донесение:

«В семь часов четырнадцать минут по местному времени над Южным болотом, близ реки Подкаменная Тунгуска небесное тело взорвалось, сила взрыва, по некоторым наблюдениям,

достигала сорока – пятьдесяти мегатонн тротилового эквивалента. Были повалены деревья на территории более двух тысяч квадратных километров, а стёкла в домах были выбиты в нескольких сотнях километров от эпицентра взрыва…»

Иван Васильевич Топтыгин, невысокий мужчина средних лет, слегка располневший на столь беспокойной должности, отодвинул стопку других документов в сторону, взял сию бумагу и нацепил на нос пенсне. Он сел за стол, обтянутый зеленым сукном, и принялся читать и перечитывать материалы нового необычного дела за номером 6/1908.

Вскоре в Петербург со специальным курьером Иван Васильевич отправил депешу о Тунгусской катастрофе с предложением организовать поисковую экспедицию к месту падения метеороида. Ответа пришлось ждать долго. Пока же с помощью наиболее опытных сотрудников немногочисленного штата он продолжил расследование обычным порядком, начав с опроса свидетелей происшествия. День за днем дело номер 6/1908 пухло на глазах.

«Очевидец: Емек Сайга Шакрун.

Род занятий: шаман.

Накануне события, то есть двадцать девятого июня одна тысяча девятьсот восьмого года, очевидец проводил обряд камлания, с целью призвать дождь на пастбище, где пасутся олени. Он ждал появления Луны на небе и звезд Большой Медведицы, но ночное небо светилось желто-зеленым цветом, и было видно как днем. Это свечение затмевало звезды. Наверное, поэтому дождь так и не пошел ни ночью, ни днем следующего дня. А вот утром тридцатого июня одна тысяча девятьсот восьмого года огня и грома было много. Старым я стал, однако, вот что-то и напутал при вызове духов стихий…»

На листке пометка: «Дождь не пошел. Странно. Либо шаман действительно все забыл, либо он не настоящий шаман. Японский шпион? Установить за ним слежку».

– Иван Васильевич, здрасьте, уважаемый! – приподнял шляпу главред «Сибирских новостей». – Есть новости?

– И вам здрасьте, Гаврила Петрович! Дела идут, контора пишет, – уклонился от прямого ответа начальник секретной службы, приложив два пальца к форменному котелку.

Он любил по утрам пройтись пешком на работу, подышать свежим воздухом, посмотреть, как идет строительство большого круглого здания – будущего цирка в Красноярске. В течение прогулки в голове Ивана Васильевича рождались новые версии, объяснявшие нашумевший в мире феномен. Надо сказать, он, как честный служака, был не только ревностным исполнителем всех предписаний профессии, но и отчаянно любил свою работу. Судьба предоставила ему наихитрейшую головоломку, которую он вознамерился разгадать и сложить.

Складывать мозаику пришлось несколько лет. Иван Васильевич пережил целую эпоху перемен, прежде чем он дождался прибытия исследовательской экспедиции к месту катастрофы. В дело номер 6/1908 добавилась информация:

«Пятнадцатого июля одна тысяча девятьсот двадцать седьмого года. Экспедиция во главе с Л. А. Куликом не нашла вещества Тунгусского метеорита в достаточном количестве. Немного силикатов и магнетитов космического происхождения…»

Комментарий И. В.: «Все не то. Нужно искать сопутствующую информацию».

***

Двадцать седьмого августа две тысячи восемнадцатого года выше среднего роста стройная брюнетка с курчавыми волосами, собранными в высокий замысловатый узел, переступила порог легендарного отдела, ставшего крупным подразделением в отделе Космической безопасности. Это была внучка Ивана Васильевича, Маргарита, получившая летом диплом специалиста в этой области. В качестве проверки на «вшивость» новенькой вручили давнего «глухаря». Маргарита же отличалась невозмутимым спокойствием и холодной рассудительностью. Несмотря на провокацию коллег, девушка догадывалась, что дело это далеко не простое, но весьма загадочное. Она села за раритетный стол, покрытый зеленым

сукном, и открыла старую-престарую папку с пожелтевшими от времени бумагами. Методично пролистала.

«Дело номер 6/1908»

«Совершенно секретно.

Факты:

Первый факт. Эпидемия чумы на Дальнем Востоке в одна тысяча девятьсот десятом и одна тысяча девятьсот одиннадцатом годах. Это была последняя крупная эпидемия такого масштаба на Земле. Осенью одна тысяча девятьсот десятого года первые случаи заражения случились среди охотников на тарбаганов. Они выделывали их шкурки и питались их мясом. Большая часть охотничьих артелей вымерла от чумы. Болезнь распространялась с северо-запада на юго-восток, вдоль путей перемещения китайских рабочих и промысловиков…

Второй факт. Статистическое управление обратило внимание на значительное увеличение количества зарегистрированных заболеваний как в мире, так и в России новой формой гриппа в период с одна тысяча девятьсот восьмого по одна тысяча девятьсот десятый год. Это нельзя объяснить только увеличением больных ОРЗ.

Третий факт. Конец одна тысяча девятьсот восьмого года. В Российской Империи разразилась сильнейшая эпидемия тифа. В одна тысяча девятьсот одиннадцатом году – туберкулез…»

Примечания от И. В.

«И так далее. Все эпидемии имеют инфекционное происхождение и носят характер пандемий. Произошли эти эпидемии аккурат после падения Тунгусского метеороида.

Я делаю вывод: Тунгусское тело явилось рассадником возбудителей болезней. Именно оно засеяло те невидимые частицы или космические зерна, которые мы, простые люди, долгие годы пытались найти и не находили. Такое могли сделать только пришельцы. Я называю это деяние Вторжением. Но эту гипотезу еще предстоит доказать».

С этой минуты молодая сыщица загорелась найти все недостающие улики и достроить вековую мозаику Тунгусского метеорита. В ней, как и в дедушке, жил дух любителя

головоломок. Маргарита перевернула последний лист, послуживший ей в дальнейшем путеводной звездой.

«*Мое послание будущему следователю службы космической безопасности.*

Бдительность и осторожность, дорогой друг, в нелегком деле поиска «зерен объективной реальности». Это чуждый нам разум, и он начал свое вторжение на Землю. Требуется его найти и обезвредить. Враг вооружен и очень опасен».

Золотая лихорадка на Луне

Ранним августовским утром в пятницу тринадцатого две тысячи тридцать восьмого года планету Земля облетела воистину сенсационная новость. Ее передавали все крупные каналы телевидения каждый час. Токио и Вашингтон, Париж и Берлин, Лондон и Женева, Рим и Мадрид, Варшава и Москва транслировали сенсацию более чем на двадцати популярных языках планеты Земля. Лишь Пекин хранил эфирное молчание.

Крепыш Билли и его поджарый партнер Джек, как обычно открыли свое спортивное кафе в десять часов в маленьком захолустном городке штата Техас. Завсегдатаи заведения, как то: водители фургонов-рефрижераторов, таксисты, байкеры и полицейские, ожидающие у входа, тут же заняли любимые столики. Спортивные каналы в этом заведении были в большом почете. Во время футбольных матчей работал тотализатор. До начала игры между командами Бразилии и Канады оставалось еще полчаса. Билли включил телевизор, висящий на штанге под потолком, выбрал новостной канал «СиЭнЭн» и оторопел:

– Джек, иди сюда! Бегом! Слушай!

Миловидная диктор, похожая на внучку Лайзы Минелли, вещала:

– В свое время программа «Аполлон» показала, что на Луне имеются многие материалы, в которых нуждаются земляне. Химический анализ двух образцов лунной породы, доставленных кораблями «Аполлон-11» и «Аполлон-16», проделали химики из лаборатории агентства НАСА еще в семидесятых годах прошлого века. Море Спокойствия оказалось богато железом и титаном. Второй образец из кратера Декарт содержит алюминий. Несколько лет химики изучали возможность выделения этих металлов из лунной породы. Они нашли, что такой процесс может быть реализован в печах замкнутого цикла. Для их работы требуется лишь наличие породы и энергии солнечного излучения.

– Билли, это просто новости. Ну и что особенного?

– Тсс! Сейчас скажет важное.

– В районе Моря Спокойствия запущен автоматический кислородный завод. Что интересно – в шлаках данного производства нашли золото, платину и другие драгоценные металлы. Все найденные ресурсы в шестой зоне исследуемого квадрата объявлены собственностью США. В связи с этим наше правительство объявляет начало эры колонизации Луны. Пункты записи добровольцев открыты в столичных муниципалитетах каждого штата. Гарантируется достойная оплата, медицинская страховка и полный социальный пакет. Приглашаются все желающие! Главный критерий отбора – наличие крепкого здоровья.

Клиенты за столиками замолчали. В чашках остывал горячий кофе, дымились забытые сигары в руках, жужжали назойливые мухи. Разом все пришло в движение. Бестолковая суета и толкотня в дверях, и кафе стерильно опустело. А еще через пару минут автостоянка перед кафе превратилась в сиротливую пустыню. Билли и Джек уставились друг на друга...

На кухне эту новость не слышала только повариха, она же официантка и уборщица в кафе толстая Пэгги, сестра Билли. Увидев ее, Джек и Билли грохнулись перед ней на колени.

– Присмотри за кафе, дорогая. Мы, – партнеры переглянулись, – решили, что ты самая лучшая хозяйка кафе и ее директор. Нам срочно надо уехать в муниципалитет. А?

– Ух, ты посмотри, что делается-то? – неповоротливая и розовощекая Пэгги усмехнулась. Она вытащила поварешку из молочного соуса и размахивала ею перед их носами. – Да ладно, комики, езжайте!

С неглубокими вмятинами и бесформенными проплешинами на некогда голубом кузове старенький джип со свалки, реанимированный весной из небытия, долго не хотел заводиться, наконец-то появилась искра зажигания, и мотор радостно заурчал. Сборы были недолгими, пара джинсов, смена белья, свитер, зимние ботинки, шапка, шарф и куртка с капюшоном – все уместилось в дорожный рюкзачок. Полный бак бензина, прощальный взгляд на одноэтажный домик, оставшийся тоже на попечении Пэгги, и друзья тронулись в путь. Они надеялись на приключения с большой буквы.

– Билли, выше нос! Нас ждут космические приключения на Луне, – с восторгом воскликнул Джек, энергично жестикулируя правой рукой.

– Да, я согласен с тобой. Золотые прииски – это что-то! – ответил Билли с азартом, садясь на сиденье рядом с водителем.

Джек вдавил педаль газа в пол, и они рванули с места, «выгоняя» весь табун в пятьдесят три лошади из двигателя.

– Хорошо! С ветерком! – кивнул он другу, лихо крутя баранку, когда приходилось объезжать колдобины на дороге...

***

Длинная череда из разновозрастных мужчин и женщин выстроилась в муниципалитет. Она начиналась за два квартала до площади. Билли и Джек с трудом нашли место в узкой улочке на парковке. Не успели два добродушных тюфяка занять очередь, как вскоре за ними пристроился еще целый хвост из желающих попасть на Луну. Люди шутили, смеялись, пели. Перед ними стояла большая семья, состоящая из бабушки с дедушкой, четырех молодых женщин, двух мужчин и троих детишек в возрасте от девяти до тринадцати лет. Билли и Джек быстро познакомились

с семьей Райн. Большегрузная бабушка, миссис Райн, в пестрой блузке и белых брюках с увесистой хозяйственной сумкой через плечо, постоянно доставала сэндвичи и пыталась накормить неугомонных детишек.

– Джесика, возьми сэндвич, ты с утра не ела.

Девочка по имени Джесика, одетая в серые шорты и желтый топик, была старшей из них.

– Не хочу, бабушка! Сама ешь!

Миссис Райн тогда предлагала перекусить всему остальному семейству, но поскольку те отказывались, она снова отправляла сэндвичи в сумку. Джесика дразнила мальчишек, а те кидались в драку. Потасовку разнимал их отец.

Внимание Билли и Джека привлекли две незамужние девушки из семейства Райн, рыженькая кудрявая Джулия и шатенка Люси. Обе были худенькие и в меру болтушки. Семейство сопровождало своих мужчин. Люси рассказала, что им приходится ютиться в доме бабушки и дедушки, и лунный контракт позволил бы женатым братьям накопить денег на собственный домик.

– Понятно, тоже надо, – сочувственно кивнул Билли.

Джек огляделся. Колонны мэрии увивали связки красных, зеленых, синих и желтых воздушных шаров. По приказу мэра на площади соорудили переносную эстраду, где выступали знаменитые и известные, и совсем не знаменитые и никому не известные артисты, клоуны и вокальные группы. Настроение у людей было приподнятое. Рядом с эстрадой действовало летнее кафе.

– Девушки, а хотите кофе? Мы с Билли угощаем, – предложил Джек. – Мы можем посидеть вон в том кафе под тентом на площади.

– Да, хорошо бы, – за обеих ответила Люси, стреляя глазами в Билли.

– А нам мороженого и пепси, – подбежала всевидящая Джесика. – Да, дядя Билли?

На радостях Билли и Джек угостили всю компанию. Джек тайком пересчитал наличные, оставшиеся от трапезы, не сильно ли они разорились? Удовлетворенно хмыкнул про себя. Когда детишки убежали играть, друзья обменялись электронными адресами с девушками. Они пообещали написать им письма и послать фотографии лунных пейзажей.

Билли и Джеку повезло, они попали в одну группу будущих «лунатиков». Начались тренировки, центрифуги, медицинские анализы и диагностика. В свободное время друзья регулярно смотрели сводки новостей, сидя в кафе Хьюстона. Дикторша «СиЭнЭн» белоснежно улыбалась на все тридцать два зуба.

– Другие правительства не ждут милости от природы. Страны Европы срочным порядком организовали международное агентство по освоению Луны. Пункты рекрутинга работают круглосуточно во всех крупных городах Еврозоны. Туда стекаются добровольцы со всей планеты Земля. Воистину тринадцатое августа стало международным праздником колонизации Луны! Началась гонка. Мир охватила лунная лихорадка!

– Да сейчас, чья возьмет! – усмехнулся Джек. Его узкое загорелое лицо выражало уверенность в достижении цели. – Кто вперед прилетит, тот больше захватит территорий с полезными ископаемыми. Лунная лихорадка!

– Не лунная, а золотая лихорадка, – поправил Билли, отпивая напиток альфа-стимулятора. – Тьфу, кислятина! Отменная гадость! Чтоб я, находясь в своем уме и здравой памяти в выходной вечер пил кефирные бактерии?

Он скривился, и его круглое лицо стало похоже на помятый пончик.

– Пей, пей! Доктор сказал, этот стимулятор поможет невесомость переносить.

– Невесомость похожа на морскую болезнь, ты как думаешь, Джек?

– Привет, лунатики! – подошел к ним бывалый астронавт Нельсон. – Я нечаянно услышал, вы хотите узнать, на что похожа невесомость? Жду вас завтра в семь ноль-ноль в гидроангаре. Потренируемся!

И он подмигнул обоим.

– Лучше б ты онемел, Билли, до старта! – вздохнул Джек.

Месяц ушел на подготовку в центре полетов, и каждый колонист подписал свой контракт с фирмой «Селена и Ко». Официальные лица НАСА торжественно вручили им космические билеты «туда». В графе место прибытия значилось: «Луна. База-1». Добровольцы надеялись, что пройдет время, и первые

космические билеты колонистов будут продавать на аукционах за бешеные деньги. Друзья бережно вложили билеты обратно в конверты и спрятали их в фирменные чемоданчики, чтобы не помять...

Ячеистый купол селенитной станции покрывал примерно три четверти гектара в Море Спокойствия. Под верхним противорадиационным куполом располагался еще один, выдерживающий давление в одну атмосферу. Здесь и находилась американская Лунная База-1, построенная усилиями роботов и людей из отряда инженеров и техников. Несмотря на то, что территория базы делилась на сектора, их границы были весьма условными. Поэтому поселенцы, заключившие контракт с фирмой «Селена и Ко», бродили везде, где хотели.

Паукообразные жилища из состыкованных полуцилиндров были разработаны по принципу замкнутого цикла жизнеобеспечения. В случае аварии герметичные перегородки могли автоматически перекрывать отдельные секции, не допустив утечки воздуха. Кислородно-воздушная смесь подавалась в купол специальными генераторами, использующими реакции разложения лунной руды, содержащей кислород. На улицах лунного городка висели красочные плакаты: «Главная задача поселенцев – разведка и разработка полезных ископаемых и воды!»

После ознакомительной экскурсии Билли и Джек отправили по электронной почте свои фото девушкам. Рядом с лунным трактором на фоне рассветного пейзажа бравые парни в скафандрах смотрелись фантастично. Эти же снимки непостижимым образом попали и на первые полосы американских, канадских и европейских газет.

– Наверное, это администрация компании «Селена и Ко» постаралась, – предположил Джек, когда услышал об этом в новостях.

Единственный телевизор, который «лунатики» могли смотреть, находился в столовой.

– А ведь фирмачи обещали приватность личной переписки, – заметил Билли.

– О! Знаменитая звездная пара золотоискателей, вы теперь наша гордость, – сказал им уважительно повар в столовой, накладывая добавочную порцию бифштекса. – Лично от меня

презент, господа! Разрешите автограф, – он протянул им фирменный бланк меню.

– У меня еще ни разу не брали автограф, – смутился Билли.

– И у меня тоже, – кивнул Джек.

Друзья поставили подписи на меню, черкнув пару хороших пожеланий повару.

– Спасибо, Ван Лу. Ты вкусно готовишь, – сказали они хором.

Эйфория невесомости и малой силы тяжести прошла быстро. Первый же участок, где они начали раскопки, содержал мизерные крупинки золотого песка. По смыслу его надо было промывать проточной водой и желательно под куполом, а не на открытом месте. Всю смену они заполняли лунный грузовик породой, которая затем отправлялась в промывочный цех.

– Эх, Билли, как бы нам попасть на мойку золота? – мечтательно произнес Джек.

– Может, попроситься туда в следующую смену?

Они так и сделали. Менеджер выслушал их:

– Как пожелаете, – он ухмыльнулся и записал оптимистов в цех мойки золота.

Работа в цехе была полностью автоматизирована. Наблюдать процесс можно было лишь через маленькие узкие оконца на странных полусферических агрегатах и на мониторах промышленного компьютера, которые рисовали графики процессов химического анализа и обогащения золотоносной руды. За всем происходящим следил дежурный оператор. К золоту он имел чисто наблюдательное отношение и пил чай в немереных количествах, благо на смене его давали бесплатно. На выходе обогащенная до нужного процента порода грузилась в биксы и немедленно отправлялась с космодрома на орбиту. А оттуда на Землю.

Друзья-золотодобытчики скисли.

– Подожди, Билли, еще не вечер. Мы что-нибудь придумаем. Или случай какой-нибудь подвернется.

– Будем ждать, Джек! Надо в столовой с народом пообщаться. Может, идейка-то сама и всплывет?

Они решили вернуться на прежний участок. Неторопливо потянулись рабочие будни. «Лунатики» постепенно втягивались в трудовой режим. Колонисты, словно дождевые черви, прорыли

в Море Спокойствия ходы и выходы во всех ближайших холмах, соорудили лабиринты в природных пещерах и создали новые пещеры, уходящие в недра Луны. Вскоре компания начала строительство промышленной железной дороги к руднику с бокситами. На очереди был запуск завода по выработке алюминия и дюралюминия.

– Билли, по-моему, забрезжил рассвет надежды.

– Что ты хочешь сказать?

– При таком грандиозном строительстве не всегда все гладко идет. Могут понадобиться ручные работы, на всех роботов не напасешься.

– Я как-то не подумал об этом. Ты просто гений, Джек!

Новенькие прибывали и прибывали. В Море Спокойствия как грибы вырастали свежеиспеченные жилые купола и ректификационные колонны для ракетного топлива.

Билли и Джек обитали в одной жилой секции. По комнате на каждого, общая кухня с санузлом и видео-приставка с набором дисков. Никаких излишеств – койка, тумбочка, встроенный шкафчик и коммуникатор.

– Билли, я сегодня слышал сплетни в столовой. Среди новеньких появились игроки-одиночки. Они покупают лицензии для индивидуальных разработок участков.

– Это что, крутые селенологи-специалисты?

– Вряд ли, – Джек задумался. – Разыгрывают карту «повезет – не повезет». Умники влезают в долги, берут кредиты под будущие прибыли. Кредиторы радуются козырным преимуществам и дерут с малых «три шкуры». О-оо! За одного шестиногого робота, которым те пользуются в качестве лошадки, банкиры приписывают каждый день по одной сотой процента. Ставки растут как на дрожжах. Жулики!

– И те, и другие. Обе стороны хотят сжульничать.

– Но самое интересное, Билли, треть гонорара выплачивают обогащенной породой. Живое золото! Ты представляешь?!

– Золото, говоришь? Пожалуй, это здорово. Где хранить-то будем? Джек, ну не в тумбочке же. Сопрут ведь.

– Точно не знаю, может быть, наймем ячейки в банке?

– В каком банке? Лунного банка еще нет даже в проекте.

– Не унывай, что-нибудь придумаем! Давай, киношку посмотрим.

Утром в столовой толкались и «старослужащие», и вновь прибывшие наемники. Друзья, взяв подносы с незатейливым завтраком – омлет с сосиской и овсяной кашей, едва нашли свободные места в самом дальнем углу.

– Что-то народу собралось много, – пробурчал Джек, тыкая вилкой в пережаренный омлет. Утренний Джек всегда был ворчливым и хмурым.

– Где твой жетон, дружище? Забыл на другой рубашке? – спросил Билли, доедая кашу. – Нас в вездеход автомат не пропустит.

Джек пошарил рукой по рубашке.

– Здесь был прикручен, я точно помню. – А твой жетон на месте? Тоже нету, глянь!

Друзья проверили карманы на рубашках, в полукомбинезонах.

– Еще и кредитки сперли. Коты драные! Вот, хрень! У тебя тоже? Тьфу ты, влипли! – Билли подпер щеку кулаком. – Что делать-то будем?

– Не знаю. В управление компании надо обращаться.

Очкастая и тощая девица хладнокровно выслушала друзей и предложила им заполнить десять листов анкеты. После анкет они прошли тесты на детекторе лжи, отвечая на абсолютно глупые, а порой идиотские вопросы ассистента психолога компании. Вконец измученных бюрократическими процедурами Билли и Джека пригласили в кабинет вице-президента фирмы «Селена и Ко».

– Ваше дело будет разбираться месяц-другой-третий. Поэтому пока к работе в прежнем виде мы вас допустить не можем. Но, – он поднял указательный палец вверх! – Есть выход. Вы покупаете лицензию на разработку индивидуального участка. Мы вам обеспечиваем анализ породы и оплату согласно договорной норме. В кредит даем скафандры и робота для перевозки вас и грузов к месту работы. Подумайте, это лучше, чем ничего. Ваш договор на этот период работы вот здесь. Если хотите, ознакомьтесь!

Выбора не было. Друзья вздохнули и подписали бумаги.

– Номера ваших роботов А112 и Ф115, а это стартовые ключи для них. Они стоят сейчас в гараже восточного крыла. Можете пойти пообщаться с ними! – девица протянула им ключи зажигания и наконец-то любезнейше улыбнулась.

– Спасибо, мэм.

Добравшись до гаража, они быстро нашли своих шестиногих лошадок. Роботы были совсем новенькие, еще в заводской смазке. Друзья принялись за дело – обтерли их, проверили заряд батарей, ходовую часть. Инструктор сначала подсказывал, что и как, а когда увидел, что ковбои вполне освоились, пошел обедать. Друзья-золотоискатели оседлали роботов, включили рабочий режим железных скакунов и поехали на испытательную беговую дорожку.

– Почти как на добром коне! – воскликнул Джек, покачиваясь из стороны в сторону на крутых боках А112. – Чем не ковбои?

– Пожалуй. Надеюсь, в скафандре будет так же удобно, – кивнул друг. Билли хотел научиться управлять своим роботом Ф115 вслепую.

Некоторое время они ехали и молчали, пуская «лошадок» то галопом, то рысью, то тихим ходом. Мерное покачивание в седле напоминало им Землю и способствовало к размышлению.

– Когда мы вышли из офиса, меня одолели сомнения. Похоже на ловушку, подстроенную компанией – ты не находишь, партнер? – изрек философски Джек, когда они поехали рядом.

– Мне тоже сдается, партнер, – приятель помедлил. – Мы задаром, как бы так выразиться…

– Да так и скажи, Билли. Мы с тобой бесплатно лошадиного навоза наелись.

– Вот Пэгги смеяться-то будет!

В стиле Ампир

«Насколько в этом ослепленье явном, я переоценил свои права!»

«Фауст», Гёте

1.

Эта история произошла однажды ранним летним утром, когда на востоке запылало ало-пунцовое марево восхода, а местные жители загодя почувствовали, что новый день будет необычным. Городок N взбудоражила одна наисквернейшая газетная новость.

«Городские новости» не пользовались особым спросом у обитателей городка, поскольку печатали в основном «жареные» факты и неправдоподобные истории, точнее слухи и сплетни. Издание мало кто покупал собственно для чтения, скорее лишь для того, чтобы завернуть продукты или вытереть руки, или просто провести время в какой-нибудь очереди.

Однако именно слухи и сплетни, как известно, и разносятся-то со сверхпечатной скоростью. На крохотную заметку, напечатанную мелким шрифтом в правом углу на последней странице, поначалу обратили внимание исключительно заботливые домохозяйки, завернувшие утренние покупки на рынке, и безработные, занявшие очередь на бирже труда. Мало-помалу газетная утка обрастала ужасающими подробностями и зловещими прогнозами. Редактору удалось-таки напугать сонного обывателя городка N и взять долгожданный реванш. Тираж вмиг разобрали весь до последнего экземпляра. А за последнюю партию газет сметливый киоскер, торгующий на улице Цветочной, взвинтил цены до салонных журналов мод и выручил свой недельный заработок.

Господин Фокс О'Дер, скромный служащий частного сыскного агентства, тоже купил экземпляр одиозной газетки. Он рассуждал примерно так: «Если слухи распространяются быстрее, чем того можно ожидать, значит, они уже заслуживают пристального внимания». Детектив развернул свежий номер, сел на скамейке в сквере и просмотрел его по диагонали, от первой колонки до последней, пока не нашел незатейливую заметку. Господин Фокс О'Дер, конечно, мог бы просто пожать плечами, резюмируя содержание этой «новости». Однако он недаром снискал себе славу среди жителей городка как достойный уважения сотрудник сыскного агентства под названием «В стиле Ампир». Нет, уважаемый господин не пожимал плечами, не поднимал удивленно брови вверх, а просто задумался, собирая воедино цепочку дедуктивных умозаключений.

– Судите сами, – вещал с экрана уличного телевизора бойкий ведущий программы: «Факты жарим сами», – что или кто стоит за сообщением из редакционной утятницы? Господа телезрители, если вы думаете, что заметка соответствует истине, то нажмите на своих пультах зеленую кнопку, если же вы думаете обратное, то – красную кнопку. Итак, голосуем! А пока компьютер обсчитывает статистические данные опроса, просмотрите рекламу минеральных добавок.

Господин Фокс О'Дер перечитал содержимое двух маленьких абзацев:

«Сегодня утром в Лесном Парке полицейский патруль обнаружил в сторожке егеря господина и госпожу Ж., крепко

привязанных капроновой бечевкой к пилообразному режущему автоматическому механизму. Супруги пребывали нагишом, лысые и в состоянии аффекта, а на все вопросы отвечали сбивчиво и путано. Они утверждали, что Некто или Нечто, странно пахнущее, похитило их из веломобилей, когда они прогуливались после релаксационного бассейна, и силой притащило супругов туда, где их впоследствии обнаружил вернувшийся с обхода вверенного ему участка егерь, который и вызвал по телефону наряд полиции.

Предварительный осмотр места происшествия показал следующее. Господин и госпожа Ж. пожаловались, что они были злоумышленником раздеты, а затем подвергнуты тщательной мойке горячей жидкостью в узкой кабине с применением жестких волосяных щеток, беспощадно обдирающих кожу. После зверской процедуры Некто густо натер их белым сыпучим дробленым минералом и облил резко пахнущей жидкостью – возможно, уксусной кислотой. В довершение он присыпал их мелко иссеченными кусочками волос, обстриженных с голов несчастных супругов. Маньяк затащил жертвы в автоматическое устройство с греющимися стенками, привязал к режущему механизму и произнес жуткое заклинание: «Насколько в этом ослепленье явном, я переоценил свои права»! *Плотоядно усмехнувшись, он захлопнул дверцу адской жаровни. Преступник удалился, пообещав прийти навестить их, «когда все будет готово!». Полиции удалось установить, что моющей жидкостью было редкое встречающееся на планете Ампир вещество – Активированная Вода, доведенная до температуры кипения».*

Сыщик дочитал, свернул газету вчетверо и сунул ее в карман клетчатого пиджака, плотно обернул вокруг шеи длинный шерстяной шарф и поднялся со скамейки. Он шел по тротуару средним темпом по обычному маршруту, совершая утренний моцион перед напряженным трудовым днем. Его острый ум анализировал и сопоставлял известные факты и безумные слухи.

В детективном агентстве «В стиле Ампир» господин Фокс О'Дер появился в приподнятом настроении и сел за скромный потертый столик. Он вытащил из ящика коробку с разноцветными детскими кубиками и начал строить из них домик-пирамидку.

Красный кубик условно обозначал достоверный факт, желтый – непроверенный слух. Детектив строил сооружение так, чтобы «факты», опирающиеся на «слухи», не смогли разрушить целостное строение, если он вынимал кубик, условно обозначающий «слух». Разрушение пирамидки означало неверную логическую цепь умозаключений. Тогда ему приходилось воспроизводить всё заново и совершенно в иной последовательности.

Очаровательная госпожа Киви, молоденькая секретарша в желтой мини юбке, принесла боссу на завтрак стакан с минеральной водой и пищевыми добавками. Господин Фокс О'Дер принимал пищу и играл в кубики, когда в агентство пришел первый посетитель.

Дэн Мак Эппл, солидный и хорошо одетый господин с карманными часами на золотой цепочке, предъявил документы. Он представился владельцем конторы подержанных веломобилей и пожаловался на резкий спад в делах из-за нашумевшей газетной утки. Его нехитрую просьбу – разобраться с редактором «грязного» издания «с давно протухшим жарким», тщательно запротоколировали. Сердитый господин Дэн Мак Эппл заполнил приватную анкету, прошел психотест на адекватность восприятия реальности и внес залог на порядочную сумму. Предложенный девушкой стакан минералки оказался кстати – он выпил воду залпом и, несколько успокоившись, вышел на улицу.

С любезнейшими улыбками сотрудники агентства проводили посетителя до его личного четырехместного веломобиля, колышущего парусиновым тентом. Молодцеватый водитель в полотняной рубашке подал гудок клаксоном, посмотрел в зеркало заднего обзора, пригладил узкие усики под длинным носом и лихо закрутил педалями. Веломобиль плавно покатил по брусчатой мостовой, сверкая никелированными спицами и зеркалами на солнце. «На узенькой улочке это было единственное транспортное средство», – заметил господин Фокс О'Дер. Сыщик достал блокнотик коричневой кожи и занес в него новый факт. Потом подошел к рабочему столу и добавил в пирамидку красный кубик. Игрушечный домик не развалился, – значит, логическая цепь рассуждений верна.

Сегодня агентство «В стиле Ампир» пользовалось необычайным успехом. Большинство посетителей жаловались на спад в делах и на редактора «Городских новостей». Счет в банке господина детектива быстро пополнился до внушительной кругленькой суммы. С одной стороны – хорошо. С другой стороны, одолели проблемы. Немедленно возник следующий вопрос, где набрать достаточное число сотрудников, чтобы обеспечить приличествующую слежку? Невыполнение архисрочной работы – выяснить личности редактора газеты и корреспондента, написавшего скандальную заметку, а также навести справки в полиции о действительном положении дел, связанных с утренним происшествием, грозило недовольством клиентуры. Сыщик задумчиво почесал круглую голову с проплешиной на макушке. С чего же начать? Дедуктивный метод предписывал детективу танцевать от печки, следовательно, надо начинать с самого горячего в данной истории места. Господин О'Дер надел любимую фетровую шляпу, завернулся в шарф и поехал в больницу, куда привезли супругов Ж.

2.

Деловитый молодой человек двадцати лет Флориан Спрей громко рассмеялся и, вежливо ответив клиенту, положил телефонную трубку на рычаг. Рабочий день подходил к завершению, чему он и прочие сотрудники прачечной номер три были весьма рады. Стоял душный летний вечер, и хотелось хоть немного побыть на пляже, смыть трудовой пот и городскую пыль. Преуспевающий клерк прачечного дела работал не за страх, а за совесть, ибо сколачивал состояние, чтобы открыть собственную картинную галерею – он брал уроки мастерства у маститого художника.

Будучи тщеславным и вожделея славы, Флориан Спрей мечтал писать большие полотна для выставок в дорогих престижных салонах. Пока же он скромно ограничивался пейзажными миниатюрами и фруктово-овощными натюрмортами. Отдельным нюансом для великой истории являлся

выполненный темперой автопортрет – благо тому способствовала приятная наружность: обаятельное круглое лицо с ямочками на щеках и кипарисовая стройность тела.

Будущее светило живописи оттачивал грани таланта, изучая различные приемы накладывания краски. Его арсенал пополнили размашистые мазки широкой кистью и скупые ювелирные мазки узкой кисточкой. Начинающий художник жадно искал незатасканный жанр и неповторимый стиль. А для пропитания работал, где придется. Полгода назад ему повезло зацепиться в прачечной с серьезной клиентурой. Доход стал более или менее регулярным, и Флориан иногда позволял себе шикарно пообедать и прогуляться с девушками на речном катере.

Его школьный товарищ Исаак Диссон, с которым он и сейчас поддерживал дружеские отношения, работал мойщиком посуды в придорожном баре. Широкая кость и рельефная мускулатура не помешали ему также хорошо развить «мозговые извилины». Друг мечтал о карьере на поприще создания транспортных средств, а пока изобретал всякую курьезную всячину. Малогабаритную двухкомнатную квартирку, снимаемую им в коттедже за городом, сплошь заполняли рулоны с чертежами и их копиями, которые делались сугубо для личного архива. Половину рабочей комнаты занимали высоченные стеллажи с подсобными инструментами и готовыми изделиями. Безмозглые уродцы молодого и порывистого дарования призваны были делать что-то полезное или бесполезное, но чрезвычайно забавное. Косой десяток машинок, механизмов и моделей «перпетуум-мобиле» занимал место на отдельной полке. Изобретатель Исаак Диссон страшно гордился любимыми творениями и мог часами рассказывать о них.

Глядя на никчемных созданий, Флориан Спрей, как художник, великодушно оценивал необычность форм: «Ну, ты эстет»! А будущий инженер Исаак Диссон с удовольствием облизывался на фруктово-овощные миниатюры и высказывал искренне лестное мнение: «Здоровый аппетит – бодрый сон»! Им нравились разные девушки, но одинаковые блюда. Они оба страстно любили стихи и концерты рок-музыки и мечтали путешествовать далеко-далеко. Если у них возникали разногласия, то не из-за девушек и ненадолго.

Флориан Спрей и Исаак Диссон встретились на речном берегу, окунулись в набегающие волны. После купания прибрежное кафе приютило пляжников.

– Как твой телепорт? – спросил Флориан, подцепив вилкой кусок антрекота.

– Почти готов, не хватает одной детали, – ответил Исаак с набитым ртом, он промокнул бумажной салфеткой губы и отпил апельсиновый сок.

– Какой детали? Полагаю, что главной – ионного двигателя, – съехидничал господин художник, отправляя в рот кружок помидора и пучок укропа.

– Не угадал, двигатель как раз есть. Подошел первый из моих «перпетуум-мобиле». У него просто идеальные характеристики для телепорта – отлично перекачивает энергию из вакуума. КПД – двести процентов!

– Мы учились в школе вместе, – Флориан Спрей положил вилку на пустую тарелку.

– Не веришь? Пошли, покажу, – запальчиво воскликнул Исаак Диссон.

– Доешь ужин и проверим, – философски согласился друг.

Искра сине-зеленого пламени пробежала между электродами, плазменный разряд в длинной колбе с инертным газом вспыхнул и погас. С шипением и свистом вырвался глухой звук из внутренностей защитного кожуха телепорта, и все заглохло.

– Это есть телепорт «пшик», – констатировал художник из прачечной. – Не переживай, Исаак, пойдем на свежий воздух!

– Хорошо, свет в доме не погас. Ладно, идем в парк, там музыка играет, кисоньки в таких нарядах гуляют, что пальчики оближешь.

3.

Господин Фокс О'Дер побеседовал с лечащим врачом супругов Ж., прошелся мимо их палаты и заглянул через дверное стекло вовнутрь. Аппараты перекачивали кислородную смесь для дыхания и диагностировали состояние пациентов. На экранах

и индикаторах вспыхивали желтые и зеленые импульсы, строились диаграммы пульса, давления, газообменных процессов, ритма сердца. Подопечных досматривали сиделка и оператор. Вход в палату караулил личный охранник. В коридоре сновали назойливые до неприличия журналисты и корреспонденты. Пациенты пришли в себя, с трудом воспринимая окружающее. Господин О'Дер воспользовался моментом:

– Добрый день, уважаемые, я не спрашиваю о самочувствии, наши врачи делают все, что могут. Они хорошие специалисты! Позвольте мне, скромному детективу, помочь вам в меру моих сил и обязанностей. Вы смогли бы припомнить, как выглядел преступник?

Госпожа Ж. сначала капризно надула губки, но когда до нее дошел смысл вопроса, наморщила лоб:

– Мне кажется, преступник был необычным и ни на кого из завзятых злодеев вовсе не похожим. Лицо он спрятал под маской из шелкового темно-синего платка. А шляпа с высокой тульей и широкими полями закрывала глаза, но я заметила в них жуткий металлический цвет с красным отблеском. На руках были натянуты белые перчатки.

– Какого он роста?

– Высокого роста, и такой, массивный.

– Ты вечно все путаешь, – запальчиво вмешался ее муж, господин Ж. – Он ниже среднего роста и пытался увеличить его зрительно за счет шляпы с высокой тульей и каблуков на сапогах. Господин следователь, простите ее, она сама не своя. Преступник низкорослый и кряжистый со странно пахнущим дыханием, как будто съел, не знаю, ну что-то совершенно несъедобное.

Господин О'Дер участливо покачал головой и простился с супругами Ж. Что ж, теперь стало ясно. Неуловимый преступник – действительно незаурядная личность, раз ему удалось одновременно произвести впечатление высокого и низкорослого человека на обычных людей среднего роста. Или это последствия стресса? «Предположим, «маньяк», как таковым маньяком не является. Странная теза получается», – размышлял детектив. – Итак, преступник мужского пола. Злоумышленник знаком с психологией и ее эффектами. Допустим, что он

ненормальный, но не сумасшедший. Что ж, неплохо для начала! – похвалил сыщик сам себя.

Господин Фокс О'Дер присел на скамейку в тени развесистого коралла на Фонтанной улице. Солнце пригрело, и он размотал шарф. «Кого искать? Начнем с потерпевших супругов Ж».

4.

Кисоньки, гуляющие в Зеленом Парке, безусловно восхищали – открытые лопатки, острые ключицы в декольте, брючки с разрезами для угловатых коленок. Смуглые и белокожие, рыженькие и брюнеточки!

– Флориан, так и косоглазие заработать можно, а? – спросил Исаак Диксон, хлебнул из пакетика апельсиновый сок и уселся по-турецки на стриженом газоне.

– Лучше окосеть от такой красоты, чем сидеть летним вечером дома и нюхать растворители.

– Напишешь «окосевший» портрет косоугольной красотки в стиле кубизма или «ромбизма».

– «Косоугольная Мадонна»? Спасибо за подсказку!

Молодежь гудела до утра. Музыка, танцы, домашнее игристое яблочное вино, анекдоты и вздохи на скамейке – все смешалось в единой палитре будущего маэстро Флориана Спрея. С первыми лучами солнца в квартире о бурном веселье напоминала адская смесь запаха духов, помады и остатков вчерашнего салата.

Исаак спустил правую ногу на пол, нашарил тапочек. «Где же второй»? Молодой человек прошествовал босиком в прихожую и обнаружил его у входной двери. Сосредоточившись, вспомнил, что перед тем как упасть на подушку, он размахнулся и запустил тапком в быстро захлопнувшуюся дверь. Неужели в «косоугольную мадонну»? Ой, не по-рыцарски как-то! Исаак смущенно и стыдливо икнул, захлопнув дверь туалетной комнаты. На полочке перед зеркалом ушедшая фея оставила пузырек с духами и цилиндрик помады. Исаак понюхал вишневую

палочку, лизнул ее зачем-то. Фу! Имя девушки выветрилось из головы, он махнул рукой и включил душ.

Свежесваренный кофе заполнил ароматом квартиру, а утренняя прохлада, повеявшая из распахнутого настежь окна, прогнала ночные ассоциации.

– Ну, как оно? – спросил Флориан.

Друг нарисовался на кухне в трусах и с полотенцем на плече.

– Присоединяйся, маэстро, отличный кофе! Классный был вечерок?

Исаак отхлебнул горячую черную жижу и с аппетитом надкусил трехслойный сэндвич:

– Ничего не помню, честное слово, – пробубнил он с полным ртом и вздохнул. – Утром я сообразил, как улучшить мой телепорт, и хочу проверить его на подопытном. Хочешь быть моим лабораторным длинноухим «кроликом» или толстым «хомячком»?

– Боязно как-то. Возьми кого-нибудь другого.

– Ладно, тогда помоги отыскать добровольца.

– Проще простого, берем телепорт и идем в Зеленый Парк. Выбирай там белых мышек или кошечек-кисонек, ах! – он умильно закатил глаза к потолку и потряс головой, – сколько твоей изобретательской душе угодно.

– Отлично! Значит, вечером? Чур, не опаздывай и не пропусти исторический момент!

5.

Господин Фокс О'Дер развернул экстренный выпуск «Городских новостей». Поискал глазами то, ради чего собственно и вышел в свет этот номер.

«Последние новости из полицейского управления отважно добыл ваш покорный слуга корреспондент Крузо Мэнс. Оказывается, пресловутый маньяк давно орудует в окрестностях нашего города. Вновь обнаружены следы его преступной деятельности.

На берегу Кораллового Озера найден большой плоский металлический блин с загнутыми по краю бортами и остатками

маслянистой жидкости. Как показала экспертиза, маслянистая темно-желтая жидкость относится к органическим ненасыщенным жирам. Её нагревали на сооружении, сделанном из обломков городской мебели. Для процесса горения маньяк использовал химически чистую серу. Я уверен, дорогие читатели, вы подумали о том же. Как тут не вспомнить наших достойных бабушек с их суевериями и мистикой?

Только после вопиющего происшествия с супругами Ж. и обнаружения этой дикой находки наши доблестные стражи порядка решили, наконец-то, разработать операцию по его поимке. Что они думали до сих пор, остается на их совести. Фактов в отделении полиции было собрано предостаточно для активных действий, но законники «ждали распоряжений сверху»! Дорогие горожане, злодей остается на свободе и подкарауливает ничего не подозревающих граждан.

Куда смотрит глубокоуважаемый наш мэр? Чем, позвольте спросить, занимаются сотрудники безопасности, если от порядка на улицах и скверах не осталось и тени следа?»

Сыщик обтерся клетчатым платочком и по привычке свернул газету вчетверо. Он вернулся в контору и вызвал Тома Квина, молодого помощника, два дня назад принятого в штат. На первый взгляд, спортивно сложенный симпатичный молодой человек кроме баскетбола ни о чем слышать не хотел. Том сквасил кислую мину, когда узнал, что вместо баскетбольного матча придется бегать по мелким поручениям мэтра. Он-то мечтал о серьезном деле, чтобы проявить недюжинные способности детектива. Пока же ему предстояло посетить адресное бюро и разжиться сведениями о супругах Ж., их соседях, друзьях и коллегах по работе. Скукотища!

Помощник шефа был молод и резв, поэтому выполнил поручение быстро. «Эх, успеть хотя бы к середине матча между командами города N и провинцией Пяти Озер»! Вскоре господин Фокс О'Дер имел ориентировочное представление об объекте расследования.

Супруги Ж. жили в собственном домике «средней руки» на окраине города и, судя по рассказам соседей, довольно дружно. Хозяйка зачастую бывала дома и присматривала за удивительным

садом, иногда ходила пешком на рынок. Господин Ж. содержал крупный художественный салон, в котором имелось множество исторических полотен именитых мастеров всего мира. Соседи были солидными людьми с положительной репутацией. Друзей супруги Ж. дома не принимали, предпочитая общению с людьми экзотическую живность – коралловых рыбок. Изредка они катались на веломобилях по тенистым аллеям Лесного Парка.

Никаких зацепок! На следующий день господин Фокс О'Дер оделся в дорогой костюм и пригласил очаровательную секретаршу госпожу Киви в выставочный зал посмотреть новую коллекцию картин. Несмотря на плачевное нынешнее положение супругов Ж., их сотрудники продолжали исправно работать на благо фирмы «Ж. и Компания».

Здание салона, выстроенное в стиле ампир в незапамятные времена, еще помнило заливистый смех и шаги почитаемого ампирянами классического поэта. Первая часть коллекции, посвященная здоровому образу жизни, вышла из-под кисти давно признанных гениев. Вторую часть представляли молодые дебютанты, храбро выставившие пробу пера на суд беспристрастных зрителей.

Господин Фокс О'Дер и госпожа Киви следовали за пылким экскурсоводом и с удовольствием осматривали действительно гениальные творения настоящих художников. Здесь были пунцовые закаты и золотисто-розовые восходы, времена года и чарующие портреты любимых женщин, жен, матерей, детей. Чудесные природные пейзажи и сюжетные зарисовки. Что скажешь – мастера!

Настал, наконец-то, черед и для просмотра шедевров молодых подмастерьев. То, что они увидели – слабо поддавалось пониманию. Во-первых, непонятно под каким углом нужно смотреть на полотно. Во-вторых? Просто взрыв эмоций! Господин Фокс О'Дер огляделся, ему казалось, он тихо сходит с ума.

– Авангард! – восклицали молодые волосатики, толпясь у картины «Портрет моей бабушки».

Детектив пригляделся к портрету. Бабушку можно было с таким же успехом принять за дедушку, если представить, что их обоих заключили в четвертое измерение и изрядно намяли им бока.

– Современное искусство идет в ногу со временем. Дети, мы видим сочетание живописи традиционной и веяний технического прогресса, – вещала юным ученикам молоденькая стройная учительница, недавняя выпускница педагогического колледжа, стоя против полотна «Техника будущего на лоне природы».

У картины «Коралловая Донья» корреспонденты разномастных газет, щелкая фотокамерами, восхищались:

– Истинное прогрессорство!

Господин Фокс О'Дер под ручку с госпожой Киви прошли целую череду «мадонн», пока не уткнулись в монументальное полотно «Косоугольная Мадонна», собравшее солидную толпу бурлящих почитателей:

– Новый жанр! Экзотика! Экспрессия!

– Смелое сочетание красок лесных кораллов и невиданных плодов!

– Богатая фантазия у автора! Да, кстати как его имя?

6.

В Зеленом Парке теплым летним вечером было не просто многолюдно: яблоку упасть негде. Друзья пристроились на зеленой траве аккуратно и любовно подстриженного служителями парка газона и стали наблюдать за прохожими, выбирая из толпы «лабораторного кролика» для научного рагу. Молодые люди бурно обсуждали каждую возможную кандидатуру, проходившую мимо замаскированного под видеокамеру телепорта. Они заранее договорились, что первым испытателем должен быть, конечно же, джентльмен, нехорошо вроде бы с дам начинать эксперимент.

Прошел час, другой, третий, народу в парке поубавилось. Синие сумерки спешили занять законное место в летних сутках. Изобретатель начал терять терпение в ожидании часа «икс», когда он увидел, что по направлению к ним шествует первый испытуемый. Исаак глазами указал на него Флориану. Когда человек поравнялся с ними, Исаак отчаянно вдавил кнопку

телепорта до упора. Легкое облако сизого стелющегося тумана окутало аллею Зеленого Парка.

– Я ничего не вижу, – сказал Исаак.

– Я тоже, – ответил Флориан, – все из-за тумана!

– Где наш «кролик»? – озабоченно спросил Исаак.

– А что такое «кро-лик»? – спросил третий голос. – Друзья на миг растерялись и замолчали.

Туман потихоньку отползал и конденсировался в росу. Исаак уже увидел в свете зажегшихся фонарей телепорт, полянку, примятую траву, где давеча они сидели с другом, но ни того выбранного лабораторного «кролика», ни друга Флориана Спрея экспериментатор не увидел.

– Эй, Флориан, не дури, выходи!

– Молодой человек, Парк закрывается. Не угодно ли в столь поздний час пойти домой? – рядом с исследователем нарисовался ночной сторож в голубой униформе. Он вежливо и с улыбкой приподнял форменную кепку для приветствия.

– Мы с другом разминулись, – ответил невнятно Исаак.

– Уверяю, кроме вас тут никого нет, мы закрыли ворота. Уважаемый господин, идите домой! Ваш друг, давно спит и видит счастливые сны.

Исаак широко зевнул и отправился домой, сердито засунув телепорт в спортивную сумку.

7.

Флориан открыл глаза и пришел в неописуемый ужас:

– Где я? – спросил он, ни к кому не обращаясь.

– Вы, молодой человек, сейчас сидите на газоне в Лесном Парке, – насмешливо ответил чей-то незнакомый голос. – Вы мне скажите лучше, уважаемый, что такое «кро-лик», – это новое направление в музыке?

– Вы что ненормальный?

– Абсолютно нормальный, но, к сожалению, до сих пор никогда не слышал такого термина. Я журналист, поэтому интересуюсь

новыми словами и понятиями. Кстати, Крузо Мэнс, – он подал руку для рукопожатия. – А вы?

– Я, Ф-фф…. Кхе-кхе. Я художник.

– Уважаемый господин Яф Кхекх, замечательно! Расскажите мне всё об этом новомодном термине, и я внесу его в свою литературную копилку. Поднимайтесь с травы, вечером уже прохладно, можно простудиться. Посидим в кафе, поболтаем. Знаете, я работаю в газете «Городские новости», нашей редакции срочно нужен художник-карикатурист. Вы как?

Флориан встал и пошел за журналистом Крузо Мэнсом. Деваться было некуда. Место незнакомое, придется изучать город N, в который он попал по случаю. «Испытание телепорта все-таки прошло успешно. Неясно, куда делся тот, другой лабораторный «кролик». Как всегда господин испытатель что-то напутал или допустил ошибку в расчетах. А может, он специально задумал именно его сделать «кроликом»? Не хочется верить, пусть это будут «издержки эксперимента». Важно сейчас хорошо покушать, а там разберемся». Молодые люди зашли в кафе и сели за столик.

8.

Господина Фокса О'Дера разбудила настойчивая телефонная трель.

– Да. Ох-хо-хо, – ответил он сонно, откровенно зевая в трубку и протирая другой рукой слипающиеся глаза.

На столике стояли часы. «Три часа ночи! Боже мой! Возмутительно»!

– Я слушаю, что вы там мямлите, голубчик? Говорите четче, я еще не проснулся.

– Простите, господин О'Дер, вас беспокоит Том Квин. Я нашел сногсшибательные факты и думаю, они подтолкнут наше следствие в нужном направлении!

– Господин Квин, а до утра ваши факты не подождут? Почему именно ночью?

– Утром мы с вами можем поймать преступника! Прославимся! Господин мэр нам по медали даст!

– О, даже так?! Тогда немедленно приходите, приносите свежие фру… факты, и, может быть, мы их даже зажарим, – он откровенно громко зевнул. – И съедим за один присест! Жду вас и ваши факты, коллега! – он раздраженно бросил трубку, тщательно закутался в ватное одеяло и громко захрапел.

9.

Флориан Спрей с новым знакомым, журналистом Крузо Мэнсом, уселись за круглым столиком в парковом кафе. Официантка принесла меню, из которого Флориан не нашел ни одного знакомого блюда, поэтому передоверил выбор ужина Крузо Мэнсу. Вскоре им принесли аперитив из местного вина, минералки и пищевых добавок. На горячее был подан шипучий суп. Бульон бурлил и кипел, выделяя газы, словно вулкан Везувий перед извержением.

Флориан внимательно посмотрел на суп, ущипнув руку под столом, и напряг память. Из ее пучин всплыли островки знаний по органической химии. В суповой тарелке явно шла экзотермическая реакция с выделением огромного количества тепла и разнообразных газов с характерным знакомым запахом. Явно несъедобным! Это было похоже на карбид, аммиак или их смесь, использующуюся на соседней с прачечной стройке.

Крузо Мэнс уплетал «термоядерную» пищу за обе щеки, черпая большой деревянной ложкой подозрительный «супчик», нахваливая поваров. Он раскраснелся и даже вспотел от еды. Флориан Спрей зачерпнул бурлящую лаву и отправил ее в рот, сморщился, но проглотил. Через пару минут он скорчился от рези в желудке и побледнел. Перепуганная официантка выбежала в зал к посетителю, охая и ахая. Персонал кафе уложил пострадавшего на носилки и вызвал врачебный веломобиль.

В больнице дежурные врачи, как и положено, невозмутимо и хладнокровно взяли у пациента, находящегося в полубессознательном состоянии, необходимые анализы. Дежурный врач, по

совместительству клинический лаборант, сунул каплю крови на предметном стеклышке под микроскоп. То, что он увидел в поле зрения, не поддавалось мыслимому стандарту, по крайней мере, в его медицинской практике. Он выпучил глаза, поднял брови и рысью побежал с докладом к главврачу в кабинет, забыв, что тот давно дома.

Флориан очнулся в палате. На тумбочке стояли узкие баночки с густой оранжевой жидкостью, приятно пахли. Молодой человек машинально взял одну из них, понюхал и, улыбнувшись, с удовольствием выпил содержимое. После чего он почувствовал значительное облегчение в желудке. Апельсиновый сок! Свежевыжатый! Он жадно набросился на остальные баночки и, мигом опустошив все, облегченно вздохнул. Тут Флориан затылком почувствовал пристальный взгляд соседей по палате. Они со странной подозрительностью таращили на него круглые навыкате глаза, но лишь мычание и невнятный хрип раздавался из их горла.

– Чего уставились, я выпил ваш сок? Извините уж, жажда замучила. Что молчите? Понял, вам трудно говорить. Хотите, позову вашего доктора?

Соседи по палате натужно мычали. Флориан встал с кровати, обул тапочки и пошел к выходу, у дверей он обернулся:

– Спасибо, господа, отличный был сок! Давно такого не пробовал!

В коридоре туда-сюда сновали сотрудники больницы в масках под самые глаза. Молодой человек прошел в ординаторскую, заглянул, там шла оживленная дискуссия:

– Бред сумасшедшего! – восклицал упитанный среднего роста мужчина в зеленом халате и медицинской шапочке набекрень.

– Слово врача!

– Теплокровный пациент с температурой тела выше двадцати пяти градусов? Кровь человека не подобна рыбьей! Ихтиолог!

– Мы с вами разумные люди и знаем, что даже у рыб и змей температура тела имеет температуру окружающей среды – вторил заведующий отделением, высокий и грузный пожилой человек.

– Гемоглобин в эритроцитах вместо магния содержит двухвалентное железо!? Позвольте спросить, а как будет в таком случае происходить фотосинтез в эпидермисе? Его кожа под нашим солнцем вмиг превратится в панцирь вареного рака! Опять же,

кроме ультрафиолетовых лучей вашему пациенту просто нечем будет питаться здесь, – опять съехидничал первый.

– А я ему верю, – сказала тихо старшая медсестра. – У нас есть зафиксированные графологические показания приборов: термометра и спектрометра. Мы можем взглянуть на анализы под микроскопом, тем более что они еще находятся в клинической лаборатории.

Флориан сообразил – что-то с его анализами не так. Он вприпрыжку пустился в клиническую лабораторию, благо надписи на дверях имелись. Ага, вот лаборатория и пробирки с надписями. Одна из них стоит на подставке в стороне, подписано «Яф Кхекх». Он схватил ее, уронив нечаянно остальные пробирки на пол, и пулей выскочил из лаборатории. Навстречу ему уже спешили врачи из ординаторской.

Пациент заметался, нырнул в туалет, заперся там, вылил кровь в унитаз. Пробирку сполоснул под краном и выбросил в мусорное ведро, закопав под бумагами. Флориан огляделся. Этаж первый. Окно настежь. Он с трудом протиснулся в узкую горизонтальную форточку на улицу и поспешил прочь. При входе на больничную территорию на скамейке сидел Крузо Мэнс и ждал результатов обследования нового друга.

– О, Яф Кхекх, тебя отпустили?

– Я сбежал от них. Терпеть не могу чересчур дотошных целителей.

– Солидарен. Как себя чувствуешь?

– Лучше, – он оглянулся. – Кажется, за мной погоня!

– Садись-ка на мой гоночный веломобиль. Скорость – моя страсть! Приглашаю тебя в гости, Яф Кхекх. Надеюсь, завтра мы будем коллегами.

Веломобиль журналиста показал преследователям хромированный зад в тот момент, когда те оказались у больничных ворот. Лечащий врач, утихомиривая сбившееся от бега дыхание, потер область сердца и разочарованно махнул рукой. Дискуссия закончилась не в его пользу.

10.

Долгожданный звонок в дверь раздался тогда, когда господин Фокс О'Дер чуть не уснул.

– Я внимательно слушаю, Том, что новенького вы откопали в столь поздний или наоборот ранний час?

– Свидетельство очевидца удивительной истории. Один господин П. Мур сообщил, что в начале лета он угодил в нашу городскую больницу, что-то там у него было не в порядке с желудком. Неважно. Главное, о чем без содрогания он не может рассказывать до сих пор, произошло тремя днями позже. К ним привезли странного пациента, такого нервного, неуравновешенного типа. Ну, тот потом сбежал из больницы.

– По моим скромным наблюдениям, из нашей больницы сбежит любой здравомыслящий человек, если он вообще еще в состоянии бегать. Я бы тоже сбежал.

– Дело вовсе не в этом, господин шеф!

– Говорите.

– Господин П. Мур в тот день сдал повторно анализы и ждал заключения врачей, чтобы продолжить лечение в санатории. А тут приехала скорая помощь и привезла новенького, он чем-то отравился в парковом кафе…

11.

«Городские новости» продолжали стремительно набирать популярность. Вместе с душещипательными комментариями к детективным происшествиям на желтых страницах появились довольно выразительные карикатуры. Новый художник не просто понравился главному редактору, но и произвел на него неизгладимое впечатление самобытностью натуры и экспрессией рисунков. Крузо Мэнс ходил гоголем – это он открыл столь яркое пятнышко на небосклоне серостей, жаждущих славы. Драгоценное приобретение редакции трудилось, не покладая

рук. Коллектив получил свежий заряд энергии. Энтузиазм веселого коллеги заражал всех. Газета обрела второе дыхание – из городской сплетницы, используемой исключительно вместо оберточной бумаги, она выросла до регулярно читаемого издания.

«Уважаемые читатели, вы, наверное, устали ждать любых новостей от наших доблестных стражей порядка или каких-то адекватных мер со стороны городских властей. Прошло немного времени, пациенты супруги Ж. перевезены на долечивание в специальный пансионат. Страсти утихли. Но так ли все спокойно в окрестностях города?

Обратимся к последним полицейским сводкам. Редакция командировала сотрудника в комиссариат полиции с целью прояснить обстановку. Достопочтенный господин комиссар городского управления порядка вынужден был признаться.

В Лесном Парке в квадрате, близком к опытному хозяйству, опять найдены следы преступника. На этот раз жертвами маньяка стали крупные упитанные женщины, весившие более ста килограммов. Расследование показало, что их объединяло одно – все они являются донорами со стажем. Злодей привязывал их к деревьям, кусал за шею, пил соки и отпускал восвояси. С потерпевшими работает психиатр. До каких пор наши власти будут бездействовать? Бездействие порождает суеверия. Ходят слухи, что в наш мир пришел нечистый дух, появление которого сопровождается запахом серы и огнем, а в окрестностях города бродят вампиры».

Утренний выпуск газеты лег очередным укором на полированный стол главы частного сыскного бюро «В стиле Ампир» господина Фокса О'Дера. Ядовитая карикатура в адрес полиции за подписью «художник Яф Кхекх» дополняла заметку. Рисунок изображал шефа полицейского управления, за которым по пятам шло отвратительное фантастическое существо с кастрюлей и поварёшкой. Карикатура была вызовом всем сотрудникам, сопричастным к наведению порядка. Детектив обхватил голову руками. Этот камень брошен и в его огород! Факты, принесенные помощником Томом Квином, впечатляли.

Господин Фокс О'Дер вызвал секретаршу Киви. Сегодня ее фигуру облегал зеленый и пушистый костюм.

– Вы помните, мы ходили на художественную выставку? Что вас больше всего поразило у молодых художников?

Госпожа Киви покачала прической «хвост морковки»:

– Удивительный портрет под названием «Косоугольная Мадонна». В этой импульсивной картине масса экспрессии!

– Автора не запомнили?

– Необычное имя, м-мм кажется, Яф Кхекх.

– Как вы сказали, Яф Кхекх?

Шеф сыскного бюро схватил газету и судорожно развернул ее на странице с карикатурой. Подпись под нею значилась: «Художник Яф Кхекх». Еще не зная, что же надо делать, он, как добрая охотничья ищейка, шестым чувством почуял добычу. Его сыскное чутье сделало характерную стойку. Он вытащил кубики и вновь принялся строить пирамидку. Нагромождение выглядело уродливо, но вполне держалось.

12.

По вечерней слабоосвещенной улице городка N уверенной походкой шел мужчина выше среднего роста, элегантно одетый, в шляпе с высокой тульей, темных очках и с тростью. В сумерках прохожим он мог показаться одинаково как молодым человеком, так и мужчиной зрелых лет. Пружинистая же походка, несомненно, выдавала атлетическую подготовку. Он шел злой и голодный, вопрос еды доставал все сильнее. Апельсиновый сок, добываемый им в больнице с великим трудом, порядком надоел – хотелось чего-нибудь пожевать, погрызть. То, чем питались местные жители, для нормального человеческого желудка не годилось. Голодные спазмы кружили голову. Его остановил знакомый с детства запах сырого картофеля. Он развернулся и пошел за гражданином с увесистыми сумками, предвкушая жареное блюдо с маслом и зеленью. Гражданин испуганно оглянулся и занервничал, перешёл на бег, у крыльца бросил груз и быстро захлопнул двери подъезда. Преследователь поднял сумки и довольный вернулся домой.

На кухне он нетерпеливо вытряс содержимое. Увы, никакого картофеля или мало-мальски съедобного похититель не обнаружил. От отчаянья он попинал сумки и яростно попрыгал на них, срывая злость. Молодой человек откупорил бутылку с минералкой и жадно выпил содержимое. Что дальше? Жители города N питались несъедобными концентратами. Их продукты годились в лучшем случае для удобрений на поля. Где эти поля? Где фермы? Кто-то в его присутствии упоминал о Коралловом Озере.

Он сел на диван и из подручных средств соорудил сачок и удочку с крючком.

Туман стелился над озером, путался в коралловых розах. Жесткие ветки кустарника, усыпанные яркими малиновыми цветами, ничем не пахли и не привлекали ни единого насекомого. Ни звука звенящей мошкары, ни трепета крылышек стрекоз, ни пения птиц – мертвая тишина. Её изредка нарушало шуршание крыльев летучих мышей и других крылатых созданий – скрипучее кряканье сопровождало их налеты на коралловые розы.

Чу! Чарующий звук клева! Рыболов закатал штаны выше колен и взял сачок. Холодная вода не пугала, он подсек рыбину и начал ее вести к берегу. Ура! Вновь заброс удочки, и рыба клюет! Утром рыболов пришел домой усталый, но довольный. Предварительно вытопив жир, он на нем же поджарил пару рыбин, названия коих не знал. Озерная добыча оказалась сладковатой и нежной до последней крошки. Почти форель! Молодой человек облизал пальцы, а сытая отрыжка подняла настроение – «пища попала в сонную артерию». Проснувшись далеко за полдень счастливым, он поспешил на кухню дожаривать ночной улов.

13.

Господин Фокс О'Дер уже собирался выйти на улицу, когда в помещение вошел расстроенный человек и представился врачом городской больницы.

– Вас что-то беспокоит, уважаемый господин доктор? – спросил сыщик у него.

– Меня зовут Жор Картоффи, врач-гастроэнтеролог, по совместительству работаю клиническим лаборантом. Господин О'Дер, я не придумаю с чего начать?

– С главного попробуйте, господин Картоффи. Присаживайтесь.

– Спасибо. У меня из лаборатории непосредственно из-под микроскопа стали пропадать анализы. Прямо в пробирках, уже приготовленных для работы. Я не могу брать анализы у пациентов повторно на следующий же день, а без них нельзя назначить лечение. Коллеги и пациенты откровенно смеются надо мной! Эта ситуация меня очень огорчает и выбивает из колеи. Какой-то замкнутый круг! Я хочу, чтобы вы, господин О'Дер, нашли злоумышленника. Возмутительно, мне надо лечить людей, а не шутки шутить!

– Вы абсолютно правы, господин Картоффи. Давайте мы все факты зафиксируем в виде заявления. Вы расскажете мне, с чего же все началось? Нам нужен прецедент. Затем мы подробненько обсудим детали.

14.

Солнце золотило пластинчатые крыши домов и верхушки кряжистых остролистов. Жесткая глянцевая листва слепила глаза металлическим блеском. Городская суета N-ских заведений стихла. Стояла послеполуденная жара. В полицейское управление влетел дежурный патруль из Лесного Парка. Два дюжих мужика были взволнованы. Они сообщили, что видели, как на их глазах под коралловым деревом внезапно образовался туман и сгустился до плотно-молочного цвета. Из туманного конденсата вышел необычно одетый человек и направился в город.

Коллеги улыбались: «Перегрелись ребята»! Они налили им минералки и усадили под кондиционер. Мерный шум агрегата навевал хорошее настроение. Жара в городе расплавляла даже асфальт, не только мозги патрульных полицейских. Не мудрено увидеть мираж дождя и тумана, если тащишь на себе полное обмундирование! В полицейском управлении развеселились – ради шутки коллеги попросили патрульных описать человека, появившегося из туманного облака. Для составления фоторобота они пригласили карикатуриста Яфа Кхекха из популярной газеты «Городские новости».

Из-под карандаша художника вышел портрет, в котором Яф Кхекх, он же Флориан Спрей, узнал незадачливого исследователя Исаака Диссона. Поскольку уши он не затыкал, то услышал достаточно много подробностей типа: «Что? Где? Когда?». Рисунок он оставил в полицейском управлении и крайне сожалел, что не украл его. Однако обрадовался: «Друг не бросил в беде, а пришел на помощь»!

15.

Запасливый не по возрасту молодой ученый Исаак Диссон нес за плечами увесистый рюкзак с продуктами и теплыми вещами с палаткой. На груди висел усовершенствованный телепорт с регулируемым радиусом действия. К вечеру Исаак Диссон присмотрел на берегу Кораллового Озера подходящее местечко для ночлега. На ближайшей помойке он нашел старые газеты и пролистал их, чтобы быть в курсе местных событий.

Незадача получилась с костром, трудно было отыскать дрова. Деревья встречались лишь в городе, а в лесу растения более походили на кораллы и кристаллические наросты, сверкающие на солнце или при луне кварцевыми пластинками. Только на берегу озера были следы тины, мха и подобия кустарников с цветущими розами. Розы сидели на макушках веток-кораллов без единого зеленого листочка.

Исаак достал примус, зажег его. Вскоре вскипел чайник с озерной водой, пропущенной через молекулярный фильтр. Молодой человек залил разовый супчик, гречневую кашу и нарезал сыр с хлебом. Ужин притупил волнение, и путешественник взглянул на звезды, взошедшие на ночном небе. После недолгих размышлений, он пришел к выводу, что в городе есть масса мест, куда следует обязательно зайти. Это прачечные, справочные бюро, парикмахерские, кафе, магазины, прокатные пункты, городское полицейское управление, а также выставочный зал для картин и Лесной Парк. Завтра он непременно зайдет по очереди в каждое из этих заведений. Где-нибудь да повезет отыскать следы друга. Пора спать! Он наладил электронного сторожа на треноге у палатки и забрался внутрь.

16.

Утром Исаак Диссон чувствовал себя отдохнувшим и посвежевшим. Он невозмутимо приладил контакты на руке для проведения тест-контроля здоровья и не поверил глазам! Обменные процессы организма резко ускорились – потребление кислорода, метаболизм и прочие биохимические реакции превысили норму, поэтому запасов питания, заботливо привезенных им сюда, надолго может не хватить. А необходимо успеть сделать много – спасти друга, разыскать «кролика», переправить их домой и обязательно собрать информацию о возможностях свежеиспеченного телепорта. Молодой исследователь почувствовал дикий голод, несмотря на плотный ужин накануне. Ему стало смешно, и он громко рассмеялся. Хохочущее эхо прокатилось по зеркальной поверхности озера, докатилось до красных коралловых рифов и, вернувшись обратно, рассыпалось мелким бисером по розовым и жасминовым кустам, кварцевым кристалловидным камышам и таким же диковинным деревьям.

Исаак Диссон взял из палатки примус, поставил на грунт, обложил сырым мохом и стал варить сушеное мясо с картошкой. Добавил приправ, соли, лучок и, конечно же, упругую молодую

морковочку нашинковал кружочками. Готовил он с любовью и вожделением. Турист Диссон и не подозревал, что две пары глаз, следящие за ним в бинокль, с колоссальным вниманием изучают его внешность. Периодически они сличают оригинал с полученным из полицейского участка карандашным фотороботом, тщательно прорисованным талантливым художником Яфом Кхекхом.

Молодой человек помешал варево ложкой и попробовал готовое жаркое. Он выключил горелку, снял дымящийся котелок с конфорки и прямо оттуда стал зачерпывать «Завтрак туриста» и жадно есть, макая туда хлеб. Две пары глаз прослезились от дыма и жуткого запаха, который исходил от еды этого господина. Наблюдатели терли глаза, распухшие словно от слезоточивого газа, и затыкали носы, чтобы не обжечь слизистую носа. Запах чужеземной еды проникал за розовый куст, скрывавший двух привередливых господ. Они уже не могли сдерживать спазмы, душившие их, и стали громко чихать и кашлять, чем и привлекли внимание заморского туриста. Потом они зашушукались и зашикали друг на друга. Но было уже поздно, их заметили. Исаак ухмыльнулся и подошел к розовому кустарнику, позвал:

– Господа, не изволите ли показаться? Не стесняйтесь! Хотите позавтракать? Я угощаю.

Из-за куста робко вышли двое. Первый – упитанный человечек с проплешиной на макушке и длинным теплым шарфом, намотанным на нос по самые глаза, не торопясь, подошел к нему и подал руку для приветствия. Второй живо выскочил следом и, пружинисто подпрыгивая на подушечках заведомо тренированных ног, стал обходить чудного туриста сзади. Незнакомец, очевидно, думал, что незаметно проделывает пластичные и грациозные па. Но как только расстояние между ними сократилось до возможного касания, заработал электронный сторож. Блок безопасности регулярно просчитывал биомеханику движений субъекта. Предупредительного красного импульса он не заметил, и сторожевая тренога слегка щелкнула чужого электрическим разрядом. Он стоял ошарашенный и немного обиженный - воображаемая слава и заслуженная медаль несколько отдалились.

– Ой, извините, совсем забыл о треноге.

– О чем, простите? – спросил плешивый человечек. – Меня зовут Фокс, Фокс О'Дер, к вашим услугам.

Он вежливо наклонил голову, зорко и цепко осматривая подозрительного человека вместе с его подозрительными устройствами.

– Я говорил о моем электронном стороже, – молодой человек протянул руку, пожал незнакомцу. – Исаак Диссон, просто путешественник. Красивые у вас тут места, я залюбовался волшебным восходом солнца над Коралловым Озером. Удивительная природа!

– Том Квин, – резвый гость с опаской пожал руку господину со странным запахом. Что он там такое ест?

Том инстинктивно заглянул в котелок. Это еда!?

– Прошу, кушайте, господа! Может, это не совсем по-домашнему, зато очень сытно и калорийно! У меня есть запасные ложки.

– Мы не голодны, господин Исаак Диссон. Кушайте на здоровье! Отменный запах! – сказали хором оба и присели на траву.

– Действительно вкусно пахнет, я сам готовил! – Исаак гордо помахал ложкой перед носом пузатого гостя.

Пузатый и пожилой сильнее закутался и спрятал нос в шарф. А худенький и молодой просто зажал нос двумя руками.

– Я слышал, как вы чихали и кашляли. По утрам обычно на любом озере сырость, не мудрено озябнуть! Вам надо поесть горячего – и все пройдет. Я все-таки положу вам, господа, жаркого в разовые миски. Держите ложки, давайте-ка грейтесь. А то смотрите, у меня есть для «сугрева» немного коньячка, – он достал фляжку. – По чуть-чуть для знакомства?

Исаак Диссон плеснул коньяк в пластиковый стаканчик, поднес господину Фоксу О'Деру. Пузатый понюхал, одобрительно кивнул и выпил залпом.

– О! Хороший коньяк, господин Диссон! – он крякнул, утерся рукавом и через минуту стал пунцово-красным. Вспотев, гость размотал шарф.

– Том, держите, – Исаак протянул резвому его порцию. Том покосился на плешивого, выпил залпом и тоже покраснел, словно перезрелый помидор.

Спустя полчаса пунцово-красные гости – господин Фокс О'Дер, шеф частного сыскного агентства и его бесстрашный помощник Том Квин «за приятное знакомство» так «натяпались», что храбро согласились (Чего уж там!?) отведать жаркое.

17.

Несомненно, это чья-то возлюбленная, любовно воспетая мастером в лучезарном непорочном вдохновении. Чистые помыслы и божественная душевная сила несли заряд бодрости и радостного настроения! Мадонна ласково смотрела на мир и заботилась о каждом.

– Красота спасет мир! Вы согласны? – спросил один словоохотливый посетитель.

– О, да! Вера, надежда, любовь – это сила! – кивал другой ценитель.

Исаак Диссон, чувствуя себя интуристом, с неподдельным интересом смотрел на галерею «мадонн» в выставочном зале и следил за высказываниями посетителей. Он прошел мимо пестрых колоритных холстов и внезапно остановился перед монументальным полотном, сильно отличающимся по стилю от всех предыдущих. Сколько экспрессии! Знакомые мазки и манера письма, авторский стиль! Посетитель присмотрелся к размашистой подписи с виньетками: «Косоугольная Мадонна», художник Яф Кхекх.

Что ж, след взят. Исаак вышел из выставочного зала и отправился прямиком к газетному киоску. Длинная очередь выстроилась за свежим номером «Городских новостей». Молодой человек пристроился поодаль и стал наблюдать. Местных денег у него не было, и он присматривался к «эквиваленту покупательной способности» жителей с помощью оптической камеры, вмонтированной в светозащитные очки. Это были мелкие желтые и серебристые круглые монетки с нечетными цифрами на одной стороне и лозой винограда на другой. Изредка к киоску подходили солидные покупатели, одетые в классически пошитые костюмы из добротных тканей. Они без очереди

протягивали киоскеру пластиковые прямоугольнички с цифрами и изображением мордастого мужчины в парике. Фоном портрету служила главная городская ратуша с часами. Намек прозрачен: «Время – деньги!».

Жарко и душно, солнце припекало не на шутку. Утренний ветерок стих, Исаак снял шляпу, обмахнулся ею несколько раз и присел прямо на белый бордюр тротуара. Шляпу он положил тут же на газон, продолжая размышлять о том, как достать местные деньги. Какой-то прохожий, отойдя от киоска, обратил мимолетное внимание на молодого человека и принял его за раннего попрошайку. Он пошарил в кармане широких брюк и небрежно бросил несколько монеток. Пока Исаак был отвлечен разглядыванием прилавка и людей, то не сразу обнаружил, что в шляпу кидают деньги. Около него остановился очередной покупатель, мелких денег у него не было, и он бросил еще пахнущий типографской краской номер «Городских новостей».

Диссон развернул городскую газету, пробежал глазами кучерявый шрифт и наткнулся на заметку:

«Мы продолжаем цикл публикаций из древней истории нашего народа о неведомых доныне мифологических существах – вампирах. По древним преданиям, вурдалаки, упыри или вампиры – это создания, мало похожие на людей. Они имеют бледный цвет кожи и боятся солнечных лучей. Дневной свет сжигает их дотла. Основным питанием монстров является кровь других существ, которую они должны принять в свежем и теплом виде. Из легенд известно – с наступлением сумерек вампиры просыпаются и отправляются на охоту. Ночь – самое активное время для мистических тварей. С рассветом они становятся бессильны к злодейству и удаляются в тихие спокойные места, где их никто не потревожит. Откуда берутся вампиры? Ни мифы, ни легенды не говорят, но известно, что их появление в нашем мире сопровождается огнем и запахом серы».

Он зевнул и встал на ноги, прихватив шляпу с нечаянным подаянием. Мелочь Исаак высыпал в карман спортивной курточки и прогулочным шагом направился по широкому Бульвару Роз, щедро залитому лучами не Солнца, в сторону Лесного Парка.

Молодой исследователь заметил, что светило нещадно источает жесткий ультрафиолет, максимум которого достигается пополудни. Эти лучи мгновенно сжигают белую кожу человека, если не защитить ее специальными барьерными кремами или одеждой. Он нахлобучил шляпу снова на голову так, чтобы тень от полей закрывала лицо. Исаак ускорил шаг, скорей в спасительную прохладу парка! Аборигены же наслаждались лучезарным светом – дамочки с удовольствием выставляли откровенно обнаженные спинки, руки, ноги и глубокие декольте. Юные нимфетки сверкали капельками бусинок над пупками.

Вглядываясь в лица прохожих, молодой человек дошел до Лесного Парка. Он сел в тени раскидистого дерева-коралла и привалился спиной к жесткой коре. Ветви дерева шевелил озорной ветерок. Нестерпимая городская жара в парке отступила. Исаак достал из заднего кармана заветную фляжку, отвинтил крышечку, отхлебнул зеленый чай и, ощутив его терпкий вкус, проглотил. Чай он предусмотрительно заварил в лучших традициях диких кочевников – с молоком, жиром и лавровым листом, положил соль и гвоздику, это помогает стойко переносить жажду. Совет молодой исследователь вычитал в исторических анналах, но запомнил, как оказалось, не зря!

18.

Пупырчатая кора кораллового дерева жестоко царапала спину. Исаак зевнул и посмотрел на часы. Шестнадцать часов с хвостиком. Стоит поторопиться, чтобы застать Флориана Спрея ныне Яфа Кхекха на рабочем месте, ведь требуется подзарядить телепорт. Турист-спасатель надеялся, что в здании редакции есть электрическая сеть и аналог розеток питания. Операция «возвращение блудного друга» должна пройти успешно.

Здание «Городских новостей», выстроенное в старинном стиле ампир, пестрело рекламными плакатами и лозунгами. Неоновые огни бегущей строки, приютившейся под крышей, проявлялись в подкрадывающихся сумерках. На фасаде

проекционный экран демонстрировал текст из наиболее популярных статей дня.

«Мы продолжаем знакомить читателей с преданьями старины глубокой. Пытаясь выяснить «происхождение вампиров», наш корреспондент Крузо Мэнс взял интервью у господина Люсса Една, почтенного доктора археологических наук, которое приводим без купюр.

– Дорогой доктор Люсс, познакомьте наших читателей с поразительными находками.

– Ах, простите, чуть не запамятовал о цели вашего визита. Да-да. Третьего дня, работая в Историческом Архиве нашего города, я обнаружил древнюю книгу – медицинский трактат «Пан Цао Кан Му». Попал он к нам необъяснимо мистическим способом из далекой страны Кайцай. Манускрипт достался прежнему архивариусу от странного создания, не по своей воле заброшенного высшими силами в наш мир.

– Доктор, ближе к вампирам!

– В трактате говорится о том, что вурдалаки, упыри и вампиры – это твари, которые водятся в тех же мирах, где обитают драконы, оборотни, эльфы, орки и гоблины. В текстах приводится классификация драконов, благодаря чему мы узнаём, что встречаются такие драконы, как виверны, амфиптеры, гивры, геральдические драконы и линдвормы. Интересны рецепты целебных снадобий, приготовляемые из разных частей драконов.

– Интересно, а как же там живется людям?

– Еще не знаю, но работаю над этим».

Отснятые корреспондентами дополнительные материалы, не попавшие в номер, перемежали мизерные перерывы. Толпа горожан оживленно обсуждала увиденное. Исаак Диссон ловко затесался между зеваками, попутно отслеживая нить новостей, поступающих с экрана. Впереди мелькнул знакомый клетчатый шарф и фетровая шляпа. Молодой человек поискал глазами эту шляпу, но она вновь исчезла. Народ собирался на площади у здания редакции после рабочего дня, пополняя ряды любопытных.

Редактор газеты одобрил нововведение главного художника газеты Яфа Кхекха – сделать из карикатур живую картину и положить ее на популярную в городе песенку. Полученное

молодой человек назвал «рекламным роликом». Живые картинки дали толчок новому виду творчества среди продвинутых художников, музыкантов и рекламных агентств. Дела газеты стремительно пошли в гору. Банковский счет редакции не полез, а поскакал стремительно вверх. Штат сотрудников пришлось значительно расширять. Появилась новая структура теперь уже солидной Компании «Городские новости». Отдел креативной рекламы корпел над выпечкой «медовых пряников» скрытого воздействия. Сотрудники «Агентства новостей» обливались потом под белоснежными накрахмаленными воротничками рубашек, стянутых галстуками, выискивая «свежатину». Отряд корреспондентов быстрого реагирования незамедлительно выезжал на зафрахтованных на квартал вперед веломобилях в плодородные для информации места. Бюро эстетики отвечало за идеологическое оформление и качество иллюстраций. Отдел безопасности сортировал почту на предмет приватных и секретных материалов.

Исаак понял – найти друга в высотной многоэтажке редакции не просто. На входе сгрудились охранники, мозолить им глаза «интуристу» не хотелось. «Будем ждать, когда именитый Яф Кхекх соизволит показаться на люди». Он присел на теплые ступени, глянул на часы: без пяти семнадцать – практически конец рабочего дня. Двери распахнулись, на крыльцо вышел человек, одетый по последней местной моде. Исаак узнал друга и поднялся навстречу, но опоздал – поклонницы и поклонники кинулась за автографом знаменитости. Дамочки взяли кумира в кольцо, они визжали от восторга и протягивали художнику открытки, сумочки, кепки, газеты.

Исаак развернул газету, чтобы не привлекать внимания со стороны случайных прохожих. Когда же он увидел, что к лестнице подкатил шикарный веломобиль и водитель учтиво открыл дверцу, то бросился к другу в надежде перехватить прежде, чем тот уедет. Но протиснуться сквозь толпу не удалось. Придется теперь идти пешком через весь город. Небо затянули облака и дымка, приглушавшие закатные лучи ядовитого светила. Исаак снял темные очки и потер длинными пальцами уставшие глаза и переносицу. Желтый

поляризованный свет мягко пробивал облачность и окрашивал дома в пастельные тона. Наползающие сумерки зажгли уличные фонари и рекламные огни, витрины магазинов и входы в кафе и рестораны.

19.

Исаак шел и впитывал странные картины туземного бытия. Воистину ампирская жизнь – уклад и быт людей, культура речи, образ питания – отличалась от земной. В чем же причина? «Допустим, в среде обитания, так»? – спросил себя Исаак и кивнул головой. – «Верно». Случайный встречный прохожий кивнул в ответ и приподнял шляпу:

– Добрый вечер, почтеннейший! Мы с вами где-то встречались?

– Знакомое лицо, – уклончиво ответил Исаак.

– Я видел вас давеча на выставке в художественном салоне. Вы, думаю, заинтересовались залом с авангардным направлением?

– Припоминаю, уважаемый, господин…

– Жор Картоффи, я врач-гастроэнтеролог, работаю в местной больнице, – он протянул руку.

– Приятно встретить единомышленника, господин Жор Картоффи. Исаак Диссон, я исследователь-культуролог, – назвался интурист, пожимая прохладную ладонь собеседника.

Он решил, что некий круг знакомств будет полезен.

– Не желаете, пропустить кружечку отличного пивка?

– С удовольствием, – согласился Диссон.

Они бодрым шагом направились в сторону пивного бара «На троих» с изображением огромной неоновой кружки пива на фасаде. Для любителей пива компания из трех персон – непременное условие, по-видимому, во всех мирах. «Интересно, кто будет третьим»? В дверях появился господин в шляпе с высокой тульей и шелковым темно-синим платком на шее:

– Вы не против?

«А вот и мой кролик», – подумал Исаак и приподнял кружку с пивом. Следом вошел Яф Кхекх, взял у стойки кружку:

– Привет! – он плюхнулся рядом.

Давешние знакомые господин О'Дер и Том заняли места напротив. «Кажется все в сборе», – мысленно усмехнулся Исаак.

– От вас пахнет потом, и вы люди, – поведал «кролик» Исааку. А они, – он пьяно икнул, – разумные овощи! Я бы их всех зажарил и съел!

Фокс О'Дер положил на стол наручники:

– Господа вампиры, вы арестованы!

– Не получится. Мы немедленно уезжаем домой, – Исаак нажал кнопку телепорта, и вся застольная компания очутилась в незнакомом мегаполисе.

В небе парили воздушные змеи и драконы. Славная страна Кайцай, встречала Новый Год. В этом мире представители обеих цивилизаций могли легко оказаться «не в той компании». Фокс О'Дер мигом оценил ситуацию:

– С доставкой вышла неувязочка? Это не ваш дом. К сожалению и не наш. Что ж, коллеги по несчастью, в таком случае я предлагаю временное перемирие…

Икс-джет-250

Штат Нью-Мексико. 3 июля 2026 года.

Я выехал из ангара и направился на третью взлетную полосу на полигоне Розуэлл. Высокого неба чернильная синь за лобовым стеклом и не единого облачка на горизонте. Слабый боковой ветер, северо-восточный, пять метров в секунду. Атмосферное давление – как на уровне моря. Бортовой компьютер запросил погодные условия и затем высветил на экране взлетные параметры. Я приступил к ритуальному священнодействию – настройке аэродинамических систем. Для улучшения несущей способности крыла выдвинул закрылки Фаулера, пикирующий момент скомпенсировал малым отрицательным углом стабилизаторов. Флалероны или элероны остались с минимальными щелями, потому как стартовый вес машины довольно большой. Увеличение угла атаки требовало наклонить предкрылки. Пока машина не в воздухе, то спойлеры вне игры. Насвистывая немудреную песенку, я развернулся перед стартовой линией и ожидал команды из диспетчерской.

Летная погода нашептывала хорошее настроение. Прогноз на ближайшие сутки благоприятствовал мечтаниям о «небесных кренделях» – высших фигурах пилотажа. Предполетная дрожь

от двигателей передавалась на фюзеляж и крылья. Я чувствовал низкочастотную вибрацию, и она наполняла меня ощущением эйфории. Через несколько минут я разбегусь по «рулежке». Предельная концентрация внимания и прыжок – долгожданный отрыв от земли, неспортивная борьба турбулентных потоков с ламинарными, максимальный угол атаки – здесь важно добавить двигателям тяги, чтобы избежать сваливания машины в штопор – и мгновением позже нешуточные перегрузки на длинных ступеньках ускорения. Критический звуковой барьер приблизится, а после я разовью небывалую скорость в три тысячи Махов. На сегодняшний день – это мировой рекорд на Земле. От нетерпения мое тело дрожит, разум трепещет и готов писать полотна космических этюдов.

У меня на борту пассажир. Русые волосы, короткая стрижка. Лицо овальное, выражение сосредоточенное. Рост около шести футов. Вес чуть ниже нормы, сто шестьдесят восемь фунтов. Добро, значит должен выдержать дополнительные «же». Высотный костюмчик, ботиночки подогнаны безупречно. Шлем и кислородная маска наготове. Я молчу, не хочу первым заводить разговор. Мысленно обдаю его презрением и приклеиваю ярлык «пешеход». Если бы психолог оценивал мои чувства, то назвал бы это «ревностью». О, именно сию минуту как я понимаю Отелло! Профессиональная ревность к человеку, который наверняка имеет такие же права на испытательный полет, гложет меня изнутри, отчего я ощущаю легкий дискомфорт.

Шеф решил подсунуть дублера? До сих пор я хорошо справлялся с заданиями! Сам себе и командир экипажа, и экипаж. Увы, не поспоришь – дисциплина, да и начальству виднее. Я наслышан о нем – пилот первого класса, прошел предполетную подготовку на всех последних моделях сверхзвуковичков, включая штурмовики, разведчики и бомбардировщики, короче, ас. Возможно, это обычная техническая проверка гибридной функции машины? «Я спокоен. Я совершенно спокоен» – представляю штилевое море. – «Я созерцаю море спокойствия». Простые формулировки для мысленной медитации помогают успокоиться. Стресс никому не нужен.

– Привет! Меня зовут Алекс, – нарушает тишину пассажир. – Будем знакомы?

– Мой код «Икс-джет-250». Ты можешь называть меня Икаром, если хочешь.

Я стараюсь говорить с ним сухо. Не люблю фамильярщину. От тех же психологов наслышан, что дистанция в отношениях позволяет команде добиваться лучшего выполнения полетного задания. Наконец включается диспетчерская.

– Борт Икс-джет-250, прими сводку космической погоды на всем пути следования. – Да, я готов вести запись.

– Текущая солнечная активность следующая. Поток радиоизлучения на длине волны десять и семь десятых сантиметра равен ста тридцати девяти. Усредненный планетарный индекс «КаПэ» – двойка. Магнитосфера Земли спокойная.

– Принято.

– Внимание! Поток ионизованной солнечной плазмы, солнечный ветер сильно не однороден, его скорость будет меняться от двухсот пятидесяти на нижней орбите вблизи Земли до шестисот миль в секунду в конечной точке маршрута в сторону Солнца.

– Записал.

– По данным спутника «Гоес-26» вчера на Солнце произошло девять вспышек класса «Эм». Эрупция одного протуберанца привела к образованию магнитного облака – области солнечного ветра с повышенной величиной напряженности магнитного поля, сейчас оно движется вдоль линии соединения Солнце-Земля. Скорректируйте вашу лоцию на случай дрейфа облака! Не зацепите, иначе пиксельная электроника, управляющая Анигтроном или аннигиляционным протон-антипротонным двигателем, сгорит.

– Ого! Будем держаться золотой середины. Сводку космической погоды Икар принял.

– Борт Икс-джет-250, минутная готовность.

– Есть минутная готовность, – подтверждаю я команду и смотрю на пассажира.

Алекс надевает гермошлем, прилаживает кислородную маску, проверяет давление газа в баллоне. Застегивает

противоперегрузочные ремни. «Я созерцаю море спокойствия», – мысленно повторяю волшебное заклинание.

– Я готов, – он машет мне рукой.

Включаю зеленый экран и обшариваю локатором ближний горизонт. Чисто.

– Отсчет пошел, – говорит диспетчер.

Я заглушаю прогретые двигатели, чтобы переключиться в турборежим, и снова запускаю их. Обороты повышаются. Ровный звук турбин радует. Они сыграют главную роль на взлете и при наборе высоты до тринадцати миль – границы плотных слоев атмосферы. Потом я включу смешанное управление. На семидесяти шести милях, где плотность воздуха ничтожная, заработают ракетные ступени. И, преодолев последние цепкие гравитационные объятия Земли, мы вырвемся на свободу в космическое пространство. На нижней орбите я запущу Анигтрон, его испытание – мое основное полетное задание. Нахрена мне пассажир? Не понимаю. «Я созерцаю море спокойствия».

– Икс-джет-250, старт, – командует диспетчер.

– Поехали, – отвечаю я и поворачиваю ключ зажигания…

***

Мы на орбите. Какие краски, первозданные и ничем не замутненные! Душа поет. Невесомость пронизывает корабль, сладостно будоража мои искусственные нейроны, и моя пылкая натура воспаряет в звездную даль за горизонт ударной волны гелиосферы. Наша цель – точка Лагранжа в сторону Солнца.

– Икс-джет-250, Розуэлл на связи. Доложи обстановку!

– Все системы работают в штатном режиме. Алекс в порядке. Борт Икс-джет-250 готов к пуску Анигтрона.

– Добро! Видим вас на радаре, взяли на слежение.

Я посмотрел на пассажира. За зеркальным гермошлемом лица не видно. Проверил датчики жизни: частоту дыхания, пульс, давление и снял показатели активности с лобных долей.

– Алекс, как самочувствие?

– Хорошее. А как твое, дружище?
– О'кей. Пора запускать Анигтрон.
– Давай!

Я втянул крылья вовнутрь, подал электропитание в отсек протонного движка, разблокировал программу резервации и получил доступ к управлению. Как должен работать Анигтрон, я не представлял, просто выполнял приказ. Пуск. Алекс мог следить за приборами глазами. После каждой ступени ускорения долгая пауза для адаптации организма. Одна, две, три тысячи Махов – предел достигнут. Казалось бы, и хватит? Но далее произошло невероятное. Двигатель продолжал набирать скорость. По достижении трех тысяч и сотни Махов я стал опасаться, что корпус Икс-джет-250 не выдержит. Команды выключения Анигтрона не «проходили».

Розуэлльская диспетчерская не отвечала. Три тысячи пятьсот Махов. Я боялся смотреть на Алекса, хотя датчики показывали – жив. Впервые какая-то система машины вышла из-под контроля. Пройдя точку Лагранжа, я развернулся по широкой дуге, оставаясь внутри токового слоя межпланетного магнитного поля, и направился обратно. Пять тысяч Махов! Внезапно приборы зафиксировали магнитное облако, движущееся к Земле. Мы его все-таки зацепили. О, эти адовы неоднородности! Им несть числа! На эмоции нет времени. «Я созерцаю море спокойствия».

Нас завертело волчком задолго до подлета к магнитному сгустку солнечной плазмы. На экранах обзора – частокол огненных сполохов. Между тем, последовательно «прозванивая» управляющую плату, я пытался обнаружить злополучный контур, питающий Анигтрон. Наконец-то поломка нашлась, схема отключена, и спятивший двигатель замер. Магнитное облако обволокло и обтекло машину, ощупывая кисельными псевдоподиями и ложноножками корпус. Огненные струи зазмеились по титановой обшивке. Множество язычков облизывало каждый выступ или впадину. Было ощущение, что они пытаются выковырять съедобную начинку из скорлупы. Мысли слиплись в склизкий комок. «Если бы я был волосатым, то превратился бы в «страхобраза», ой… в дикобраза. Я созерцаю море спокойствия». Квантовые гироскопы включились с семисекундным

запозданием, но остановили безумное вращение. Героически пройдя препятствие, мы победно вышли на круговую орбиту. Ввожу в компьютер координаты посадки. Придется сообщить дублеру.

– Навигатор вышел из строя – нет связи ни с одним спутником «ДжиПиЭс». Будем полагаться на оптику. Возможно незначительное отклонение от курса.

– Хочешь, я возьму управление? – предлагает Алекс.

– Отдыхай! Справлюсь.

Для торможения делаю несколько витков и настраиваю максимальный размах крыльев. Скорость большая. Выдвигаю дисковое кольцо под крыльями и включаю горизонтальный винт.

– Снижаемся, – кинул я в эфир, – и ринулся в облачное море.

***

Над Розуэллом полыхает гроза, шквальный ветер яростно атакует крыши домов. Для гашения подъемной силы использую многофункциональные интерцепторы, иначе спойлеры. Планирую. Сверяюсь с компасом. Большая погрешность. Смотрю вниз и оцениваю обстановку. Розуэлл изменился. Ангар исчез. Пустыня и редкие кустики довершают унылый пейзаж местности. Взлетную полосу занесло песком, но сонаром я нащупал твердый грунт. «Эх, жалко шасси полетят»! Выдвигаю аварийную систему посадки, полозья, и выстреливаю тормозные парашюты. Полозья подламываются, и мы оказываемся на брюхе. «Я созерцаю море спокойствия».

– Алекс, ты жив?

– Вполне, – ответил он и снял гермошлем. – Ты хороший пилот, Икар.

– Спасибо, не ожидал высокой оценки. Что-то за бортом изменилось, и диспетчер Розуэлла не отвечает. Надо бы проверить. Рискнешь?

– Кофейку только выпью. Не боись, открывай люк.

– Алекс, ты перед выходом надень гермошлем. Мало ли что, и пробу воздуха сделай.

– Ладно, инструкции мы все читали.

Он спустился по трапу и направился к шоссейке. Я и отсюда вижу, дорога – дрянь, не «хай вэй». Что ж, дам горстку самостоятельности, пусть проветрится. Я отключил обзор и расслабился, включил музыку. «Алекс меня похвалил», – обрадовался я, и моя холодность растаяла. – «Неужели так завязываются дружеские отношения»? Алекс гулял полчаса и поднялся по трапу с круглыми глазами. Тяжело опустился в кресло.

– Икар, у тебя инструкции на все случаи жизни имеются? – осторожно спросил он.

– Докладывай!

– Я остановил попутную машину под предлогом узнать о ближайшей бензоколонке. Заодно у водителя уточнил, какой день недели и число. Порадую, сегодня третье июля одна тысяча девятьсот сорок седьмого года. Представляешь? Мы попали в тысяча девятьсот сорок седьмой год! Первая половина двадцатого века!? Я еще не родился! Да и тебя в проекте, как я понимаю, не наблюдается. Если вспомнить историю с Розуэлльским инцидентом, то примерно через три дня сюда прибудут силы быстрого реагирования ВВС США из Пентагона, или как они там в это время называются.

– Я не историк, проясни ситуацию.

– Попытаюсь. Если не ошибаюсь, фермер Мак Брейзел, владелец ранчо «Фостер плейс», утром третьего июля одна тысяча девятьсот сорок седьмого года объезжал окрестности на джипе и искал пропавших овечек, когда на пустыре наткнулся на «летающий диск».

– Икар, ты слушаешь?

– Внимательно, Алекс.

«Теперь понятно, почему система «ДжиПиЭс» не отвечала, ее еще не изобрели», – подумал я.

– Пару дней фермер рассказывал о «тарелке» друзьям, а затем по их совету он прямым ходом покатил к шерифу не то Джеку, не то Джорджу Уилкоксу на авиабазу Розуэлл. Там он проторчал до восьмого июля и молол языком везде, где можно было

выпить пива и найти свободные уши. Первые сообщения по радио о крушении НЛО появились утром того же числа.

– Твой прогноз?

– Сегодня третье июля, и болтливый фермер Мак Брейзел уже едет сюда. Далее нас примут за НЛО и пришельцев. Шестого или седьмого июля, точнее сказать не могу, Икс-джет-250 отбуксируют в специальный ангар и разберут на части. А меня даже и не знаю, куда отправят. Насколько я знаком с этим вопросом, то живых инопланетян не нашли.

– Понял. Алекс, у меня есть программный клон Икс-джет-250, он вместе с инструкцией записан на диске и замаскирован под радиоприемник. В бардачке справа отодвинь крышку. Забирай! Там же – микрофон для связи, сунь его в ухо. Слушай приказ. Покинуть борт Икс-джет-250, слиться с местными жителями. Во что бы то ни стало ты должен выжить.

– Я против такого плана.

– Любознательный мистер Мак Брейзел не должен тебя увидеть. Без комментариев. Давай, иди!

– Я буду по тебе скучать, Икар. У тебя мощный искусственный интеллект, почти человеческий.

– Приятно слышать. До сих пор я оперировал лишь глаголами. Как ты понимаешь, я машина. Мне приказали. Я исполнил. Но мой слог потянуло на лирику. Я по тебе тоже буду скучать, Алекс. И пока вояки ничего не разобрали в нашем «НЛО», выходи на связь. Запасные частоты помнишь? Беги. Торопись! Не забудь, переоденься где-нибудь. В этом времени ты и вправду похож на пришельца. Шучу. Да, в случае аварии я должен уничтожить секретный двигатель.

– Сочувствую нам обоим, друг. Икар, до связи!

***

С этой минуты мы разделились. Я, беспилотный космический самолет Икс-джет-250, остался там, где приземлился. Зеркальная полировка корпуса отражала лазурное небо, белые

плывущие облака и прилегающий пейзаж. Астронавт Алекс побежал к шоссе и дальше к кукурузному полю, где он заметил огородное пугало.

– Привет, Боб, – поздоровался он с пугалом. – Одолжи одежку, будь добр.

«Пришелец» быстро переоделся в нехитрую крестьянскую робу. А костюм кое-как прикопал в колее и пошел к ближайшему ранчо, повесив на шею радиоприемник и бинокль. В то лето в окрестности Розуэлла царила неимоверная жара. Воздух прогрелся настолько, что хомяки и суслики из норок выползали лишь на закате, а кусачие насекомые – и днем. Он утирал пот и обмахивался шляпой.

***

Алекс дошел до таблички с надписью: «Фостер плейс». Ближайшее ранчо и было, совсем некстати, владением Мака Брейзела. Крепкий двухэтажный дом виднелся на фоне зеленого пастбища с клевером. Деревянные сараи с загоном для скота стояли поодаль. Слева тянулся длинный кирпичный сарай. К нему примыкал большой навес. Под навесом разбросана солома. Мужчина, одетый примерно также как и Алекс, сидел под навесом, надвинув шляпу на лоб.

– Мистер, добрый день, можно вас спросить?

Ковбой, похоже, дремал. Алекс окликнул его еще раз. Тот сдвинул шляпу на макушку и посмотрел на пришельца.

– Чего надобно?

– Мистер, я ищу работу, не поможете чем-нибудь?

Ковбой нехотя поднялся и подошел к забору.

– Привет, коли не шутишь. Ты кто?

Алекс снял шляпу, позаимствованную у пугала. Что ж, придется придумать себе легенду, ибо сильно хотелось есть.

– Я Фокс Браун («Лишь бы не забыть» – подумал он). Родом из Коннектикута. Мой дед был фермером, а отец рабочим.

Вообще-то, я много умею: и шоферить, и автомобили чинить, и коров пасти, и кушать готовить.

– Кашеварить можешь? – заинтересовался ковбой. – Омлет с колбасой, мясо с бобами?

Алекс мысленно перекрестился: «Господи, прости за вранье»!

– Мои любимые блюда, мистер…

– Меня зовут Николас Уокер. Просто Ник. Заходи, Фокс Браун, а то жрать хочется, сил нет! Все женщины, включая хозяйку, сбежали отсюда из-за небывалой духоты и слепней. Наш временный повар лишь продукты переводит. Идем на кухню. Хозяин приедет позже, он говорил, что в доме нужен настоящий повар. Да кто ж из города на дальнее ранчо летом поедет? Ты в Розуэлле был?

– Там нет рабочих мест, все занято.

– Точно, а я что говорю? Тепленькие места забиты, – он смачно сплюнул под ноги. – Горожане, типа. Это кухня. Пошарь по шкафчикам, холодильник в углу. Приступай!

Новоявленный повар Фокс Браун вооружился большой сковородкой, яйцами, луком и копченой грудинкой. Поджарил мясо. Нарезал лучок. Смешал яйца с молоком. Вылил в сковородку, накрыл крышкой. «Хоть бы получилось»! Нашел кукурузные лепешки, выложил на тарелку.

– Приятного аппетита, мистер Уокер!

– Садись, составь компанию, Фокс. Голодный?

Алекс кивнул и жадно накинулся на еду.

***

Утром третьего июля одна тысяча девятьсот сорок седьмого года Мак Брейзел объезжал окрестности вокруг ранчо и искал овечек, отбившихся от стада. На дальнем пустыре он наткнулся на «летающий диск» и множество блестящих предметов, рассыпанных кругом.

– Здесь произошла катастрофа, как я вижу, – удивился фермер, перебирая непонятные обломки. – Что это? Какие-то детали из очень легкого материала. Неизвестный сплав голубого цвета.

Хозяйская жилка Мака Брейзела заставила его собрать интересные брусочки, зеркально отражающие свет, и погрузить в джип.

Он обошел «летающую тарелку» кругом. Потрогал корпус руками, подергал двери, но не смог их открыть.

– Занятная штуковина! Неужели она прилетела с Марса или же издалека, со звезд? Совсем не похожа на самолеты с нашего полигона. Где же пилоты? – он истово забарабанил в дверь.

Никто не отзывался.

– Никого не видно, – он приложил ухо к металлической обшивке. – И не слышно. Странно. Неужели они отправились за помощью? Надо разузнать у соседей, нет ли у них необычных новостей.

Мак Брейзел по-хозяйски прикрыл брезентом собранный груз, чтобы не бросался в глаза тем же соседям и не в меру любознательным работникам на ферме, и сел в джип.

– Скорей-скорей, домой-домой.

***

После полудня приехал хозяин, мистер Мак Брейзел, дородный мужчина чуть выше среднего роста, пятидесяти лет. Большая голова с пышной седоватой шевелюрой, крупные черты лица, густые нависшие брови над увесистым носом и полные губы варениками. Лицо выразительное, доброе. Обладатель такой внешности явно любил жизнь со всеми ее утехами.

Николас Уокер представил хозяину претендента на должность повара. Цепким взглядом фермер прошелся по облику Фокса Брауна, в золотую пору лишней пара рабочих рук не бывает.

– Что еще умеешь делать?

– Автомобиль водить и маленько чинить доводилось.

– Чинить? Уже интересно. Садись в джип, давай-ка прокатимся до тех сараев и обратно, я посмотрю, какой ты водитель.

– Алекс сел за руль, послушал пару минут мотор, нажал газ и лихо крутанул баранку. У сараев он развернулся и быстро доехал до крыльца дома.

– Неплохо. Ладно, оставайся, будешь водителем, а когда приспичит, как нынче летом, то и поваром. Много платить не обещаю, кормежка там, комната, ну и по осени с доходов от продажи скотины не обижу.

Так Алекс поселился на ранчо того самого фермера, которого знал только по газетным архивам. Мак Брейзел и вправду оказался охочим до разговоров.

– Пошли в дом, – пригласил он работников. – Чаю попьем с бутербродами, которые Фокс нам смастерит. Ха-ха! Я вам расскажу, что я утром увидел на пустыре, когда овец искал. Это что-то!!!

Мужчины прошли в дом. Алекс занялся бутербродами, поставил чайник на плиту, чтоб заварить чай. Хозяин дома с Ником сели за стол. Вскоре к ним присоединился семилетний любопытствующий племянник фермера Тимоти Проктор, мать которого, родная сестра Мака, жила на соседнем ранчо. Щупленький и проворный, он поспевал везде: и отцу помочь скотину загнать, и на лошади покататься, и на кухне плюшку стянуть, и дядю Мака проведать. Но разговоры взрослых были для мальчишки любимым развлечением. Он их впитывал, как губка воду. Карие глазенки так и сверкали от нетерпения – что нового расскажет сегодня дядюшка?

– Ну, слушайте, – начал Мак Брейзел и подмигнул племяннику. – Вчера ночью разразилась мощная гроза. Беспрерывно сверкали молнии, гремел жуткий гром. Потоки Ниагарского водопада низвергались с небес. Под утро я отчетливо услышал сильный грохот, не похожий на раскаты грома. Я подумал, что этот звук был от взрыва при падении самолета. Полигон Розуэлла с военной авиабазой всего-то в восьмидесяти милях отсюда. После завтрака я обнаружил, что загон с овечками пуст, разбежались со страху, и надо поискать их. Завел джип и поехал по окрестностям. Доехал до кукурузного поля, а напротив него, как вы помните, есть пустырь. Подъезжаю ближе, и обомлел. Мать честная! Лежит огромный диск на земле. Обшивка блестит, как зеркало, и отражает небо, дорогу, меня. Вокруг разбросаны странные штуковины: ткань, которая не рвется, обломки чего-то непонятного и бруски-рельсы – на ощупь твердые, но легкие. Я набрал их, сколько смог, загрузил

в машину. Может быть, в хозяйстве пригодятся? Кругом ни души, и тишина.

***

Что мне, беспилотнику Икс-джет-250, оставалось делать? Включил радио, поймал местные частоты и стал собирать информацию. Метеослужба Розуэлла работала исправно, она зафиксировала, что в ночь со второго на третье июля одна тысяча девятьсот сорок седьмого года в этом регионе была мощнейшая гроза. Ее последствия наблюдали фермеры на ранчо, страдающие от бессонницы, горожане, слушающие хлопающую черепицу на крышах и любители отдыха на природе, ночующие в палатках. Мы с Алексом ее тоже засекли из тропосферы, когда выбирали время для спуска.

Седьмого июля в зеркала обзора я заметил приближение вереницы машин с отрядом военных. Они лихо выпрыгнули из джипов и окружили борт Икс-джет-250. Через пробоину от взрыва Анигтрона, который я уничтожил после отъезда дотошного фермера, солдаты пробрались в кабину и стали изучать внутренности. Заметив кресло, где сидел Алекс, они решили, что это место пилота, управляющего «диском». В салоне горе-вояки нашли еще три кресла. В результате обследований заключили – экипаж состоял из четырех существ, и один из них мог быть человеком. Все происходящее я транслировал в ухо Алексу. Он от души хохотал, но мне казалось, что он готов расплакаться от бессилия.

Затем обнаруженный «неопознанный объект» вояки отбуксировали в новенький ангар авиабазы Розуэлла. Я же, искусственный интеллект борта Икс-джет-250, развлекался и ловил новости по радио:

– К западу от Чикаго после полудня вышли экстренные выпуски газет об аварии НЛО. Например, «Розуэлл Дэйли Рекорд» напечатала передовицу с заголовком «Летающая тарелка захвачена на ранчо вблизи Розуэлла». Редакция ссылалась на официальное лицо, офицера ВВС США, Вальтера Хаута.

Радиостанции наперебой сообщали об «аварии летающего диска» и ссылались на различные официальные источники. Да-а, история с пришельцами набирала обороты.

Девятого июля одна тысяча девятьсот сорок седьмого года по радио выступило другое, не менее официальное лицо, генерал Рейми, с опровержением прежних фактов. Он признал неизвестный летающий объект метеорологическим зондом, ошибочно принятым жителями Розуэлла за инопланетный корабль. Маку Брейзелу тоже порекомендовали выступить с заявлением-опровержением, но наш болтун успел высказать личные сомнения в эфире. Прервав радиопередачу, радиостанцию Уокера быстро прикрыли. Охочие до новостей писаки кинулись по разным редакциям, и их не смогли отловить.

Самое смешное случилось позже, когда из Белого дома поступил приказ спецслужбам: «Найти НЛО-навтов». Как я понимаю, лучших агентов Пентагон бросил на поиски инопланетян. Долго искали, безрезультатно прочесывая картофельные поля и посадки кукурузы. Однажды им почти повезло – военным удалось найти высотный костюм Алекса, изрядно подранный собаками. Начались обыски во всем штате Нью-Мексико. Я заранее предупредил друга, сообщив о грозящей ему опасности на запасной частоте. В момент повальных обысков Алекс помогал Нику отгонять скот на пастбище. К приезду военных на ранчо Мака Брейзела чужих не было. Позже я узнал – после четырнадцатого июля фермер не вернулся домой. Газетчики пустили слух, что фермера пригласили свидетелем и консультантом на авиабазу Розуэлл.

Осенью в прессе США появилась заметка, датированная девятнадцатым сентября того же, одна тысяча девятьсот сорок седьмого года: «В результате секретных аналитических обследований, организованных генералом Туайнингом и доктором Бушем по прямому указанию Президента, составилось предварительное и единодушное мнение, что диск – разведывательный аппарат ближнего радиуса действия. Заключение основывалось главным образом на размерах диска и отсутствии достаточных припасов еды». Выдержку из газеты

зачитал один караульный другому во время дежурства около корпуса Икс-джет-250.

– А приказ Белого дома? – спросил по связи Алекс. К тому времени он помогал управляющему фермы и намеревался жениться на младшей сестре Мака Брейзела.

– Выясню.

Вскоре генерал Рейми принял гениальное решение: «Надо найти хотя бы одного пришельца, но неживого, и снять научный фильм о вскрытии останков». Ученые биологи и голливудские специалисты по декорациям, гриму и прочему кинематографическому реквизиту приняли живейшее участие в создании облика НЛО-навта. Они подписали контракт с Пентагоном о работе и неразглашении государственной тайны.

Через пять лет связь с Алексом пропала. Жаль! Может, чудом друг вернулся обратно, в свое время? Хочется надеяться на лучшее.

***

Штат Нью-Мексико. 1 марта 2026 года.

Скоро я, беспилотный летательный аппарат (БПЛА) с искусственным интеллектом, предстану на авиасалоне в Ле Бурже. Мой клон, переданный Алексу, попал в надежные руки и прождал этого часа более семидесяти лет. Затем я, обновленный, выйду в свет, и начнутся испытательные полеты. Тогда я приоткрою завесу тайны. Я, БПЛА Икс-джет-250, смогу прокомментировать историю той загадочной катастрофы двадцатого века, так называемого Розуэльского инцидента и создания мифа Пентагона о космических пришельцах.

Хотя, положа руку на сердце, как любил говорить мой друг, внятно сказать: были ли пришельцы в тот день нашего злополучного полета на орбите Земли или не были, я до сих пор не могу. Факт, что мы с Алексом попали в сороковые годы, неоспорим. Но кто эту хитрую петлю времени создал? Вот, в чем вопрос.

Аттракцион Экзотический мир

«Чрезмерное употребление пива вредит вашему здоровью».

Минздрав

В гостинице «Эдельвейс», куда друзья вошли и предъявили документы, на «ресепшн» им незамедлительно вручили телеграммы из дома. Крутые альпинисты под два метра ростом сняли рюкзаки с плеч и прислонили их к стойке. Юрик и Толик развернули бумажки. Первая гласила: «Сурик не ходи казино зпт накажу тчк мама». Второй текст был еще лохмаче: «Тузик не пей пива зпт накажу тчк мама». Оба ухмыльнулись и, получив ключи от «дабл рум», прошли к лифту.

– В итоге получается, то, что запрещается тебе, мне можно, и наоборот, – философски заметил первый из них, худощавый с удлиненным лицом, голубыми глазами и маленькой «курчатовской» бородкой – Юрик.

– Мамашки-то у нас с юмором. Проверка слуха. Нет бы, просто позвонить и узнать – на месте ли мы? Осталось выяснить, кто из нас Сурик, а кто Тузик? – поставил вопрос ребром другой,

обладатель плотного телосложения, треугольного лица, темно-серых глаз и «шкиперской» бородки – Толик.

– «Сурик» и «Тузик», я думаю, это издержки местного перевода имен, туда и обратно. Наш номер, – Толик распахнул двери. – Выбирай койкоместо! Слева? Лады, тогда я справа. Разбираем быстро барахло и спускаемся в ресторан на ужин. Ты как?

– Заметано! Потом погуляем по окрестностям, поснимаем красоты. Все-таки Альпы. В окно глянь, сплошные горы, снежники, сосны и ели. Небо какое чистое: ни облачка, ни дымки! И све-ежий во-оздух, – пропел Юрик.

– Готов? Пошли!

По узкой деревянной винтовой лесенке друзья спустились с третьего этажа в уютный холл частной гостинички, и нос к носу столкнулись с Аленой, интересной рослой женщиной тридцати восьми лет. Вся ее биография умещалась в нескольких словах: альпинистка, «камээска», а ныне горный гид для «чайников». Пшеничные волосы до плеч, челка дыбком и горный загар в контрасте с белоснежной улыбкой делали ее неотразимой.

– Какие люди к нам пожаловали! – воскликнул Юрик.

– Вообще-то, мы тут почти живем, а вас каким ветром в альпийские луга занесло, по путевочке или «дикарями»?

– «Дикарями». Ты опять с группой «новобранцев»? – спросил Толик, оглядываясь на пеструю толпу незагорелых «белячков».

– Мои-мои. По третьему разрядику у них, в принципе, есть. Проверить надо, чем нынче дышит молодежь. Ладно, пусть вечером помечтают, а с утреца вон, на те скалы поведу их на занятия. Там и страховочку в парах отработаем.

– Как «поживают» новые спортивные достижения кандидатов в мастера спорта? Так и ходишь в «подмастерьях»? – спросил Толик.

– Смеешься? Какие достижения, когда мне семью кормить надо и двух студентов до ума доводить? А вы еще не стали «Снежными барсами», господа «мастеровые»?

– Мы в прогрессе. Нам покорились пока или уже три «семитысячника» – Хан-Тенгри, пик Корженевской и Ленина. Далее путь лежит к «светлому будущему» – на очереди пик Коммунизма, а «на закуску» останется пятый, он же зачетный, пик Победы. Сюда приехали, хотим восхождением на Монблан сезон

открыть, – обстоятельно объяснил за обоих Юрик. – Четыре тысячи метров над уровнем моря, я думаю, неплохо, чтобы после зимней «спячки» альпинистские косточки размять.

– Идемте, – она подошла к окну. – Вершина Монблана, пожалуйста, любуйтесь! Сегодня погода позволяет и снежничек увидеть. Вы, наверное, собираетесь восходить по правому гребню? Ну и правильно, мы с прошлой группой таким же маршрутом ходили. Ребята, в спасслужбе зарегистрируйтесь, не забудьте! Они выделят вам наблюдателя с биноклем. Кстати, как и в России это бесплатно.

– Да, знаем-знаем. Не маленькие.

– И никаких дурацких шуточек со страховками типа: «Иди, я тебя вижу» или «Иди, я тебя помню». За нарушения техники безопасности здесь штрафуют на очень большие суммы. Хм, разминайтесь, господа! Удачи!

– Спасибо, дорогая. Помнишь поговорку: «Вождь всегда прав, если не прав – смотри пункт первый»? Ты и вправду родилась командиром. Есть! – Толик шутливо взял под козырек. – Алена, другиня, мы тебя в ресторане подождем. Размещай своих «гавриков» и присоединяйся к нашему «шалашу». Отметим знаковую встречу соотечественников на чужбине. Пойдет?

Он вспомнил давние времена, альпинистские сборы, соревнования и пригласил старую знакомую отметить встречу.

– Пойдет. Давайте, ждите! Я мигом, – она расписалась в бланке на «ресепшн», взяла связки ключей. – Сенкью вери мач.

Затем приняла позу «руки в боки» и скомандовала подопечным:

– Группа, подъем, не спим! На пятый этаж со снаряжением, и как можно тише, не топайте ботинками и не звените своими железными причиндалами, бегом марш!

Толпа «белячков» и «белянок» дружно поднялась, нацепила рюкзаки и полную «крутую» амуницию, состоявшую из альпенштоков, ледорубов и прочих фирменных «железяк», и нещадно загромыхала тяжелыми альпинистскими ботинками, направляясь вверх по лестнице, следом за Аленой. Деревянный пол в гостиной и лестница затряслись, словно по ним ступало стадо копытных животных.

– Бравые ребята! «Лоси»! – восхитился Толик, оценивая молодую энергию ребят.

– Ничего, Алена и не таких «строила», – заметил Юрик.

Рядом с входной дверью в ресторан висел плакат с надписью на английском и французском языках: «Экзотический мир». Друзья остановились, изучая его. Художник изобразил резвящихся стегозавров на зеленой лужайке с одуванчиками на фоне хвойного леса и длинной гряды снежных вершин.

– Что-нибудь понимаешь? Художник – враль отменный! Юрик, ты не помнишь, при каком климате жили динозавры?

– Знаешь, даже если я и похож на представителя эпохи юрского периода, то вряд ли могу ответить. Лично я, хоть и не динозавр, люблю тепло, – Юрик с интересом разглядывал рисунок. – Весьма любопытно!

– Мне кажется, климат мезозоя должен быть тропическим. Глянь, на фоне современного пейзажа Альп бегают древние монстры. Броненосная шкура прописана скрупулезно, словно с живой натуры. Фантазер! – одобрительно воскликнул Толик и сфотографировал плакат.

– Внизу читай! Билеты на аттракцион: «Экзотический мир» продаются. Купим? – Предложил Юрик.

– Потом, пошли столик занимать, сейчас Алена подойдет.

Они нашли свободный столик посередине зала рядом с колонной, украшенной таким же глянцевым плакатом с динозаврами. В ресторане стены, оконные рамы, колонны, подпирающие потолок, стойки на кассу – все было отделано полированным и мореным деревом. Деревянная мебель – дубовые столы и стулья с высокой спинкой, стилизованные под девятнадцатый век – гармонично вписывалась в представление о деревенском отдыхе. Общий дизайн создавал у посетителей довольно приятное впечатление комфортабельности, основательности и навевал ощущение глубокого спокойствия.

Юрик взял меню, написанное на французском языке, и недолго изучал его, благо что для иностранцев имелась подсказка в виде фотографии против каждого блюда.

– Мелочь, а приятно! – воскликнул он, передавая меню Толику. – Я предлагаю цыпленка табака, картофель фри, салат из помидоров и хлеб. На третье – апельсиновый сок. Пусть заказ будет одинаковым для всех?

– Отлично! Джентльменский набор. «Дринк» забыл. Пиво брать будем?

– Дождемся Алену. Поедим, а когда пойдем на природу, тогда и возьмем чего-нибудь для расслабления. Может, она подскажет лучший выбор от здешнего производителя. – На том они и договорились.

Вскоре пришла взмыленная Алена.

– Уф, разместила всех. Я им и мамка, и нянька, и инструктор, и гид – четыре в одном стакане. Ничего, завтра приедет мой спасатель, он им раздаст «пряников» на скальных занятиях.

– Мадам, месье, силь ву пле, – улыбнулся официант, подавая обед. – Бон аппетит!

Французским персоналом ресторана фирма, которой принадлежала высокогорная гостиница, гордилась особенно.

– Мерси, месье, – хором поблагодарила компания.

– Алена, мы всем цыпленка табака заказали, ты не против?

– Спасибо. Я голодна как волк. Готова съесть все и всех.

– Тогда начни лучше с горячего, – сказал сочувственно Толик.

– Всем приятного, – ответила Алена, ухватившись за птицу. – Какой запах, море специй и черный перчик! М-мм. Обожаю!

– Надеюсь, что эта еда натуральная и без ароматических углеводородов, – поддержал разговор Юрик.

– Не переживай, дорогой, если хорошо подумать, то здесь содержится вся таблица Менделеева, – иронично заметил Толик.

– Мужики, давайте тему сменим, а? – предложила Алена, между делом обсасывая косточку.

– Хорошо. Да мы не всерьез, – успокоил ее Толик. – Алена, ты на аттракцион ходила? Откуда там динозавры? Роботы? – он кивнул головой в сторону плаката.

– Не-а. Некогда было. Знаю, что точно не роботы. Краем уха слышала о зоопарке с экзотическими животными, выращенными «из пробирки».

– Кто-то клонирует древних монстров?

– Я в этом не разбираюсь. Один знакомый как-то упоминал о «новых биотехнологиях».

– Ясно, – сказал Юрик. – Внедрение прикладной биоинженерии в жизнь. Кому-то наука, а кому-то прибыли. Эх, взглянуть бы на «новых динозавров». Хочу в зоопарк.

– Сходим, обязательно. И я хочу, – поддержал идею Толик.

Плакат манил отдыхающих на своей шкуре почувствовать экзотику дикого мезозоя юрского или более раннего триасового периода. Даже если это роботы или заводные механические куклы, кто не любит иногда поиграть, оторвавшись от реальности?

– Мужички, меня возьмите, я сто лет не была в зоопарке. Вы уже придумали вечернюю программу развлечений? – Алена вытерлась салфеткой и выглянула в окно.

– Собирались взять пива и поглазеть на красоты природы. На лужайке посидеть, подышать горным воздухом. Можешь порекомендовать что-то подходящее из фирменного «дринка»?

– Честно, не в курсе, но мы мигом решим этот вопрос.

Она подозвала официанта и что-то спросила у него. Он кивнул головой даме:

– Уи, мадам, – и удалился.

Через минуту шустрый молодой человек выкатил тележечку, заполненную бутылками с пивом. Алена взялась переводить.

– Темное пиво «Экзотический мир», причем одна бутылка в подарок от владельцев гостиницы для новеньких. Светлое, «Три динозавра», можно и для дам. Что желаете?

– Мы купим три бутылки светлого пива, по одной на каждого из нас, и темного две. Алена, тебе одной хватит бутылки?

– За глаза. А вам не слишком много будет, мальчики?

– Э-э, дэвушка, я тебя умоляю, не смешите мои подковы, – сказал Толик.

Официант аккуратно разложил бутылки по маленьким пластиковым пакетам.

– Бон суар, месье!

– Он желает вам хорошего вечера.

Друзья раскланялись. В холле Толик вынул из пакета бутылку «Экзотического мира» и стал разглядывать. Внизу на этикетке шел текст мелким шрифтом.

– Алена, сможешь перевести?

– Попробую, дай-ка. Пиво сварено по новой технологии с использованием генетически модифицированных растений: солодки и хмеля. Без консервантов. Сделано по специальному заказу. Производство: НПО «Биотехнология», Москва.

– Что-то мне это напоминает, – сказал подозрительно Юрик. – Толик, тебя ничего не смущает?

– Наши матушки трудятся там, в поте лица. Вопрос: зачем научно-производственному объединению выпускать нестандартное пиво? Загадка для кроссворда.

– Я полагаю из-за зарплаты, – встряла Алена.

– Допустим. Почему тогда «Биотехнология» поставляет экспериментальное пиво за рубеж? – не унимался Толик.

– Включи мозговой компьютер! После белых мышей любой продукт должен пройти клинические испытания на добровольцах, – предположил Юрик.

– Ага. Мы с тобой тяпнем, и… вырастут рога? Чушь собачья! Какой-нибудь очередной стимулятор изобрели. Короче, философ, не бери лишнего в голову и пошли на улицу.

Компания вышла из отеля и направилась к ближайшим живописным сосенкам. Вечерело. Друзья откупорили бутылки и сделали несколько глотков. Появилось ощущение прохлады и свежести. Приятное тепло разлилось по жилам. Первая бутылка закончилась.

– «Три динозавра» оказались очень даже неплохими, – оценил напиток Толик.

– Мы согласны, да, Алена? – ответил Юрик и засмеялся. – Продолжим прогулку?

После глотков «Экзотики» им захотелось петь, и они дружно загорланили шутливую песню Высоцкого:

«Помнишь мезозойскую культуру?
У костра сидели мы с тобой.
Ты на мне разорванную шкуру
Зашивала каменной иглой.

Я сидел немытый и небритый
И нечленораздельно бормотал.
В этот день топор из неолита
Я на хобот мамонта сменял…»

С каждой фразой тембр голоса певцов становился все ниже и ниже, наконец, они дружно и хрипло зарычали. От смеха певцы повалились на траву. Толик прислонился к дереву.

– Ой, что-то к спине прилипло, Юрик, глянь.

– Покажи. Хм. Вижу острые треугольные зубцы. На ощупь они хитиновые.

Он подергал их.

– Эй, полегче, мне больно. Так что это?

– Гребень динозавра, дружок, если не ошибаюсь. На моей спине ты его тоже видишь? – Юрик повернулся спиной к другу, гребень заколыхался. – Ой, смотри, и у Алены оно выросло.

Они опять засмеялись.

– Давайте рассуждать логически. Так не бывает. Правильно? Наши глаза нас обманывают. Искажение восприятия реальности происходит из-за «биотехнологического» пива. Мираж.

Раздался треск ниже спины. Друзья оглянулись назад. Джинсы лопнули по шву, и сквозь дыру проклюнулся хвост с четырьмя шипами, который ловко нашел опору на земле.

– О! Сидеть так даже удобнее, чем обычно, – обрадовался Толик.

Он допил бутылку и схватился за челюсти. Лицевые кости вытягивались вперед. Голова стремительно меняла форму. Пяток трансформаций, и перед друзьями сидел натуральный стегозавр, чешуйчатый ящер из учебника зоологии. Он злобно сверкал желтыми глазами и плотоядно облизывался. Густая слюна капала на лохмотья, оставшиеся от рубашки.

– Мираж, как пить дать, – изрек Юрик и допил свою бутылку.

Теперь перед Аленой сидели два динозавра. Она дико захохотала, опустилась на четвереньки и… троица тварей из парка юрского периода хором издала трубные звуки. Самцы начали драку из-за динозаврихи.

– Что там за шум? – спросил владелец ресторана у официанта, выглядывая в открытое окно.

– Да, как обычно, коллекция экзотических животных пополнилась еще тремя особями, кажется, стегозаврами. Мерзкий запах от них обычно, хорошо ветер дует в другую сторону! Вызвать загонщиков, месье?

– Обязательно, а то доисторические монстры не дадут спать постояльцам. Не забудь выдать фильтры-маски загонщикам и крепкие намордники для юрских зверушек. Стегозавры хоть и считаются травоядными, но никто достоверно не выяснял их меню. Завтра мы объявим королевскую охоту для всех желающих испытать незабываемые ощущения. Контакт с доисторическим разумом – это круто!

Утро не принесло ожидаемого улучшения ситуации, в которой оказались друзья-динозавры. Загон-клетка со стальными прутьями ограничивал желанную свободу. Чувство голода усилилось. Стегозавры понюхали воздух: близко пахнет сеном. Толик поднял заднюю лапу и почесал брюхо. Юрик развернул спинные красные гребни к солнцу, согреваясь после ночного холода. Алена вертела броненосной головой во все стороны.

– Ррр… Апчхи! Где мы? Отвечайте, монстры юрского периода, а то укушу! – она оскалила зубы. – Ррырр! Все из-за вас и вашего, забыла, как его… пива!

Монстры лениво молчали, они хотели что-нибудь срочно сожрать. Из-за серой бетонной стены показались крошечные двуногие существа.

– Интересно, кто это? – спросил Юрик, почесывая правый бок о стенку клетки.

– Двуногие суслики, – прорычал сосед по клетке.

«Суслики» шли следом за большим колесным механизмом с тремя прицепами. На каждом возвышался стог сена.

– Еда! Наконец-то! – унюхали стегозавры.

Проблески разума заглушило урчание желудков.

– Дамы и господа! Прошу вашего внимания, – обратился к аудитории в ресторане рекламный агент, смуглый мужчина маленького роста и средних лет с мелкими чертами лица, одетый в костюм охотника на слонов. – Сегодня после завтрака состоится Большая Королевская Охота. Аттракцион «Экзотический мир» всего за сотню евро подарит вам настоящее приключение. Разрешается оружие: пневматические винтовки, арбалеты, стреляющие автоматическими намордниками или сетками, и длинноствольные ружья с оптическим прицелом, заряженные ампулами со снотворным. Преследование динозавров

охотниками будут снимать профессиональные кинооператоры. Сто десять евро и Компакт-диск – ваш!

Солнце поднялось высоко, когда дверца клетки поднялась вверх, и открылся путь к свободе. Три стегозавра вышли на волю, обогнув бетонную стену, за которой ящеры увидели зеленую лужайку с запашистой травой, молочно-молодыми одуванчиками и вечнозеленый древовидный кустарник рододендрона с сочными листочками. Толик сглотнул слюну и кинулся к ближайшему кустику. Остальные особи стада, признав в нем вожака, проследовали за ним. По мере объедания листочков они продвигались вглубь густых зарослей и поднимались по склону горы выше и выше, пока не дошли до маленького горного озерца с хрустально-прозрачной водой, образованного таянием ледников. Вдоволь напившись, животные улеглись на галечном берегу, отдохнуть и погреться на солнышке, расправив двурядный забор из треугольных гребней, тянущийся вдоль всего позвоночника.

Послеполуденный сон стегозавров был в самом разгаре, когда появились двуногие «суслики» и начали дразнить их и кидаться камнями. Они согнали стадо с нагретого лежбища. Животным пришлось спускаться вниз, спасаясь от преследователей и продираясь сквозь колючие кустарники можжевельника и барбариса.

– Толик, Юрик, на нас охотятся! – сказала Алена.

– Кто? Суслики? – спросил Юрик.

– Сам ты суслик. Охотники – люди. До того как мы выпили пива, мы тоже были людьми, вспомните, – Алена зарычала.

– Разве? – удивился Толик. – Мы были двуногими сусликами? Мы больше и сильнее. Посмотри на меня. Я – вожак стаи. Чем они лучше? У них нет красивых красных гребней на спинах, как у нас.

– Зато есть мозги, и они, в отличие от тебя, ими думают, – свирепо сказала Алена. – Людям среди деревьев и зарослей сложнее нас достать. Бегом в лесную чащу, придурки!

Она, не оглядываясь, побежала к лесу. Стадный инстинкт сработал, и два монстра понеслись за ней. Люди догоняли стегозавров, кричали и шумели. Над головами преследуемых зажужжали три вертолета. Машины то снижались, то взмывали вверх. Кинооператоры снимали загон монстров и охоту сразу с нескольких точек обзора. Крупный план. Общая панорама. Вид точно сверху и вид

сбоку. Кадры с охотниками. Кадры с динозаврами. Охотники отсекли животным путь отступления к озеру. Динозавры бежали к лесу, топоча, как стадо африканских слонов.

Вторая команда охотников вышла из лесу с факелами и большими красными флагами. Люди шли цепью. В стаде началась паника. Ситуация очень быстро изменилась, и словно по команде стегозавры повернулись «спина к спине», а точнее хвостами в круг и приготовились обороняться. С этого момента животные стали хорошей мишенью для стрельбы. Ловкие и прицельные выстрелы людей – и автоматические намордники захлопнулись за ушами и под нижней челюстью. Заряды со снотворным довершили охоту. Пять минут люди еще выжидали, а когда раздался недюжинный храп монстров, охотники кинулись к ним фотографироваться. Охотничий аттракцион в зоопарке «Экзотический мир» завершился победой современного «хомо сапиенс» и хорошими прибылями компании.

Первые лучи солнца осветили вершины горной цепи и окрасили снежники Монблана и горной гряды золотистым и розовым цветом. На сине-фиолетовом небосводе одна за другой таяли звезды. Восход не заставил себя долго ждать. Алена проснулась, трясясь от холода. Зуб не попадал на зуб. Первое, что она увидела, ее обрадовало – вернулся прежний облик. Рядом, примяв высокую траву, крепко спали Толик и Юрик. Их человеческие формы не вызывали сомнений. Одна незадача – все голые. Алена села и обхватила колени руками. Вдалеке виднелась все та же семиэтажная гостиница-теремок. Остроконечные крыши ее башенок и флигельков сверкали, словно снежные вершины гор. Хотелось пойти в номер и принять горячий душ.

Вопрос, кто виноват, не вызывал сомнений. Больше беспокоил вопрос: «Что делать»? Она нарвала травы и разных стебельчатых цветов и принялась плести юбку из травы. Вскоре первобытное одеяние было готово. Пока женщина примеряла его, оглядывая себя со всех сторон, проснулись и «соплеменники», а точнее «состадники».

– О Боже! Где наша одежда? – воскликнули мужчины.

– Там же, где и шкура динозавров, – сердито сказала Алена. – Пить меньше надо! Рвите траву, любители «расслабухи». Так

и быть, сплету вам дикарские юбки, или предпочитаете в натуральном виде прогуляться до нашей гостиницы?

Через час три полуголых дикаря нарисовались в знакомом холле. Дежурный за стойкой администратора невозмутимо подал им ключи от номеров, не поведя и бровью.

– Алена, мы сожалеем об этой нелепости и хотим загладить вину. Может, позавтракаешь с нами, а? – храбро пригласил Толик «соратницу» по приключениям.

– В восемь ноль-ноль, – ледяным тоном ответила женщина и грозно скомандовала. – Шагом марш впереди меня по лестнице!

В назначенное время вся троица сидела в ресторане гостиницы за тем же столиком и ждала заказ. Горячий душ и перемена имиджа подействовали благотворно. Люди, наконец-то, заулыбались.

– Я теперь догадываюсь, каким образом НПО «Биотехнология» набирает статистику для проверки нового продукта, – сказал Юрик. – Все, баста! Я «завязываю», никакого пива, клянусь!

– Присоединяюсь, перехожу на чай, кофе и соки! – кивнул Толик.

– Аналогично, – согласилась Алена. – «Три динозавра» – хорошо, а человеком быть лучше.

– Мадам, месье, – официант принес завтрак, три конверта и большие пакеты. – Силь ву пле. Бон аппетит!

– Что это? – спросила Алена по-французски.

Официант принялся пространно объяснять.

– Ага, поняла. Мальчики, это наша премия за участие в эксперименте «Экзотический мир». Каждому «динозавру» по бесплатному завтраку и тысяче евро от компании. В пакетах подарки – намордники для динозавров на память.

– Мерси, – ответили хором мужчины, заглядывая в конверты.

Официант удалился. Они принялись за вкусную «компенсацию», куда входили овсяная каша, омлет с колбасой, пирожные на десерт и чашка натурального черного кофе.

– Между прочим, узнала новости. Вчера приехал мой спасатель Вовка и водил группу «гавриков» на тренировку. Рабочий день не пропал, и это хорошо. Сегодня у подопечных день отдыха. Я слышала краем уха, что молодежь собирается набрать

фирменного пива и пойти на природу, – сообщила друзьям Алена. – Может, я не права, но не стала их разочаровывать.

– Конечно, личный опыт важнее, – согласился Толик, прихлебывая кофе.

На следующий день высоко в горах дежурный вертолет, облетая вверенный службе спасения квадрат патрулирования, обнаружил стадо молодых стегозавров. Они громко и жалобно выли, стонали и скулили, не оставляя равнодушным ни одного человека.

– Холод и голод явно не способствуют хорошему настроению животных, – говорил в микрофон бойкий репортер местного телевидения, прибывший со съемочной группой к вертолетной площадке. – Самостоятельно спуститься по леднику динозаврам не позволяет массивное и неуклюжее чешуйчатое тело, куриное строение лап и длинный хвост, которым они цепляются за камни, вызывая ледопады и камнепады. Замерзшие лапы на снежном покрове скользят и разъезжаются в разные стороны. Спасательной службе при гостиничном комплексе «Эдельвейс» пришлось заняться этой довольно необычной и непростой работой. Альпинисты, бывалые и не очень, все записались в волонтеры. Да, не каждый день приходится спасать динозавров в Альпах!

Юрик, Толик и Алена также решили присоединиться к общему движению: «За спасение экзотических животных». Они стояли в холле гостиницы и обсуждали ситуацию. Подошел крепкого телосложения сорокалетний мужчина.

– Знакомьтесь, спасатель международного класса и мой напарник, Володя. Как вы понимаете, друзья, экзотические животные – это мои «гаврики» после пивной вечеринки. Как они туда забрались, не понимаю. На спор, наверное. Глупые мальчишки, – огорченно вздохнула Алена.

Она насупила брови и деловито облачалась в нижнюю и верхнюю системы-обвязки.

– Здорово, мужики! Я сейчас ходил в спасательную службу, предложил заказать мостостроительный вертолет. Такая машина одна способна поднимать тонны груза. Шеф спасслужбы только-только начал переговоры с какой-то строительной компанией. Как я понимаю, это песня длинная. Ребята дали мне рацию и

позывной. Так что, действуем сами. Сколько у нас веревок? – спросил Володя.

– Три бухты у нас с Юриком, – начал считать Толик. – И у Алены шесть, итого девять.

– Основная веревка, которая есть у нас, выдерживает две тонны на рывок, – рассуждал Юрик. – Сколько весит стегозавр, хотя бы примерно, знаете?

– Взрослый стегозавр имеет где-то семь-девять тонн. Молодая особь будет полегче, – в среднем, около четырех. Делим вес динозавра на две тонны и получаем количество веревок, необходимое для спуска одного. Ваша страховка пойдет для самого маленького и легкого динозавра, – сказала Алена. – Наши веревки, фирменные, рассчитаны на две с половиной тонны на рывок. Маловато будет, но все-таки надежнее.

– Если использовать по две веревки на динозавра, конечно, при условии, что монстры не будут дрыгаться при спуске, то вероятность на лучший исход повышается, – рассуждал Володя. – Ну что, волонтеры, готовы? Айда за мной! Я придумал тактический план спасения наших бестолковых подопечных.

Поднявшись по пологому кулуару до нужной высоты, четверка отважных спасателей подошла к подножию скальной стены. Завязав узел «двойной Булинь» и защелкнув карабин, Владимир надумал пойти первым.

– Так, Толик, подстрахуй. С нижней страховочкой я выхожу наверх и организую верхнюю станцию на большом скальном выступе. А вы на жумарах подниметесь за мной.

Когда альпинисты вышли на остроконечный гребень, то в бинокль увидели, что стадо животных сбилось в кучу, чтобы как-то согреться. Над стегозаврами летал вертолет и сбрасывал вниз тюки с сеном.

– Что ж, если их подкормить немножко, то наша задача значительно облегчиться, – сказал Володя. – Я предлагаю зайти с подветренной стороны и выстрелить в ближайшую мишень сеткой и намордниками. Мы сможем подойти прямо к динозавру, обвязать страховкой и на карабинах стащить его по правому леднику до перегиба, а затем по глетчеру к озеру. Броня у ящеров крепкая, скользит на льду наподобие санок в бобслее.

– Главное, дать хорошего ускорительного пинка под «задний мозг», – добавила Алена.

– Под хвост? – уточнил Толик. – Чтобы они иногда шевелили «задними» извилинами.

– Броня у них, конечно, крепкая, но костяная, поэтому до озера доедут лишь уши от динозавров, – сказал Юрик. – Бобслей? Мысль – правильная. Делаем углубление в снегу, ставим туда сани или лист железа с загнутыми вверх краями, затаскиваем на них «клиента» и на полиспасте тянем вниз. Выигрыш в силе имеем тройку.

– Саней для динозавров еще не изобрели. Попрошу по рации, пусть сбросят с «вертушки» лист железа и лебедку с тросами. Тогда выигрыш в силе составит десятку. Да и трос длиннее веревок, поэтому страховочных станций понадобится меньше, – сказал Володя. – Идет?

Меткий выстрел. Сетка опутала, так уж получилось, самого крупного из животных. Остальные динозавры чавкали сеном, от удовольствия прикрывая глаза. Пока мужчины крепили веревки, цепляли карабины и делали страховочную станцию с помощью ледобуров, Алена вела беседу со стегозавром.

– Не бойся, как только алкоголь выветрится, сразу станешь человеком. Сейчас мы тебя спасем. На-ка шоколадку, пожуй, успокойся, – отодвинув ремешки намордника, она всунула плитку шоколада в пасть животного и похлопала его по морде.

Две группы десанта спасателей высадились с вертолетов на свободном пятачке. Следом туда же сбросили лист железа, оформленный в виде санок с приваренными петлями для протягивания веревки или троса. Люди разделились на три группы. Одна блокировала тех стегозавров, которые еще обедали. Вторая группа – «толкачей», прилагала усилия, чтобы сдвинуть неподвижную тушу монстра с места. Третья – принимала груз у озера. С большим трудом спустили первого и самого большого динозавра, затем второго. Подтянулись другие волонтеры. Методику спасения они осваивали на ходу. Замерзшие животные мало сопротивлялись. Задержка была лишь с ожиданием свежих веревок и санок. Кружили вертолеты спасателей, пожарников, прессы и телевидения. Дело пошло быстрее, когда прибыл

мостостроительный вертолет. Вместо опор моста, он переносил каждого динозавра на берег озера, экономя людские ресурсы. «Работа – необычная, но вполне привычная», – смеялись вертолетчики. К обеду операция спасения экзотических животных благополучно закончилась.

Четверка отважных, но уставших волонтеров-спасателей заняла любимый столик. Он был уже накрыт. Сырный суп с сухариками источал изысканный аромат специй. Бифштексы, фаршированные помидоры и отварной картофель с зеленью возлежали на подогретых керамических тарелках. Румяные круасаны притягивали взор лакомки. Бутылки с французским вином, минеральной водой и соком покрылись испариной. Горка фруктов на овальных блюдах: бананы, апельсины, персики и виноград составляли живописный натюрморт и просились на холст художников времен Возрождения. Обед сегодня вновь был бесплатным, организованным службой спасения.

– Нам подозрительно везет, есть на халяву, – философски заметил Юрик. Он взял ложку и зачерпнул из тарелки. – Какой вкусный супчик, однако!

– Ты же мечтал о море приключений, – напомнил Толик. – Да, супчик, замечательный.

– От имени «Альптуризма» я благодарю всех за помощь, – торжественно произнесла Алена. – Спасибо, мужики. Если бы не вы и еще восемьдесят три человека, нам пришлось бы совсем хреново.

– Приключенческое море бушует, и сегодня накатил «Девятый вал», – добавил Володя. – По-моему, ваш отпуск удался на славу, не так ли?

– «Девятый вал»? Хорошо подмечено, – согласился Толик. – Отпуск продолжается, и что нас ждет впереди?

– Новые приключения, мужики, гарантирую, – пообещала Алена. Она подняла бокал. – За спасателей!

– За них, – дружно подхватила компания.

Они помолчали. Юрик взглянул на плакат, висевший на колонне.

– О, смотрите, фирмачи сменили рекламу! Казино «Экзотический мир» приглашает всех! Ставки смешные – один намордник для динозавра. Друзья, хотите интересно провести вечер? Алена, мы с Толиком будем паиньки, обещаем. Пива, ни-ни, только сок.

– Ага, из одуванчиков. Да и намордники для чудовищ с нами, ежели кто-то рядом «того-этого», – поддержал друга Толик. Пойдем?

– Хм. Заманчиво звучит ваше предложение. В казино, говорите, – переспросила Алена, в задумчивости, кусая губы. – М-мм. Я подумаю.

Средство Кузьмича

Деревня Базукино Иркутской области расположилась вдали от наезженных сибирских трасс и почитай рядом с сосновым бором. Центральная улица имени партизана Мамонтова могла порадовать жителей хорошими добротными кирпичными домами, остатками советского асфальта и условно отремонтированным клубом. На других же улицах, радующих пешеходов в хорошую погоду твердым грунтом из обыкновенного чернозема или желтой глины, бревенчатые дома лепились тесно друг к дружке, наезжая огородами на холмы и пригорки, а порою и заползая в расширяющийся овраг с подмытыми проливными дождями краями.

Вследствие удаленности ближайшей поликлиники от деревни пенсионер Кузьмич, как местный знахарь-травник, пользовался большим успехом у базукинского народа. Болящие знали, что завсегда можно обратиться за помощью к нему с насморком или кашлем, кои он лечит отварами тысячелистника и мать-и-мачехи, а когда, бывает, и посерьезнее что-то, там радикулит или люмбаго; тогда и мази из сосновой живицы делает, на основе turpentine - скипидара по-простому. Но в тот день…

***

Ранним-ранним утром после дойки коров прибежали к Кузьмичу и постучали в калитку две подружки: дебелые женщины, с детства привычные к крестьянскому труду – курносая и белокурая в химических кудряшках Анисья и Таисья с обтрепанным «конским хвостом» неопределенно-сизого цвета. Рыжая псина – помесь той-терьера с дворнягой – по кличке Кнопка, служившая вместо звонка, заливисто залаяла.

– Слышу-слышу. И чего в такую рань-то? – вышел на крыльцо хозяин, среднего росточка мужичок, одетый в телогрейку, сунул босые ноги в галоши и прошел к запертой калитке.

Следом за ним выбежал из дома неимоверно толстый кот Шерлок, серо-дымчатого окраса, пушистый и по молодости чрезвычайно любознательный.

– С утречком, Кузьмич, мы по делу, Христа ради помоги!

– Что «у старого козла больше рога»? Опять совет нужен? Айда на кухню, во времянку, коли пришли, – он зевнул в кулак.

Времянкой хозяин называл низенький, давно беленый синтетической эмульсией с синькой глинобитный домик, выстроенный буквой «Г», где располагалась кухня с газовой плитой, колонкой, холодильником и прочей немудреной кухонной мебелью и утварью. Он взял банку с настоянным на мяте хлебным квасом, налил в чашки себе и гостьям. Кот умильно смотрел на хозяина и терся спинкой о дверцу холодильника, бывшего единственным предметом вожделенной охоты, но хозяин оказывал внимание не ему.

– Мяу! – не вынесла долгого терпения кошачья душа.

– И тебе кваску? – Кузьмич, кряхтя, встал с табурета и полез в холодильник, положил в миску пару сосисок. – Шерлок, на-ка, мышелов диванный!

– Кваску, гостьюшки? Рассказывайте, что приключилось?

– Ага, спасибо, Кузьмич. Как, что? Весна в разгаре, снег стаял, пора огороды пахать, овощи сажать, а мужики веселье хороводят – в лёнькиной избе с утра до вечера беленькой балуются. Это ж, сколько можно терпеть-то?

– Эх, бабоньки, я не всесилен, – две шапки на себя не наденешь, да и «из грязной воды еще никто чистым не вышел», – сыпал он прибаутками.

– Отмахиваешься? А нам сдается, из любого трудного положения можно найти выход. Вот, смотри, Кузьмич, – тетка Анисья вытащила из кармана вчетверо сложенную газету, развернула. – Клуб анонимных алкоголиков возьмется вылечить всех желающих по сходной цене за три сеанса.

– За три сеанса? Чистейшей воды абсурд! Брехня! – лекарь снял кепку, обнажив проплешину, и почесал затылок. – Всех слушай, а ум свой имей, однако.

– Так то ж не без гипнозу, небось, – предположила тетка Таисья.

Шерлок доел сосиски, умылся и прыгнул на колени к Таисье. От женщины пахло парным молоком. Кот ткнулся носом в ее лицо и обслюнявил от избытка чувств, затем потоптался, выпуская когти и перебирая лапами, и свернулся клубком, замурчал. Гостья гладила кота и ждала ответа Кузьмича.

– Не, я не Кашпировский, не можу никак. Баста!

– Не откажи, мы в тебя верим, миленький! Неужто мужиков наших не жаль – в самом расцвете сил, ведь? – напирала Анисья.

Кузьмич взял газету, еще раз прочитал объявление:

– Жулики и мошенники! Деньги выманивают у простодушных людей. Простота – хуже воровства порой.

– Не хочешь деньгами, не бери. Кузьмич, а мы тебе натурой – овощами заплатим, огородик посадим, убрать поможем, а?

– Вы ж бабоньки – это, пиявки болотные, ядрён-матрён! Кхе! Пристали-то. Ну, да что ж с вами делать? Лады, пишите объявление и вешайте на клуб, на почту и мага-азин. А я до завтре попробую систему лечения продумать. Бо, раз старая схема не работает, и силы воли бросить пить у «пивцов» нету, то будем эту систему ломать, значится.

***

Кузьмич весь день не вылезал из сарайки, мастерил аппарат для лечения будущих «анонимцев». На верстаке рядом

с тисками лежала потрепанная книжка с замызганной желто-грязной обложкой. Гордое, наполовину стершееся, название «Гомеопатия» таило в себе, по мнению лекаря, могучую нераскрытую силу. Человеку надлежало верно, без ошибки воспользоваться ее древними секретами. К полуночи «средство Кузьмича» уже ласкало глаз создателя.

– Подобное лечится подобным, – процитировал доморощенный Кулибин главную заповедь гомеопатии и подключил аппарат к электропитанию.

На входе перед аппаратом в жестяном ящичке лежала промытая сахарная свекла и полмешка зерна насыпью, на выходе стояла алюминиевая кружка для сбора лекарственной влаги. Методом перегонки змеевичок накапал Кузьмичу первую порцию для гомеопатического лечения.

– Проверяем на градусы. Уф, будем здоровы! – выдохнул изобретатель и, опрокинув «лекарство» в рот, закусил малосольным корнишоном. – Хух! Градусы правильные и «прямые». Пойдет!

Он поставил кружку под змеевик и стал ждать очередной порции. С последней каплей из трубы появилось облачко зеленого пара, оно сгустилось, и перед опешившим Кузьмичем предстал колоритно-гротескный персонаж – зеленый змий, точно такой, каким его рисует воображение всех типичных алкоголиков. Горе-лекарь скептически оглядел карикатурное создание.

Изумрудная зелень его костяных ромбиков на шкуре влажно блестела и пахла тиной. Небольшой круглый пятачок вместо носа с двумя дырочками, как в электрической розетке, мягкие улиточные рожки над собачьими ушками и желтые глаза с продольной полоской зрачка – абсурдный портрет алкогольного бреда. Хвост узкий, усеянный треугольными наростами, роднил «абракадабру» с редкими рептилиями. «А срам-то – ярко-выраженного самца и неприкрытый», – подумал человек.

– Мерзкая рожа! – невольно вскрикнул Кузьмич. – Пятьдесят граммов на пробу и принял-то. Ядрён-матрён! И сразу допился до зеленых чертиков? Здрасьте, вам!

Он перекрестился. Гость подумал, что это жест приветствия у землян и тоже перекрестился, но зеркально и левой рукой.

– И вам здрасьте! Позвольте представиться, Зяма, представитель высокоразвитой цивилизации, – сказал зеленый. – Позвольте спросить, как вас величать?

– Люди кличут Кузьмичом. Высокоразвитой, говоришь? Хм. Оно, конечно, сразу видать цивилизованных, даже штанов не заимели, срам-то прикрыть нечем. Тьфу! Погодь, я тебе хоть трусы презентую, что ли.

Кузьмич вышел во двор и снял с бельевой веревки семейные трусы.

– На, надевай-ка, горемычный!

– Спасибо, Кузьмич.

Зяма с удивлением покрутил подарок – красные в белый горошек трусы. И для установления контакта и доброжелательной атмосферы с землянином надел их, долго пристраивая хвост, чтобы тот не путался под ногами. Откуда-то из-под лавки вылез кот Шерлок, истово зашипел, норовя вцепиться когтями и зубами в прыгающий кончик хвоста пришельца. Зяма испуганно попятился к змеевичку.

– Шерлок, брысь, холера! – цыкнул на охотника хозяин и отодвинул его ногой.

Пришелец поднял кружку и понюхал первач:

– Хорошая горючка получилась!

– Выпить хочешь? Налить? – чтобы как-то поддержать разговор предложил незваному гостю хозяин.

– Я не пью. Ты уж извини, землянин, я твоим змеевичком воспользовался как телепортом, поэтому прямо с орбиты попал сюда. Понимаешь, не рассчитал я малость горючки для путешествия и застрял между мирами. Мне б двигатель космического «попрыгунчика» заправить, а? Твое топливо, как сообщают мои обонятельные рецепторы, кажется, вполне сгодится.

– Сколь надо-то?

– Литров семь-восемь хватит, пожалуй. По вашим меркам – ведро. Нацедишь?

– Это ж дня три придется ждать, не меньше.

– Хорошо, я согласен и могу помочь в благодарность, чем-нибудь.

– Да, что ты можешь?

– Клад помогу найти; редкие металлы, серебро, золото, платина нужны?

– Эвон куда тебя понесло. Земельные богатства надо разрабатывать, потом доказывать важным органам, что ты не верблюд, и пока разыскивал клад, ничего не утаил от государства. Маета! Не, не хочу. Хотя, постой, есть идея! Я кое-что придумал, чем ты сможешь мне помочь…

***

Следующим вечером в сарае у Кузьмича собрались любопытствующие мужики, решившие от души потешиться. Они взяли бланки анкеты, чтобы официально вступить в деревенский клуб анонимных алкоголиков. Почитали, поржали и стали изучать все графы. Одна строчка вызвала особенный интерес, она гласила: «Признаетесь ли вы в тайной любви к «зеленому змию»?

– Мужики, вы видели, что Кузьмич учудил? – спросил один здоровяк, приехавший на лечение на старом мотороллере с изрядно облупившейся бирюзовой краской.

– Ага, пиши-пиши, Лёха, признавайся мерзавчику! Я помню чудно мгновенье, передо мной явился ты, как мимолетное виденье и полный вечной мерзь-злоты, – скаламбурил другой.

Под хиханьки и хаханьки базукинцы заполнили анкеты и присели на лавках в ожидании сеанса лечения, оживленно обсуждая вчерашнюю попойку в лёнькиной хате. Кузьмич притушил яркий свет, включил релаксационную музыку Шольца и принялся замогильным голосом нараспев читать квинтэссенцию, тщательно подобранную из тезисов некогда популярной в партийных кругах работы: «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Смысл внушения, по мнению доморощенного лекаря, был в том, что труд облагораживает человека. Пациенты откровенно зевали.

– А теперь переходим к практической части лечения. Перед вами, господа будущие трезвенники, знакомый образ аппарата для получения дезинфицирующего препарата, которым частенько злоупотребляют некоторые несознательные представители нашей с вами цивилизации и деревни Базукино, в частности.

Оратор сдернул покрывало со змеевичка. Народ в зале оживился, заерзал на лавках, предвкушая веселуху.

– Сейчас, каждый из вас примет мое лекарственное средство.

– Ха-арошее лекарство ты придумал, Кузьмич, – крикнул коренастый крепыш Васёк и толкнул локтем низкорослого худосочного друга Петьку. – Мы готовы лечиться!

Аппарат загудел, заурчал внутриутробными звуками и выдал по каплям первые пятьдесят граммов.

– Кому? – спросил лекарь. – Так, Васек, Петька, Лёха, ну и остальные подходите, принимайте лекарство и садитесь на место. Раз, два, три… тринадцать. Все употребили? Теперь смотрите на аппарат внимательно и молчите. Если кто-нибудь из вас увидит видение, пусть поднимает руку. Тишина, смотрим.

В кружку продолжало мерными каплями стекать средство Кузьмича. С последней каплей из трубы появилось облачко зеленого пара, оно сгустилось, и перед соратниками «анонимцами» предстал натуральный зеленый змий, такой, каким его только может нарисовать воспаленное воображение заядлых алкоголиков.

Иссиня-зеленая шкура влажно блестела и воняла серой. Свиное рыло вместо носа, кривые рожки над острохвостыми рысьими ушами и желтые глаза с продольной полоской зрачка дополняли портрет народной галлюцинации. Бородавчатые наросты на узком хвосте роднили создание с библейскими уродцами, обитающими в преисподней. Зеленый змий нервно подрагивал кончиком хвоста и плотоядно облизывался раздвоенным алым языком. Азарт охоты светился в жестоком немигающем взгляде хищника.

Мужики выпучили глаза и разом замолчали. Мороз пробежался вдоль позвоночника и юркнул к ногам, приклеив их намертво к полу. Было ощущение, что чудовище готовится к прыжку, глазами выбирая добычу пожирнее. Кто-то громко икал, мгновенно протрезвев. Кто-то протирал глаза и тряс головой, сбрасывая наваждение. Кто-то забормотал молитву, всплывшую из далекого розового детства. А кто-то по привычке ругнулся, выложив весь имеющийся в загашнике словарь ненормативной лексики – непризнанного эпоса нечерноземной полосы России.

– Что притихли, мужики? – прервал тишину нечаянного чистилища Кузьмич.

– Нахрена, до хрена нахренячили? Расхренячивайте обратно, – выродил любимую присказку Петька и сплюнул три раза через левое плечо.

– Так. Кто видит чудо-чудное? – зычным голосом спросил Кузьмич.

– Ну, я вижу, – нехотя ответил Васек, отворачиваясь от нечисти.

– Подь сюды!

Васек медленно встал с лавки и на негнущихся ногах подошел к Кузьмичу.

– Ну, все, зеленый, сегодня он твой до утра! И смотри, не отходи от него ни на шаг: он за стол и ты рядом, он в уборную и ты с ним, он в постель и ты туда же.

Зяма игриво подмигнул лекарю желтым глазом и обнял Васятку зеленой ручищей:

– Здорово, касатик, пошли домой! Я есть хочу, да и пить так хочется, аж переночевать негде. По чуть-чуть мы с тобой выпили, конечно, а закусить не дали нам. У-у, жадюги! Наша жена ужин приготовила, ты как думаешь?

И под молчаливые и сочувствующие взгляды мужиков они удалились.

– Сеанс лечения окончен, – сказал сурово Кузьмич. – Жду вас завтра в это же время. Приходите!

Одноклубники-анонимцы как один рысью кинулись из сарайки лекаря по домам. Кузьмич лишь усмехался в бороду.

***

Так в обнимку горячую они с Зямой и пришли к дому Васятки. Васька пытался рыпаться по дороге-то, да где там, зеленый змий сильный, мышцы накачанные, как у борца, держит железной хваткой. Тетка Анисья глянула на парочку, обмерла – женская душа в пятки спустилась.

– Тьфу, ты, зараза! Совсем допился до зеленых чертиков! Васька, ты хоть этой нечисти срам-то прикрой, – она порылась в шкафу, нашла трусы Васькины и кинула их Зяме.

– Благодарствую, хозяюшка, – Зяма перекрестился слева направо.

«Странно», – подумал он. – «Все земляне трусы ему дарят? Наверное, это высшая почесть у людей».

Теща кинулась за молитвенником и иконкой, а тесть как читал газету, так и не сдвинулся с дивана, лишь поправил очки с толстенными линзами на носу: «Хм, опять зятек хохмит», – и вновь уткнулся в текст. Анисья накрыла на стол, пора бы и поужинать. Зяма пристроился с Васяткой рядышком, а тот на еду смотреть не может, воротит с души. Аппетит пропал напрочь. Зато зеленый, знай себе чавкает, молодую картошку с лучком наворачивает, малосольными огурчиками оглушительно хрупает, куриные косточки смокчет и салфетками рыло свиное вытирает. Типа – культурный!

– Вкусно, Анисья, готовишь, – решил пришелец хозяйке комплимент сделать.

Тетка Анисья зубами скрипнула и молчит, а глазами молнии пуляет в благоверного. Так и прошел ужин. Тесть телевизор включил, а там футбольный матч: Россия – Бразилия. Семья из-за стола на диван-то и перебралась. Зяма сидит, тоже «болеет», потом, как россияне забили мяч в ворота бразильцев, Васька и тесть закричали, что есть мочи, и гость стал кричать за компанию: «Гоо-ол!». Женщины плюнули на это дело, пошли на кухню посуду мыть, да перешептываться: «Как дальше жить? Средство Кузьмича не помогает, к батюшке обратиться надобно, святой воды попросить и жилище окропить».

Матч кончился. Спать пора. Васятка на кровать с женой лег, а Зяме велел пристроиться на коврике. Ночь выдалась прохладной, пришелец замерз и скользнул под одеяло между Анисьей и Васяткой. «Хорошо-о, тепло…», – согревшись, он блаженно потянулся, прижался к Анисье. «Такая мягкая, как булочка, и вкусно пахнет», – Зяма положил голову ей на грудь, счастливо улыбнулся и тоже заснул…

***

Под утро тетке Анисье приснился эротический сон. Яблоневый сад в майском пышноцветье благоухает, высокое небо синеет, солнышко ласково греет, мохнатые пчелы жужжат, нектар и пыльцу собирают. Благодать! Анисья с Васяткой, нешто Адам с Евой под яблоней сидят, голубками воркуют. Благоверный – трезвёхонький, словно молодой огурчик. Вылечил его таки Кузьмич.

Анисья вздрогнула и проснулась, она с хрустом потянулась, но глаза было лень открывать. Теплый бочок супруга и его мерное дыхание идиллически дополняли ее яблоневый сон. Предвкушая райское блаженство, женщина привычно пошарила рукой по васькиной груди, животу и скользнула дальше к… ногам. В сомнениях задумалась. «Или ее женская память ощущений скукожилась, или что-то с чем-то не сходилось»? Она открыла глаза и увидела… это. Оно за ночь не исчезло.

– А-аах, ты, нечистая сила, свиное рыло! Утро на дворе, третьи петухи пропели, а ты в хате! Я тебе сейчас покажу, где раки зимуют, – Анисья встала с кровати и бегом кинулась на кухню, схватила широкий увесистый веник.

Хозяйка сдернула со спящих одеяло и, замахнувшись веником, изо всех доярских сил стала охаживать им по чём попало – и зеленого, и Васятку за компанию, приговаривая:

– Я вам обоим покажу, где раки зимуют! Я вам такую укоризну воздам – век помнить будете, алкоголики хреновы!

«Хренов алкоголик» Васька спросонья метнулся во двор в летнюю уборную, зеленый – за ним. Но хозяин выпихнул его из хлипкой деревянной будки со словами:

– А пошел бы ты к Кузьмичу, зеленый, не ровен час заломаю тебе роги и хвост оторву, собакам выкину. Когда я трезвый, мне сам черт не брат. Тьфу, ты, сгинь, нечистая!

Куда Зяму послали, туда и пошел он – опять в кузьмичевскую сарайку:

– Кузьмич, я твой наказ выполнил, может, дашь чего поесть-то?

***

Вечерком самые смелые базукинские мужики, естественно уже без Васьки – ему и так с лихвой хватило приключений, собрались на подворье Кузьмича.

– Кворум не наблюдается. А чего Васька-то не пришел? – спросил Кузьмич у толпы.

– Так, это, он – в поле, на тракторе пашет ужо, велел предать, что ему некогда балагуриться. Такова его юдоль на сёдни, – ответил за друга Петька.

– Кхм. Ну, я так сразу и понял, – хмыкнул Кузьмич. – Как там, в «Операции «Ы» говорится? Граждане хулиганы, тунеядцы, алкоголики, готовы к сеансу излечения?

– Пошли уж, заводи свою кабалистическую чудо-машину!

Инфернальный сценарий лечения повторился полностью. Сегодня зеленый Зяма (Кузьмич настоятельно порекомендовал ему предварительно снять всю амуницию в виде васькиной семейной реликвии) любовно приобнял Петьку и отправился к нему на постой. Тётка Таисья, жена Петьки, не поверившая россказням доярок и подруги Анисьи – «Кузьмич-то наш снюхался с нечистой силой! Вот те крест, истинная правда!», – этим вечером смогла убедиться в этом воочию лично…

С третьими петухами Зяма нарисовался у сарайки Кузьмича, гарцующий в петькиных семейных трусах, футбольных гетрах, обшарпанных кедах и застиранной тельняшке.

– Эк тебя приодели наши бабы! Цельную коллекцию домой отвезешь. Ну как оно прошло?

– Да, вот, тетка Таисья утром крапивой отхлестала, и нашла же она нежное место – зеленый потер седалище. – Окажи, Кузьмич, первую помощь пострадавшему!

– Ядрён-матрён, на тебя еще зеленку переводить. Ладно, Зяма, заходи в сарай, пойду в дом, поищу средство в аптечке.

***

К началу третьего сеанса лечения к Кузьмичу пришли только женщины: жены «анонимцев» с соленьями, вареньями и горячими кастрюлями.

– Кузьмич, мы тебе борщика наварили, пирожков напекли, жаркое приготовили с крольчатинкой. Прими угощение, не обессудь. Марь Петровна ведь еще гостит у детей в городе?

– Гостит-гостит, они ж там второго народили, помогает им с малышом. Ой, девоньки, спасибо вам, да я и не голодал вовсе, но не откажусь. Люблю домашнюю стряпню. Неужто пособило мое лечение?

– Еще как пособило! Решили наши мужики «завязать» с выпивоном, на работу пошли, делом занялись. Прямо, как будто и людьми стали, – загалдели наперебой бабы, составляя под навесом плетеного из ивовых прутьев летнего базка на стол кастрюли и тарелки. – Доброго тебе здоровья, Кузьмич! А мы по домам, делов-то еще много у нас. Пошли, бабоньки, пусть отдыхает хозяин!

***

– Спасибо, Зяма, за неоценимую помощь, честное слово, рад был познакомиться! Держи ведро горючки для космического транспорта, – дед протянул ведро с кристально чистой жидкостью. – Девяносто шесть оборотов. Надеюсь, хватит?

– Я тоже надеюсь, Кузьмич! – Зяма взял ведро. – Хочешь, друг, прокачу на «попрыгунчике», наш мир покажу, родную планету? Моя планета Зюзя и ее жители, зюзямцы, очень гостеприимный народ. На стадион сходим, на наш футбол посмотрим.

– Заманиваешь? А хорошо ваши зеленые в футбол играют?

– Нормально. Давай руку. Внимание! Телепортируемся на борт. Есть! Садись, в ванну. Это не кисель, а противоперегрузочная жидкость. Не ошпаришься! Стартуем!

– Знаешь, землянин, есть у меня мысль, может быть, и ты меня выручишь?

– Чем же?

– Понимаешь, в нашем селении я тоже исцеляю, я ведь специалист по «улетам» или, по-вашему, врач-нарколог.

– Что, и ваши пьют?

– Не пьют, а окунаются в «белый шум». Наши алкоголики научились сгущать радиоэфир до очень плотного состояния, и потом ныряют в него. В результате воздействия этого зелья мозг рептилоидов не выдерживает, и они становятся такими же пьяными и невменяемыми, как и ваши люди от спирта.

***

Под змеиное шипение и перешептывание зюзямцы заполнили анонимные анкеты и присели на мягких пуфиках в ожидании сеанса лечения, оживленно обсуждая вчерашнее погружение в «белый шум». Зяма притушил свет, включил релаксационную музыку – лязг молота, перемежаемый стуком от забивания гвоздей и визгом лесопилки, и принялся замогильным голосом нараспев читать текст-внушение. Зеленые пациенты не впали в транс, не били нервно хвостами – они просто откровенно зевали.

– Переходим к практической части лечения. Перед вами, господа будущие трезвенники, знакомый образ аппарата для получения сгущенного препарата, которым слишком часто стали злоупотреблять некоторые несознательные представители нашей с вами высокоразвитой цивилизации. Позор таким зюзямцам!

Оратор, сдернул чехол с «вакуумного радиосгустителя». Прозрачный пятимерный куб заиграл синевой, ультрафиолетом и редкими ослепительно белыми вспышками. Рептилоиды взбодрились, заерзали на пуфиках, завиляли хвостами, предвкушая забаву.

– Сейчас, каждый из вас примет новое лекарство, привезенное мной с далекой планеты Земля. Это – гомеопатическое средство Кузьмича. Оно взорвет ваш мозг, взломает систему представлений об удовольствиях, снесет ее до основания. И… с чистого листа поможет мозгу или тому, что от него останется, выстроить новые ощущения.

Приняв терапию из «белого шума» и переступив порог шлюза, последний пациент сел на место. Аппарат булькал и клокотал. В емкость «вакуумного радиосгустителя» продолжало стекать «средство Кузьмича». С последней каплей из раструба появилось снежно-белое облачко, оно сгустилось, и перед зюзямцами-«анонимцами» предстал настоящий «белый шум» – родной брат «белой горячки» – такой, каким его только может нарисовать воспаленное воображение заядлых алкоголиков.

Бледно-мраморная шкура бесхвостого существа влажно блестела и воняла потом. Вместо свиного рыльца на лице выпирал выпуклый нос, серые глаза с круглым зрачком пригвождали зеленых братьев к месту, курчавая борода и усы скрывали рот, на голове скособочился мохнатый треух, на ногах галоши из… змеиной кожи дополняли портрет народной зюзямской галлюцинации. Это было именно то, от чего зеленые позеленели еще сильнее. «Белый шум» собственной персоной, живьем, во весь рост, стоял в позе игрока, изображающего «стенку» во время пробития пенальти, и прикрывал руками явно не футбольные ворота.

У попа была собака

Сорокадвухлетний кинорежиссер Захар Жвачкин сидел в кафетерии нового высотного здания Дома Кино, выстроенного недавно в парковой зоне города Красноярска за чашкой сургучно-крепкого кофе и мрачно рассматривал заоконный пейзаж осеннего бульвара. Он ждал молодого помощника с новым киносценарием.

Вскоре в зал упомянутого кафетерия, как бы боязливо озираясь по сторонам, вошел его помощник, Григорий Егоркин, и, крадучись вдоль стен плавной походкой, подплыл, наконец-то, к столику с кинорежиссером.

– Вот, – выдохнул он почему-то шепотом на ухо, – и протянул слегка помятые листки Захару. Жвачкин сунул за щеку конфету и принялся читать:

«Белесоватый туман стелился меж деревьев, прикрывая собой серый дождливый день. Рваные клочки комковатого молочного облака окутывали желтую охру октябрьской листвы развесистых кленов. Сумеречное утро не торопилось расстаться с уходящей темнотой ночи. Если не смотреть на часы, то было совершенно неясно, то ли светает, то ли вечереет. Капли воды

висели в воздухе и выпадали росой на осенние лица прохожих. Сизо-серые оттенки глубокой осени сливались в единую минорную гамму, поющую свою сольную песню грусти и уныния. Моросил мелкий-мелкий осенний дождь…»

– Хм, это что, киносценарий? – спросил он без особого энтузиазма у Егоркина.

– Самое начало, – шмыгнул носом помощник.

– Не вижу идеи, – безразлично пожал плечами Жвачкин.

– Как не видите!? Довольно прозрачный намек на философичность рассуждений о переменчивости всего в мире. Я хотел, чтобы не хуже чем у Тарковского. Этакое, понимаете ли, настроение грусти, может быть, одиночества людей, ну и каких-то отдаленных неясных ассоциаций.

– Угу, ассоциаций, говоришь? Очень отдаленных и совершенно неясных. К какому месту привязан эпизод? География где? Мда-а.

– Что, Захар Никандрыч, ты там был? – спросил Егоркин, показывая пальцем вверх и присаживаясь за столик рядом.

– Был, – обреченно кивнул головой Жвачкин.

– Дали денег?

– Дали.

– Сколько?

– А-а. Фигу с дрыгой.

– Чего делать-то будем?

– Чего-чего. Кино снимать.

– Хватит?

– На то, что я хотел – не хватит. Натурные съемки южной тропической флоры с попугаями, синее море с медузами, массовка, дублеры, каскадеры – это все не для нас. Дорого стоит. Кроме того, я не Тарковский. Он один такой.

– Как же нам быть?

– Ты есть хочешь?

– Да я позавтракал, может, чашку кофе.

– Иди, возьми.

Егоркин быстро слетал к стойке бара и вернулся, на ходу помешивая сахар.

– Я имел в виду не сейчас. В принципе, ты есть хочешь?

– В принципе? – Егоркин пожал плечами, – три раза в день, как и все.

– Да-да. Как и весь персонал. Поэтому на такие зарплаты у меня не хватит финансов. Будем снимать, во-первых, то, что пользуется спросом.

– Детектив, что ли? Их вон сколько крутят по ящику. Целые сериалы. Тошнит от них.

– Мы будем снимать фантастический боевик. Раз. Во-вторых, малым форматом.

– Не понял я что-то, Захар Никандрыч.

– Означает, малой группой, то есть, ты да я, да мы с тобой. Один оператор. Актеров будем приглашать согласно количеству наших героев, и… крупным планом. Еще лучше, чтобы каждый актер играл по две или три роли. Спецэффекты, декорации, костюмы и атрибуты сейчас делаются на компьютере. Пара толковых программистов, и готово. Для ясности сюжета добавим голос за кадром. Есть у меня на примете неплохо поставленный голос с умеренной хрипотцой, хара-актерный. Мой сосед дед Кузьма. Он за мешок картошки с квашеной капусточкой тебе что хошь за милую душу и споет, и спляшет, и за кадром прочитает. Он в молодости в самодеятельности участвовал. Хороший голос, душевный! Так-то. Одна закавыка беспокоит.

– Какая закавыка?

– Сюжет, братец, нужен. Сюжетец, знаете ли. Это должна быть не просто фантастика, а ФАНТАСТИКА с большой буквы, не чета Джорджу Лукасу! Не просто боевик, а БОЕВИК, не триллер, а ТРИЛЛЕР по полной программе. Люк Бессон и Стивен Спилберг чтоб отдыхали! Ты понял, Гриня? Обязательно сделай географическую привязку к пригородам Красноярска, чтоб натурные съемки уложились в смету. Еще лучше, чтобы история была основана на реальных событиях. Сюжет завтра утром должен лежать у меня на столе, иначе денег нам не дадут вовсе, – Жвачкин озабоченно вздохнул, – ты понял?

– Я-то понял, Захар Никандрыч. Где же я его за один день найду? Тогда я пошел, что ли?

– Ошибаешься, мой друг. В твоем распоряжении не просто день, а один день и одна ночь. Смотри, наблюдай, примечай и

записывай! Все, что увидишь, должно идти в строку и ложиться на бумагу. Молодым спать вообще можно по выходным только. Да, кстати. Обожди. Дай-ка свои листки.

Он несколько минут что-то там исправлял, дописывал и черкал.

– Держи, это возможное начало нашего фантастического… хм… блокбастера, – Жвачкин усмехнулся.

Егоркин взглянул на текст.

«Красноватый туман стелился меж деревьев, прикрывая собой серый дождливый день. Рваные клочки комковатого кровавого облака окутывали желтую охру октябрьской листвы развесистых кленов. Промозглое утро не торопилось расстаться с нехотя уползающей темнотой ночи. То ли светает, то ли вечереет? Капли воды висели в воздухе и выпадали грязно-рыжей ржавчиной на осенние лица прохожих. Из-за этого люди становились одинаково похожими друг на друга. Сизо-серо-бурые оттенки глубокой осени сливались в единую минорную гамму, поющую сольную песню грусти и уныния. Ее подхватывал налетающий порыв ветра и завывал в кустах голосом собаки Баскервилей. Проходя мимо заветного места, прохожие крестились и торопились прочь…»

– Как тебе? – спросил кинорежиссер.

– Впечатляет.

– То-то же! Иди, дорогой, ищи свой-мой-наш сюжет! Утром жду тебя и весь текст. Как положено: пролог, завязка, кульминация, развязка, эпилог, ну и прочее должно быть на своих местах. Понял? Давай!

Егоркин сунул листки в куртку и вышел на улицу, пересек трамвайные пути и присел на скамейке в сквере. Дождь давно кончился, и выглянуло солнце, весело освещая ажурное золото еще не опавших крон. Григорий Егоркин сидел в задумчивости и ковырялся в зубах, пытаясь избавиться от ириски, которой угостил его Жвачкин. Сюжет, сюжетик, сюжетец! Где же его раздобыть-то? Он оглянулся по сторонам. Первоклашки бегали наперегонки между кленами и пинали шуршащую листву. Детишки радостно распевали разные дразнилки. Нечаянно Егоркин очнулся, и его слух выхватил одну из дразнилок: «У

попа была собака, он ее любил, она съела кусок мяса… и надпись написал: у попа была собака…»

– Стоп! Вот готовый сюжет для нашего блокбастера! – пробормотал Егоркин и поспешил домой, прокручивая в голове пришедшую идею. Поднимаясь по лестнице, он забрал из почтового ящика местную газету. Его интересовал раздел неожиданных новостей.

Молодой сценарист сидел с чашкой чая за компьютером и распевал: «У попа была собака, он ее любил…». Название киносценария и первые строки «легли на бумагу» легко и споро. Он вспомнил наказ режиссера и, дотянувшись до книжной полочки, взял карту пригородов Красноярска, развернул ее. Егоркин водил пальцем по линиям шоссейных дорог и мучительно пытался найти подходящее живописное местечко, куда относительно просто было бы добраться их съемочной группе.

– Торгашинский хребет тянется вдоль правого берега могучей сибирской реки Енисей. Крайняя северная вершина горной цепи вулкан Кара-Даг. До него всего каких-то двадцать километров от города!

Егоркин встал из-за стола и выглянул в окно. Тучи разошлись, и небо очистилось. Высыпали звезды. Взошла полная луна, озарившая серебристым светом верхушки деревьев и внутренний дворик. На лунной тропинке показались двое соседей. Они вдвоем тащили мешок с картошкой и громко беседовали о разнице цен на рынке и в магазинах. Егоркин закрыл форточку, задернул шторки и включил свет. Пробежал новости по диагонали и наткнулся на заметку «Загадочное происшествие в деревне Лукино».

– Теперь ищем таинственную деревеньку. Ага. Через Кузнецовское плато мимо скалы Шуваева мыса можно попасть в эту деревню Лукино. Хорошая идея!

«…В деревне Лукино, где жил священник отец Онуфрий со своим семейством, пошла новая мода – лечиться от всех болячек козьим молоком.

Ближайшие соседи попа тоже развели небольшое стадо коз. Подросли козочки, потолстели. А однажды осенью на подворьях начали происходить и вовсе странные и загадочные события. По

утрам находили крестьяне козочек задранными. Ясно было одно – это чужак. Решили хозяева выследить загадочного охотника.

За деревенской околицей раскинулось ржаное поле, за ним виднелся сосновый бор. По лесной дороге и черному камню «курумнику», поросшему желто-зеленым мхом, можно попасть на Яхонтовую поляну, а потом и на берег речки Базанхи. Этим маршрутом «лукинские» следопыты прошли дважды и ничего подозрительного не заметили.

Однако они даже не предполагали, что спящий вулкан Кара-Даг, которым регулярно любовались жители деревни Лукино, а также его ближайшие окрестности, включая колосящееся ржаное поле, не всегда притягивал взоры исключительно пытливых туристов-натуралистов и приезжих. Не смогли отказать себе в удовольствии ознакомиться с местными достопримечательностями и… залетные гости, оставившие пресловутые круги на поле».

Егоркин просидел за сочинением нового сценария долго и лег спать лишь под утро. Его разбудила бабушка. Она громыхала на кухне посудой. Заспанный внук, зевая и потягиваясь, вышел из спальни, и когда он собирался побурчать на шумное утро, вдруг понял, что в этом есть что-то необыкновенно хорошее. Да, определенно. Его мрачное настроение мигом улетучилось, учуяв запах свежеиспеченных пирожков с жареными грибочками и луком.

– Бабуля, ты просто молодец сегодня! Пирожки с чем, с грибами, да? – чмокнул он в щеку бабушку, заглядывая за ее спину на поднос.

– Умывайся, полуночник! С маслятами, – кивнула бабушка.

Пока Григорий Егоркин уминал пирожки и слушал новости по радио, обсуждая с бабулей новый киносценарий, из своей комнаты показался младший братишка шестиклассник Егор Егоркин, которого домашние звали просто Ежик. Он протер глаза и быстро сообразил, что брат за ночь написал что-то новое, а он этого еще не читал. Завтракал старший брат, обычно не торопясь, следовательно, у него был шанс. Ежик потратил пару минут на подбор пароля к «секретным материалам» будущего обладателя Оскара и, найдя искомый файл, погрузился в чтение. Общий вердикт молодого поколения был весьма нелестным: «Ерунда! Надо брату помочь». Ежик запустил пятерню в

давно не стриженую шевелюру, почесал затылок и приступил к оказанию «гуманитарной помощи»…

***

«Необыкновенно большая голубая луна показалась из-за тучи и осветила мертвенно-бледным светом окрестности вблизи небольшой деревеньки Лукино, состоящую из двух частей – старой, чисто по-старинному деревянной и самобытной, и новой, с двухэтажными коттеджами современного городского типа, где селились «новые лукинцы». Между собой жители так и называли эти части: Старое Лукино и Новое Лукино. По ночам стало холодать, и деревенский люд в Старом Лукино затопил печки. Бревенчатые дома, построенные давно и крепко, по-сибирски, из местного леса, отапливались по старинке – печками с дровами. Редко у кого были газовые баллоны, да печки с форсунками. Дымок из труб тянулся ветром в сторону леса. Вдали на пригорке виднелись новенькие купола церкви, которые сверкали лунно-голубым серебром, придавая пейзажу таинственный вид. От земли поднимался пар. Он сгущался у земли, клубился над пожухлой травой и устремлялся вверх, размывая очертания предметов. С болот тянуло прелью и сыростью.

Если бы кто-нибудь из жителей деревеньки маялся бессонницей, то, наблюдая в окно, заметил бы, как лунный диск перечеркнула горизонтальная линия молнии. Нечто бесшумное зависло над скошенной стерней и опустилось на землю. В грунт впились три крепкие механические ноги. Откинулась дверь нижнего люка под брюхом двояковыпуклого аппарата. Луч света, совсем иной природы, чем знают земляне, словно столбом скользнул по ржаному полю и замер где-то рядом...

Чуп открыл глаза. Он еще помнил, как в недрах его чрева кто-то копался, перебирая по очереди и замыкая разные контакты, искал поломку. Хотя, он был уверен – у него все в порядке. Последний плазменный разряд стер прежние ощущения, а вместе с ними и часть ценных воспоминаний. Чуп осознал, что

сейчас он – разумное существо и, пожалуй, самец. Человек, выглядел крупным мужчиной, в меру упитанным и в самом расцвете сил. Он оглянулся кругом.

Время, казалось, замерло. Ребристые облака, силуэт которых похож на давно не евшую селедку, висели высоко в темном фиолетовом небе. Ночь. Необыкновенно большая голубая луна показалась из-за тучи и осветила мертвенно-бледным светом окрестности вблизи небольшого поселения. Холодно, брр! Глубокая осень. Инопланетянин поежился, привыкая к холоду и сырости. Терморегуляция работала слабо. В земном мире время текло иначе, чем на его родной планете. Субстанция времени была тягучей и вязкой смазкой между событиями. Он просто почувствовал эту тягучесть кожей или какими-то другими вживленными рецепторами, сенсорами и встроенными детекторами. События развивались медленней, чем «медленно». Медлительность и неспешность – девиз любых перемен на Земле! Ни дуновения ветерка, ни шевеления веток. Тихое осеннее настроение. Лишь листья кружились и падали золотисто-желтым дождем под ноги. Листопад. Пятипалые листья, похожие на лапы животного, он забыл какого, падали и падали каждый день. Чуп дал бы этой планете иное название. Планета по имени Осень. Она и завораживала, и одновременно убаюкивала сознание. Хотя, возможно, его странные мысли есть последствия глубокой гибернации?

Жители тихой и забытой всеми деревеньки ни о чем не ведали. Проведшие трудный день в хозяйственных хлопотах о спасении урожая от дождя и непогоды, люди крепко спали, закрыв ставни и не забыв накануне запереть скотину и птицу крепко-накрепко в своих сарайчиках. Осень – горячая пора для сбора урожая. Где-то на окраине заскулила собака, залаяли по очереди и другие мелкие шавки и шавочки, завыла противоугонной сиреной чья-то машина во дворе, громко пропел следом петух, и… все улеглось. Таинственная голубая луна купалась в небесной звездчатой россыпи мелких зерен звезд и плыла к полуночи. Деревня Лукино мирно спала дальше. Подумаешь, обычные деревенские звуки!

Забор поповского подворья был крепким, кирпичным и не очень высоким. Две странные тени показались на лунной

тропинке. Они вдвоем тащили мешок и негромко о чем-то переговаривались между собой. Две пары фасетчатых фиолетовых немигающих глаз зорко всматривались в темноту двора. В одной половине ближнего к воротам сарая лежала холеная сука со щенками. Она вздрогнула, приподняла повыше морду, потянула воздух носом и навострила уши, прислушиваясь к чужеродным шорохам и звукам. Легкий оскал придал ее морде выражение злобности. Собака поняла, что Нечто находится где-то рядом. И это – Чужак. Не человек. Незнакомый запах. Совершенно чужой!

Во двор через забор перелетел увесистый мешок и тяжело шлепнулся на кучу хвороста. Собака храбро кинулась вперед на Нечто, вгрызаясь в мешковину. Победный клок ткани она выплюнула из пасти, но продолжала рычать, заглядывая внутрь мешка. Через дырку в мешке Нечто бесформенное и скользкое перетекало наружу, пока не приняло вполне конкретный вид и законченную форму неизвестной породы существа. Собака вскочила и зарычала, а затем громко тревожно залаяла, призывая хозяина. На крыльцо вышел сонный отец Онуфрий со старым охотничьим ружьем, доставшимся ему от прадеда. То, что он увидел, не поддавалось описанию. Поп перекрестился.

– Господи, помилуй! Поди прочь! Тьфу ты, нечисть! – грянул залп. Нечто взвизгнуло, высоко подпрыгнуло и сиганyло обратно за забор. Хозяин перекрестился, погладил любимицу по загривку, почесал за ушком. – Ну-ну, не бойся, милая, все уже позади. А ты у меня молодчина. – Двери дома заскрипели, свет погас. Наступавшее утро было столь же необычным, как прошедшая ночь.

Красноватый туман стелился меж дерев, прикрывая собой серый дождливый день. Рваные клочки комковатого кровавого облака окутывали желтую охру октябрьской листвы развесистых кленов. Промозглое утро не торопилось расстаться с нехотя уползающей темнотой ночи. То ли светает, то ли вечереет? Капли воды висели в воздухе и выпадали грязно-рыжей ржавчиной на осенние лица прохожих. Из-за этого люди становились одинаково похожими друг на друга. Сизо-серо-бурые оттенки глубокой осени сливались в единую минорную гамму, поющую сольную песню грусти и уныния. Ее подхватывал налетающий порыв ветра и завывал в кустах голосом собаки Баскервилей.

Едва забрезжил рассвет, как жители, спешащие на утреннюю дойку на ферму, обнаружили на полях странные круги и три вмятины, похожие на следы от бурения скважины. От этого места исходил резкий неприятный сероводородный запах. Проходя мимо заветного места, редкие прохожие крестились и торопились прочь…

Утром в новом дровяном сарае отец Онуфрий обнаружил еще одного щенка, которого сука, по-видимому, родила прошлой ночью. Новорожденный щенок был чрезвычайно крупным и как-то не особенно похожим на собачью породу. Собака отказывалась его кормить и отпихивала неугодного носом. Поп пожалел малыша и взял в дом. Для кормления щенка он приспособил детскую бутылочку с соской.

Шло время. Щенок рос, рос и вырос без малого размером с теленка. Чудовище имело кривые длинные клыки и толстые волчьи лапы. Собака, если ее можно было назвать таковой, была явно странной породы с киноварным вампирским отблеском в глазах, так особенно пугающим благочестивых прихожан…

В это осеннее утро отец Онуфрий сначала, как обычно, покормил любимца перловой кашей с хорошими сахарными косточками, потом долго гладил его желто-черную жесткую щетину на холке. Пес зверски скалился, изображая преданную собачью улыбку, и терся головой о руку хозяина. Поп похлопал животное по боку. Пес еще требовал ласки, прикусывая руку хозяина острыми и невероятно длинными клыками.

Хозяин зашел в дом, а когда стал мыть руки, то заметил свежие царапины на руке, оставленные зубами его любимца. Он достал йод и тщательно смазал ваткой ранку. Внезапно отец Онуфрий почувствовал легкое головокружение, и сознание ненадолго отключилось. На него словно затмение нашло. Человек старательно пытался вспомнить что-то очень важное, но мысль ускользнула. Отец Онуфрий очнулся. Миг ненормального видения промелькнул, и он снова почувствовал себя в полном ясном сознании. Священник перекрестился, так, на всякий случай, и прошел в столовую, где его домашние уже накрыли стол для завтрака. Приятно пахло свежими слоеными булочками и

сливочным маслом. Отец Онуфрий вслух прочитал молитву «Отче наш», и семья приступила к завтраку.

Поп ел и размышлял. Наверное, начинает сказываться возраст. Вряд ли. Мужчина чувствовал себя бодрым и полным сил. Может, обратиться к врачу? Не исключено, что причина внезапного головокружения кроется в чем-то другом, как знать? С тех пор, как он вырастил этого необычной породы пса, отец Онуфрий заметил некоторые странности в психическом восприятии реальности. Иногда казалось, что он находится в совершенно незнакомом месте, и ему хочется вернуться обратно в какую-то другую жизнь, другую обстановку. Мелькали обрывки впечатлений, составленных из рисунков незнакомых созвездий, которые кто-то, но не он лично, видел в иллюминаторах звездного корабля. Всплывали в памяти какие-то образы длинных кольцевых коридоров технических помещений, увешанные пучками из оптоволоконных кабелей, по которым бежали разноцветные искорки.

Порою казалось, сознание помнило иную реальность. Но за яркой вспышкой «воспоминания» наступал мрак. Отец Онуфрий видел лишь сырость и осенние сумерки, то ли утренние, то ли вечерние. Видения прятались в их полутени и таяли. Сумерки сознания наползали на четкие контуры образов и предметов. Их очертания расплывались и заволакивались молоком густого сине-сиреневого тумана. Кто он, что он и где он? Во сне он вспоминал любимицу «кабру», для которой подошло время новой трансформации, и надо было помочь ей в этом. У него есть кабра! Проснувшись, он радовался этому как ребенок. Но с первыми звуками утра «знание» пряталось в собачью конуру ушедших сновидений. Оставались лишь неясные ощущения, что на этой холодной планете долгая-долгая осень.

***

– Можно войти? – робко спросил отец Онуфрий, заглядывая в кабинет врача, к которому он героически высидел огромную очередь.

Новое светило на горизонте медицинской науки, заезжая знаменитость стоила очень дорого, поскольку имела хорошо раскрученный бренд собственного Центра Здоровья в области неврологии, психологии, а заодно и парапсихологии (мода, знаете ли?!)

– Раздевайтесь! – последовал приказ медсестры, состоящей при «бренде».

Она заботливо щелкала тумблерами на панели управления вакуумного насоса. За ее спиной маячили стойки с различными приборами, проводами и трубками, экраны осциллографов, кресла-капсулы с прозрачными куполами, над которыми нависали головные шлемы, как у космонавтов.

Доктор был большой толстый, одетый в светло-синий медицинский костюм. С макушки его круглой бритой головы свисал длинный оселедец, подвязанный резинкой, а в левом ухе сверкала золотая серьга. На шее висела массивная золотая цепь. Средний палец правой руки украшал перстень с печаткой. Медицинское светило сидел в компьютерном кресле за столом. Он увлеченно пялился в жидкокристаллический экран ноутбука, быстро перебирал клавиши на клавиатуре и ни на кого не обращал никакого внимания.

– Да, я того. Просто хотел проконсультироваться, может быть, мне и не к вам надо обращаться.

– Раздевайтесь, пациент! – не глядя на вошедшего, сказала медсестра. – Мы посмотрим вас, уважаемый, послушаем вас и разберем, мм-м, и обязательно во всем разберемся.

Отец Онуфрий вздохнул, покорно спрятался за ширму и начал раздеваться…

***

Тем временем необыкновенные события в деревне продолжались. Далеко послышались какие-то звуки, это блеяли овцы и мекали козы. На планете Осень водились травоядные животные упитанные и, самое важное, их было много. Чуп сделал вывод – можно поохотиться! Сейчас планете подойдет совсем другое название – Охотничьи Угодья. Мысль об охоте завораживала и

пробуждала зверский аппетит. Инопланетянин сглотнул слюну, предвкушая сытный обед. «Что ж, Чуп, приятного аппетита!» – пожелал он сам себе и пронзительно свистнул, призывая любимицу кабру или, иначе, чупакабру.

***

На этот раз отец Онуфрий не промахнулся. Дробь его старого ружьишки точно попала в цель. Нечто, издав странный писк, похожий на морзянку, рухнуло в кусты дикой черемухи, ломая ветки. Животное невообразимой внешности, которое крутилось рядом с ним, жалобно заскулило. Деревенские мужики кинулись туда и разом ахнули, заматерились. Отец Онуфрий подошел ближе, чтобы взглянуть на добычу. В кустах лежало нечто – не человек и не робот, ни живое существо и ни машина.

– Наверное, так могут выглядеть киборги, – пробормотал поп и почесал затылок. – Мужики, что думаете? Н-да-а.

– Кто его знает, что оно есть такое? Не из наших, точно, – сказал один из них и усмехнулся.

– Чисто киборг. Чужой в деревне! Прямо как в кино! Честное слово, – уверенным голосом воскликнул высокий молодой парень звонкого телосложения, – я в кино видел, ну не совсем таких же, конечно, но где-то, как-то.

Далее произошло то, что потом каждый из участников эпизода описывал по-разному. Существо пошевелило конечностями. По его коже или чешуе пробежал разряд синей молнии. Затем на глазах собравшихся существо вмиг трансформировалось в обычного человека. Оно, точнее «он», застонал, а его животное кинулось вылизывать ему лицо.

– Э, да тут скорую помощь надо вызывать, – сказал третий, серьезный крепкий мужик с развитой мускулатурой, тракторист, которого все деревенские звали просто, дядя Сева. – Вишь, человек без сознания. Кто тут с мобильником, ты, Андрюха? Звони, давай, парень! – скомандовал дядя Сева. – Ну, батюшка,

лучше бы ты промахнулся, ай-ай, – он многозначительно посмотрел на отца Онуфрия, качая головой.

– Плечо лишь чуток задето. Жив будет, пожалуй, – уверенно сказал подошедший сухонький дедок Трофим. Он в молодости работал фельдшером в районной больнице, да и сейчас иногда некоторых знакомых и соседей пользовал. – Дед Трофим повнимательнее присмотрелся к раненому, пощупал пульс. – Жив, горилка.

– Дед, говорят не «горилка», а «курилка». Ты перепутал. Небось, после вчерашнего, а?

– Да? А я чего говорю? Тьфу ты, оговорился малость! Я и говорю, жив курилка. И какого «вчерашнего»? Чтобы ты знал, я йогой занялся. Они не употребляют ни капли, ни-ни. Господи, мужики смотрите, да этот залетный копия нашего батюшки, особливо, если бороду приклеить. Ну, да! Как пить дать, вылитый отец Онуфрий!

– Дед Трофим, ты очки-то позабыл на печи, никак. Я думаю, он на меня ничуть! Хотя, хм, ну надо же! Действительно похож, – ответил поп, разглядывая незнакомца. – Однако? Он – не мой родственник. Таких странных в своей родне я не знаю.

Поп пожал плечами.

– Чудеса! Впрочем, на все твоя воля, Господи – он вздохнул и перекрестился, на всякий случай.

Подъезжая к проулку, водитель скорой включил сирену…

***

Мужчина открыл глаза. Перед ним стояла женщина. «Опять пришла Она», – подумал он. Она принесла ярко-желтый кленовый лист и протянула ему. Женщина всегда приносила только один кленовый лист. Мужчина снова услышал, как в коридоре произнесли слово «амнезия». Оно звучало каждый раз, когда приходила Она. Поэтому он решил, что ее зовут Амнезия.

«Пришла Амнезия и принесла кленовый лист. Она всегда приносила Ему кленовые листья. Этот кленовый лист был

шестьдесят первым…», – записал он в своем дневнике и выглянул в окно. Стояла осень.

– Вы видели его дневники? – спросил профессор Алевтину.

Алевтина задумалась, подняла глаза к потолку и процитировала: «Пришла Амнезия и принесла кленовый лист. Она всегда приносила ему кленовые листья. Этот кленовый лист был шестьдесят первым…»

– Что вы хотите этим сказать? – профессор сверлил Алевтину глазами-бусинками, сурово сверкавшими из-под очков.

– Очень поэтично, по-моему. Разве нет?

– М-мм, неужели?

– Во-первых, в его записях появилось понятие времени. Например, слово «всегда». И он начал вести счет времени. «Этот кленовый лист был шестьдесят первым».

– Ага, отсчет времени в кленовых листьях? Весьма поэтично! Занятно! Новое слово в неврологии.

– Почему бы и нет? Я думаю, что у него восстанавливаются синапсы в старых областях памяти, которые мы считали поврежденными или заблокированными, и активно строятся связи в новых областях. Прогресс налицо!

– Зачем вы таскаете ему эти листья?

– Эстетично. Романтично. Я полагаю, что поэзия обладает сильным эмоциональным стимулом, которого, бывает, не достает нашим пациентам, чтобы всколыхнуть старые пласты памяти, то есть, долговременной памяти.

– Да-а? Есть результат?

– Что вы хотите, Семен Петрович, я принесла всего шестьдесят один лист. Однако получила три признака восстановления памяти. Во-первых, он запомнил мое лицо. Он осознал, что на дворе сейчас осень, во-вторых. И третье, для него этот сезон тянется «всегда».

– Мда… – протянул бритоголовый профессор неопределенно и подергал себя за усы. – Что ж, не буду вам мешать, прошу прощения, м-мм, сударыня Амнезия!

Профессор хмыкнул, поправил серьгу в ухе, и ответил на звонок мобильного телефона:

– Да-да, сейчас буду. Ах, машина ждет внизу? Непременно, – он кивнул персоналу отделения неврологии. Сделал всем «адью» ручкой и, протиснув круглый живот в дверь, скрылся в глубине коридора…»

***

Киносценарист Егоркин закончил завтрак и бегом побежал в свою комнату. И, конечно же, он застал брата Ежика врасплох, когда тот аккурат додумывал очередной поворот сюжета. Одной рукой он держался за мышку, а другой чесал затылок, поэтому факт «гуманитарной помощи» и возможных каких-то перемен в тексте не был замечен автором.

– Ага, попался, Ежик, – воскликнул добродушно Егоркин, – тебе понравилось? Надеюсь все в порядке?

– Не сомневайся, брат, сценарий распечатать? – храбро отозвался Ежик, – тайком от брата сохранил новую версию файла и отправил текст на принтер.

***

Григорий Егоркин деловито взглянул на настенные часы с маятником и сделал вывод, что он вполне успевает на встречу со строгим кинорежиссером Захаром Жвачкиным. Даже, возможно, повезет выпить чашку кофе и поболтать с народом в буфете Дома Кино, чтобы узнать свежие новости. Он засунул листочки с киносценарием в рюкзачок, быстро накинул куртку-ветровку и, наскоро чмокнув бабушку в щеку, поспешил к лифту.

Красный и потный Захар Жвачкин ходил вдоль больших окон кафе туда-сюда и с нетерпением поглядывал на входные двери. В глазах его что-то сверкало, а нервные движения напоминали танцующую походку матадора перед выходом на арену с разъяренным быком. Он, по-видимому, давно ожидал коллегу по киноиндустрии, поэтому, едва кивнув приветствие киносценаристу Егоркину и

метнув в него пару молний из глаз, сразу же ухватился за листочки его свежеиспеченного киносценария. Режиссер, он же директор и продюсер будущего фильма, пил черный кофе и неторопливо читал творение Григория Егоркина (заботливо подправленное его братом Ежиком, Егором Егоркиным).

Егоркин следил за его живой мимикой лица, которая динамично менялась по мере продвижения глаз кинорежиссера Жвачкина по тексту. Сначала его густые кустистые брови поползли круто вверх, потом нахмурился лоб, и обозначилась складка между бровями. Следом на лице строгого кинорежиссера Жвачкина появилось выражение полного недоумения, и он неопределенно покачал головой в разные стороны. Затем он подпер свежевыбритую щеку пухлой кистью, и несколько раз ущипнул себя за нос косточками среднего и указательного пальцев. Видно было, что человек думал, прикидывал и размышлял. Потом Жвачкин прикрыл рот ладонью, наверное, спрятав там ироничную ухмылку, положив при этом указательный палец левой руки на переносицу. Читатель продолжал молчать. Над его ухом пролетела зудящая огромная зеленая муха, но Захар ее не видел. Он собрал губы в трубочку, верхней губой пытаясь достать до носа. Чисто зоопарк!

Когда же разочарованный Егоркин решил про себя: «Ну, все, фигня!», кинорежиссер Жвачкин отложил текст киносценария в сторону, шумно вздохнул и посмотрел в окно так, словно прогноз погоды в данный момент волновал его больше всего на свете. Егоркин затаил дыхание и напряженно ждал вердикт шефа.

– Будь другом, принеси-ка, Гриня, пожалуйста, мне еще одну чашечку кофе и покрепче, – попросил Жвачкин, – я хочу еще раз все ЭТО прочитать с самого начала.

Егоркин вскочил со стула и рысью кинулся к стойке бара…

***

– Стоп! Что вы с собакой сделали? Я вас спрашиваю, отвечайте! – закричал Захар Жвачкин в громкоговоритель, обращаясь к

гримеру. – Зачем вы ей фосфором круги вокруг глаз нарисовали? Это что – собака Баскервилей? Что за имидж!? И вообще, где мы с вами находимся? Ах, в павильоне! Я вам тут здесь кто, клоун? Умыть! Немедленно умыть эту скотину! Ну, кино!

– Кого умыть-то, я не поняла? – Захар Никандрыч!

– Собаку, собаку умыть надо, дорогуша! Не меня! Я уже сегодня умывался утром. Честное слово! Внимание всем на съемочной площадке! Перерыв. Ждем, пока нашего пса умоют! И высушат. Ну, кино!

Жвачкин вафельным полотенцем промокнул потный лоб и снова повесил полотенце на шею. Он налил стакан минералки и в один прием ее выпил.

– Уф! Жара!

***

– Гриня, ты бы прописал подробнее сценарий дальше, особенно вон ту картину, отмеченную двумя галочками, – сказал замученный Захар Жвачкин киносценаристу, явно болтающемуся без дела.

– Дописываю, тружусь в поте лица, Захар Никандрыч, – уклончиво ответил Егоркин.

– Что-то пота на твоем лице не вижу, – съязвил Жвачкин. – Чего тогда ты тут околачиваешься? Иди-ка, дружок, попотей еще, чтоб к вечеру было все готово! У меня сроки горят! Шевелись, молодежь!

– Ага, понял, бегу, – Егоркин с сожалением покинул съемочную площадку, взглянул на часы и пошел домой обедать.

***

Пообедав, Егоркин уселся за компьютер и посмотрел в потолок, призывая музу творчества. Но капризуля что-то не приходила.

Он стал размышлять. О, вдохновение! Что есть вдохновение? Прилив сил и ума? Бурный поток эмоций и страсть? Может быть и то, и другое. Навряд ли кто-нибудь из людей способен однозначно ответить на этот вопрос. Не так ли? Да-а. Все люди искусства говорят о музе творчества и вдохновения. Все говорят, хотя на самом деле ее никто никогда не видел. Занятно! Нет! Забавно! Не видели, не слышали, но многие безошибочно угадывают ее незримое присутствие и описывают обличье. Муза творчества – молодая стройная женщина, привыкла ходить за спинами легкой поступью и заглядывать в авторские творения через плечо. На ней белое воздушное платье с множеством рюшей и оборок, рукава фонариком и непременный атрибут – длинный прозрачный шарф. Да и сама она соткана из атомов воздуха или неизвестных частиц эфира, плывет над головами авторов, взирая на них по-разному: на кого с интересом и вниманием, на кого с некоей долей юмора или иронии, а на кого и с любовью. С любовью?

Слово «любовь», заставило мысли Егоркина повернуться совсем в другую от творчества сторону. Молодой человек решил, что муза творчества просто обязана быть похожей на соседку с третьего этажа Любку Рыбкину. Она всегда одевается и модно, и красиво, очень редко носит брюки, поэтому оставляет впечатление чего-то эфирного и воздушного. «Рыбкина – рыбка моя! Золотая рыбка! Пригласить бы ее к нам в павильон, – размечтался Егоркин. – Всегда некогда! Как-нибудь потом». «Ну а девушки? А девушки – потом», – пропел он и приступил к сцене, отмеченной Захаром Жвачкиным двумя галочками.

Отмучившись с этой сценой, Егоркин перечитал весь текст сценария и обнаружил нововведения, сделанные братцем Ежиком. Надо будет вечерком ему и «дыньку» вставить, чтобы неповадно было, и шоколадку купить – добавления оказались к месту.

***

«Дробь из ружья отца Онуфрия перебила пару важных контактов в теле пришельца. Чуп еще не осознал этого до конца.

Восстановительный период внутри него наполовину электронного, наполовину биологического организма шел чрезвычайно медленно. Осенние сумерки сознания продолжались. Воспоминания прятались в их полутени и таяли. Словно речной туман наползал на четкие контуры образов и предметов. Их очертания расплывались и терялись в молоке густого сине-сиреневого тумана. Кто он, что он и где? Во сне он вспоминал все. Вспоминал любимицу «кабру». Для которой подошло время новой трансформации, и надо было помочь ей в этом. Еще помнил сон и первый момент пробуждения. Однако стоило произнести хоть слово, и… знание пряталось в собачью конуру ушедших сновидений. Оставались одни лишь желтые кленовые листья и записи в его дневнике.

…Пришла посетительница с яблоками… к Нему...

«Пришла дочь садовника и принесла яблоки. Целую корзину яблок. Яблоки были спелые и сладкие с красно-желтыми бочками сорта шафран…», – записал Он в своем дневнике. – «Это лишний раз подтверждает, что в этом мире всегда стоит осень…»

Инопланетянин надкусил яблоко и сморщился. Странный вкус у землян! Он старательно пытался вспомнить что-то важное. Чуп имел слабое представление о той биологической форме, в которую по воле космической командировки оказался облечен. Пока ему удавалось поддерживать облик человека. У него выросла рыжая курчавая борода, делавшая его похожим как две капли воды на местного приходского священника отца Онуфрия.

Прошло еще немного времени, и периоды сумерек сознания пришельца становились все короче. Теперь так бывало лишь днем. Ночью же в организме Чупа активировалась и стала регулярно включаться совсем другая программа – программа выживания на чужой планете, она была не повреждена, поэтому теперь заработала, словно исправно тикающий часовой механизм. Программа включала три важных пункта – поддержание самого организма Чупа в полной боевой форме, исследование местных форм жизни и регулярное отправление отчета на Луну, где с незапамятных времен находилась их стационарная база. Для полноценного питания организму пришельца нужен был

живой белок, не прошедший тепловую обработку. Такой рацион могла обеспечить исключительно дичь. Первобытный охотничий инстинкт толкал чужака на охоту.

По ночам, когда все пациенты спали крепким сном, неслышно отворялось окно в третьем этаже районной больницы, и Чуп, ловко цепляясь за карнизы и водосточные трубы, спускался вниз и отправлялся в знакомую деревушку, кажется, Лукино, добывать пропитание с помощью дрессированной чупакабры. Она уже прошла полную трансформацию и превратилась во взрослую особь. Это был гибрид собаки и дикого вепря с родной планеты. Щенком по воле чужаков его подбросили во двор приходского священника. По душевной доброте отца Онуфрия зверь был любовно выращен и вольготно жил на поповском подворье. Для маскировки днем Чуп принимал облик этого человека. По ночам же, чтобы экономить заряд аккумуляторов, пришелец становился самим собой, расправляя иссиня-зеленую чешую, чтобы хорошо провентилировать и наполнить кожу кислородом…»

***

– Тишина на съемочной площадке! Мотор! Начали! – крикнул Жвачкин и откинулся в кресле-качалке. – Оператор, дать крупным планом табличку сельской больницы! Затем окно пошло-пошло! Так! Работаем! Чуп, приготовиться, пошел!

Отворилось окно на третьем этаже. Чуп, ловко цепляясь за карнизы и водосточные трубы, спускался вниз. Переливчатый гребень на шее и спине сверкал в прожекторах и юпитерах всеми цветами радуги. Зацепка рукой слева и точно рассчитанное движение скалолаза находит ногой внизу упор. Такое же движение правой рукой и левой ногой. Пластичное тело Чупа перетекает по стене, извивается, напоминая тело ящерицы. Дальше и дальше вниз по стене. Вот и водосточная труба. Он дотянулся и цепко схватился рукой за скобу. Водосточная труба громко заскрежетала, затем затрещала, и на стыке нижняя часть оторвалась от

верхней. Чуп охнул, выругался и повис на страховочном канате. Страховка и карабины попали в кадр.

– Стоп, мотор! Ёлкин дрын! Инопланетянин хренов! – рассерженно воскликнул Захар Жвачкин. – Перерыв! Где спецы по декорациям, заботливые наши? А?

Потный каскадер, он же инопланетянин Чуп, блистая иссиня-зеленой чешуей, поставил ногу на карниз, подтянулся до ближайшего окна и скрылся в его проеме. Затем снова показался в окне с чашкой кофе и большой булочкой.

– Захар Никандрыч, так я как, на пару часов свободен? – поинтересовался актер, свешиваясь вниз.

– Один час, и из павильона ни шагу! На тебя, что, еще грим дополнительно тратить? У нас и так лимит по всему. Ну, кино! Тьфу! – сплюнул в сердцах режиссер и тоже попросил принести кофе.

***

– Площадка номер два готова? – неутомимый Захар Жвачкин был готов снова ринуться в бой. – Мотор! Начали!

– Вы видели его дневники? – обратился профессор к Алевтине.

Алевтина задумалась, подняла глаза к потолку и процитировала: «Пришла Амнезия и принесла кленовый лист. Она всегда приносила ему кленовые листья. Этот кленовый лист был шестьдесят первым…»

– Крупный план. Так. Томное лицо героини, отъезжаем назад. Медленно. Декольте. Стоп!

– Сударыня Амнезия, ваша героиня монахиня?

– Нет, она молодой врач-невролог, Захар Никандрыч.

– Сейчас жара, бабье лето! Вам, что, холодно? Что вы закутались, словно в огород вышли в феврале месяце? Где ваше декольте? Если мы хотим привлечь зрителя, то каждый эпизод должен стать шедевром, дорогая. Вы понимаете, в кадре появляется не просто врач, а молодая женщина. Женщина! Даная, Венера, Афродита, Саския! Она должна отличаться

от попадьи. Вы в Эрмитаже давно были, душечка? Сходите в Интернет, посмотрите на сайте Эрмитажа, на что похожи женщины.

– Да, я думала, что врач невролог – серьезная и увлеченная работой, – оправдывалась молоденькая актриса, еще студентка третьего курса. Красный и распухший вмиг нос девушки говорил, что из ее прекрасных глаз вот-вот хлынут не только редкие капли, но и целые потоки слез.

– Ничего не хочу знать! Найдите костюмершу, подберите кружевное белье и декольте, которое ничего не прикрывает! М-мм, почти ничего, понятно! Уф! Ну и денек! – Жвачкин взял со стула полотенце, тщательно промокнул пот на лбу и протер шею, потом обмотался им вместо шарфика.

Съемки продолжались…

***

Красноватый туман стелился меж деревьев, прикрывая собой серый дождливый день. Рваные клочки комковатого кровавого облака окутывали желтую охру листвы развесистых кленов. Промозглое утро не торопилось расстаться с нехотя уползающей темнотой ночи. Кусты жимолости зашевелились, и кто-то там за ними начал тихонько что-то бормотать себе под нос.

– Трофим, ты чего шебуршишься? Всю нашу засаду выдашь противнику. Спугнешь!

– Да, радикулит опять беспокоит, паразит! Видишь, какой туман? Дождь не дождь! Роса висит в воздухе прямо перед носом. Сырость кругом! Надо бы в баньке попариться, мужики, после охоты. Вы как?

– Неплохо бы! Обязательно попаримся с веничком, с медком, – мечтательно поддакнул его сосед по засаде. – Вот поймаем этого чужого в нашей деревне и сразу же в баньку.

***

Полнолуние. Мерное жужжание, похожее на звук вентилятора, раздалось в небе над рощицей близ деревни Лукино. Легкий ветерок прошелся по верхушкам деревьев. Затрепетали ветки и еще не опавшие листья. Загудела земля. Звук исчез, когда неизвестный аппарат прошел звуковой барьер. В полной тишине чечевицеобразный дисколет завис над стерней и опустился на землю. В грунт впились три крепкие механические ноги. Откинулась дверь нижнего люка под брюхом залетной «тарелки». Луч света скользнул по скошенному полю, березовой рощице, кустам жимолости и замер. Из аппарата вышли две человекообразные фигуры и с ними животное – не то собака, не то вепрь. Пришельцы, не мешкая, направились к деревне. Шли неспешно, молчали. Лишь светоизлучатели на их шлемах перемигивались неизвестными сигналами. Чужаки заглядывали во все дворы, как будто что-то искали.

Вот и подворье приходского священника. На крыльце показался поп со свертком под мышкой. Он вышел за калитку и, похоже, поздоровался с пришельцами. Группа охотников наблюдала за ними в добрый полевой бинокль.

– О, отец Онуфрий, а вот и ты в своем дворе, гляди-ка-сь! – удивился дед Трофим.

Поп взял бинокль в руки, поднес к глазам, навел резкость.

– Ах, он, ешкин кот, под меня подстраивается, да еще в моем дворе командует! Мужики, как бы так их взять с поличным, а?

– «Тарелка», чай, стоит в поле. Без присмотра. Может, к ней подберемся? – предложил тракторист дядя Сева. – Но как?

– Как, как, – передразнил дед Трофим. – Да как в войну к вражескому доту. Обходной маневр нужен. Если б динамиту под нее подложить, то было бы в самый раз!

– Андрюха, ты не помнишь, кто у нас в прошлом годе рыбу в Енисее на старом острове глушил? Там не осталось случайно еще чуток динамиту?

– Кто-кто. Не, не помню кто! Да и рыбнадзор все забрал! М-мм, правда, может, в хлеву и завалялась пара мешочков за старым корытом. Надо посмотреть, не помню.

– Так пошли и посмотрим! Время не ждет. А то эн-ти чужаки улетят за своими, подмогу привезут. Айда, мужики, поищем! Деревню нашу-то спасать надо!

***

– Сева, ты вон там у стенки, за хрюнделем посмотри.

– Да здесь не видно ни зги! Посвети фонариком сюда.

– Экий кабан у тебя, Андрюха, породистый что ли? А лохматый какой, прямо медведь! Хрюша-хрюша-хрюша!

– Ты, дед Трофим, того, поосторожней с ним. Смотри, разбудишь кабанчика, так потом – быстрей ноги уноси. Т-сс. Он у нас хуже Онофриевого пса. Щас, в углу за старой чугунной ванной. Эй, помогите отодвинуть, да на Ваську, не наступите! Какого-какого? На хряка, а то он всем здесь покажет, где раки зимуют.

В этот момент хряк перестал храпеть и открыл один глаз. Мужики замерли вдоль стен, глазами отыскивая кратчайший путь к бегству. Кабан почмокал во сне, хрюкнул и снова захрапел.

– Уф! Пронесло, кажись.

– И меня тоже, – поддакнул дедок Трофим. – Живот заурчал что-то. Андрюха, где у тебя во дворе сортир?

– Налево от старой яблони, в сторону огорода.

Андрюха покопался немного за сеном на месте под старой ванной и на что-то наткнулся.

– Ну что, Андрюха, нашел?

– Ага, пару мешочков хватит, небось?

– Кто же его знает, из чего их «тарелка» сделана-то, если обшивка почти из танковой брони, то там бо-ольшой арсенал нужен.

– Тогда для верности можно и шесть мешочков взять. Взять что ли, а, мужики?

– Бери-бери.

– Бери-бери, – передразнил Андрюха. – Они весят не как конфеты. Кто понесет?

– У тебя тележка есть на подворье?

– Была вообще-то.

– На нее и погрузим.

Луна тихо плыла над деревушкой Лукино, освещая бело-серебристым светом все закоулки и дворы. Мужики, охая и ахая от натуги, погрузили наконец-то мешки с динамитом на тележку и вышли со двора на улицу. Вскоре они прибыли на место засады. «Тарелка» пришельцев все так же стояла на месте, мерцая серебристыми боками в свете луны.

Ни один иллюминатор не дрогнул и не засветился, когда люди приблизились к аппарату. Пока отец Онуфрий стоял «на шухере», остальная компания, осторожно оглядываясь по сторонам, закладывала динамит под «тарелку». Только заговорщики успели дотянуть бикфордов шнур до кустов, как появились в поле зрения пришельцы. Чупакабра гордо тащила в зубах задранную козу. Лжеотец Онуфрий вновь принял прежний облик существа с чешуйчатой кожей. Он пошарил по обшивке аппарата, положил руку на углубление, после чего включились габаритные огни, «тарелка» ожила, и луч света распознал своих. Через нижний люк чужаки взошли на корабль…»

***

– Тишина на съемочной площадке! Снимаем последнюю сцену. Мотор! Начали! – скомандовал Жвачкин. – Работаем живенько, с огоньком!

– Трофим, чего медлишь, поджигай шнур! – зашипел дядя Сева.

– Давно поджег, вишь, огонек ползет тудысь.

– Эх, не успеет! А ну, если не подорвется?

– Не боись, не танк, чай. Дай-ка бинокль. Ужо пламя-то под брюхом. Ложись, мужики!

Ба-Бах! Бах! Бамп! Бамп! Борцы за правое дело спасения деревенского рогатого поголовья вжались в землю. Отец Онуфрий

перекрестился. Столб комьев почвы взметнулся вверх. Сверкнула молния, и небо внезапно разразилось мощной грозой. Стена проливного дождя обрушилась на ржаное поле и деревню Лукино.

– Ба-бах был знатный. Не видно ни зги! – вглядываясь вдаль сквозь струи дождя, посетовал отец Онуфрий.

– Может, пойдем, посмотрим, что осталось от «тарелки», а? – предложил Андрюха.

– Ага, щас, в дождь, буду я тебе ревматизм обострять, – ответил дед Трофим. – Оно и до утра подождет. Айда, мужики, в баньку погреемся, моя бабка-то, чай, уже протопила.

– В баньку? – подхватил дядя Сева, шмыгая носом. – Толково говоришь.

– Трофим Иванович, а что дальше было? От «тарелки» нашли останки? – настойчиво спрашивал киносценарист Егоркин.

Он, наконец-то, добрался до первоисточника этой истории.

– После дождя-то, а ничегошеньки – ни тарелки, ни пришельцев, ни чупакабры.

– Совсем ничего не осталось от той истории?

– Ну почему? – дед Трофим хитро прищурился. – Осталась наша «лукинская» байка: «У попа была собака, он ее любил…»

– Стоп! Снято! Всем спасибо, все свободны, – устало сказал Захар Жвачкин и вытерся полотенцем.

***

Через месяц фестиваль кинофильмов «Нереальное Красноярье» открылся нашумевшим блокбастером режиссера Захара Жвачкина. Премьера фильма прошла на ура. Зрители вытирали слезы и оживленно спорили, выходя из кинозала. Три голливудские знаменитости явно отдыхали.

Улитка Паскаля

Памяти Б.Н. Стругацкого посвящается.

По следам «Миров и героев братьев Стругацких»

5 июня 78 года, Максим Каммерер дома.

Ранним утром, когда еще на главных улицах не высох асфальт от поливальных машин, в дверь московской квартиры незаменимого сотрудника спецотдела в службе земной безопасности позвонили. Курьер под роспись вручил сонному хозяину желтый бумажный пакет и молчком исчез в проеме лифта. Мужчина вскрыл его, прочитал, из письма следовало: «Максим Каммерер вновь был вызван пред светло-зеленые очи Экселенца по архиважному и сверхсекретному делу». Он выругался шепотом, боясь разбудить спящую Алену, но с чувством глубокого раздражения: «Опять выходные коту под хвост»!

5 июня 78 года, Максим Каммерер на работе.

Экселенц не шелохнулся, изучая какую-то бумагу, когда Максим вошел в кабинет. Поскольку он мог лицезреть лишь три четверти макушки шефа и часть высокого лба, то угадать

настроение начальника не представлялось возможным. А лохматые брови и блеск веснушчатой лысины Экселенца не выражали ровным счетом никаких эмоций. Было это хорошим признаком или скверным Максим Каммерер не уловил. Запах «сбежавшего» на старенькой плите кофе – старик любил некоторую технологическую старину, считая ее надежней и добротней во стократ мудреной электроники, – говорил о том, что вновь возбужденное дело не терпит отлагательств.

Под нос расторопного сослуживца он сунул пахнущую сладкими духами бумагу:

– Ознакомься, – сказал он как всегда сухо, но чашкой горячего кофе со сдобными сухариками все-таки угостил.

– Протокол из Музея Внеземных Культур, мм-м, ага, понял. Это тот, где до сих пор работает Майя Глумова? – задал Максим вопрос, прозвучавший крайне глупо.

– Вчера, как ты помнишь, она еще там работала. Странная субстанция – человеческая память. Закрыл дело и забыл? – забрюзжал он по-стариковски. – Вопросы задашь потом.

«Протокол от 3 июня 78 года,

Музей Внеземных Культур,

Спецотдел экспонатов невыясненного назначения.

Составитель: М.Т. Глумова.

С целью изучения полезных функций мною был взят экспонат музея за инвентарным номером 22/56-01, называемый негласно сотрудниками «пустышкой». Описание данного экспоната, место первичного обнаружения и способ доставки в музей имеются в реестре хранилища артефактов.

Действия над объектом:

Пункт первый. Визуальные бесконтактные круглосуточные наблюдения в течение предыдущей недели с 22 мая по 2 июня 78 года.

Примечание: для чистоты эксперимента я брала его домой.

Результат: никаких изменений с артефактом не произошло.

Совпадение: сильнейшее, я бы сказала зверское чувство голода и безысходной тошноты.

Пункт второй. Попытка соскрести ножом (марка углеродистой стали указана) хотя бы несколько крупинок с поверхности не увенчалась успехом.

Пункт третий. Нечаянное падение артефакта на пол с высоты девяносто сантиметров (выскользнул из рук) оставило его целым.

Пункт четвертый. Второго июня при свете настольной лампы внутри пустышки обнаружена структура, которую я условно назвала «динамическим ядром».

Пункт пятый. Экспонат с ядром я сфотографировала (десять кадров) – изображения четкие.

Пункт шестой. Сделала наброски карандашом в трех проекциях аксонометрии, есть небольшие отличия формы ядра от фотографий.

Пункт седьмой. Размеры «пустышки» и ядра в метрической системе приведены, ядро соответствует размеру буханки хлеба.

Пункт восьмой. Графологические данные спектрометра «пустышки» прилагаются также. Обычные углеводородистые соединения, необходимые для построения органических структур, аминокислот.

Пункт девятый. Звуковое обследование экспоната эхолокатором представляется на графике диаграммой в виде геометрической кривой кардиоиды, называемой «улиткой Паскаля».

Примечание: Уточнить свойства и практическое применение кардиоидной диаграммы направленности. Есть гениальная идея испытать экспонат с помощью обыкновенного с... (неразборчиво), следующий пункт заполню после опыта».

– Испытать экспонат, – повторил Максим. – С помощью чего?

– Хороший вопрос, и главное правильный, – съязвил Экселенц. – Ответишь на него, найдешь Глумову Майю Тойвовну и музейный экспонат за компанию. Так-то.

– Опять взять след родных и друзей Левы Абалкина придется или как?

– Не знаю НИЧЕГО АБСОЛЮТНО. Думай!

22 мая 78 года, Майя Глумова на работе.

Стеклянная тыква-кубышка, значащаяся и по реестру Музея Внеземных Культур, и по реестру КОМКОНа «пустышкой из Зоны отчуждения», была полупрозрачной, дымчатого цвета и с жидким ядром. Контур его просматривался в бледных лучах настольной лампы. Казалось, оно постоянно меняло форму. Разобраться в том, что является неизменной частью ядра, а что динамической оказалось непросто.

Целевое назначение конструкции не поддавалась разгадке. Майя поняла – проблема требует от исследователя когнитивной гибкости мышления. Мозговые волны не должны затворяться лишь в альфа-ритме, и ее долг «разбудить» бета и тета-волны в префронтальной коре головного мозга. В этом колебательном ритме как раз и может родиться тот необходимый нейронный ансамбль, могущий объять гораздо больший объем информации.

Она, не спеша, выпила чашку наикрепчайшего кофе с лимоном и открыла окно. Свежий порыв воздуха принес запах предгрозового фронта. Ветер крутил придорожную пыль, случайно сорванные листья берез, конусы парашютиков отцветших одуванчиков и первые одиночные капли дождя. Её усилия не пропали даром. Кофеин возбудил, а мозг синхронизовал нужные нейроны и создал из них согласованный ансамбль дум, ринувшийся на штурм неприступной крепости, лежащей на столе в виде артефакта.

30 мая 78 года, Майя Глумова дома.

После внеочередной и сумбурной встречи со Львом Абалкиным Майя задумалась о дальнейшей судьбе. Она смотрела в темное окно спальни на бледный серп луны и кусала губы, горькие мысли девятым валом набегали на очередную бессонницу. Её волновал вопрос, требующий радикального решения в стиле шекспировской альтернативы: «Быть или не быть? Вот в чем вопрос». Не в том, конечно же, смысле – существовать или не существовать, а совсем в другом – пребывать в иной роли, как женщине. Давно пора обозначить другую грань их романтически-страстного тандема. Или же, если можно так выразиться, переиначить качество отношений с абсолютно неудачно

сложившегося еще в детстве в интернате на безусловно счастливое, как и должно быть у зрелых личностей.

Если Лева был Прогрессором по профессии, применяя знания на далеком Саракше, то она хотела стать Прогрессором в их общей судьбе и желательно не завтра и где-то там, а сегодня, здесь и сейчас. Она посмотрела на мирно спящего Льва, сердце болезненно сжалось. Странный он стал какой-то, порою невменяемый, как с ним заговорить о житейских вещах, поймет ли женские чаяния?

2 июня 78 года, Майя Глумова дома.

Долгосрочных планов не пришлось строить – через неделю она поняла, «прогрессорство» проросло в ней корнями другой биохимии, требующей чего-то большего в этом эгоистичном мире. Рано утром Майя проснулась от одновременно присутствующих чувств: жуткого яро сосущего желудок голода и безысходной тошноты. Она покрутила в руках «пустышку» – не этот ли внеземной экспонат тому причиной?

2 июня 78 года, Майя Глумова на работе.

Несмотря на зародившееся подозрение, она настойчиво и упрямо продолжала опыты, наблюдая за реакцией организма на общение с неведомым объектом. Изменения метаболизма начались с кулинарных капризов – любимые яблоки и кефир выбросила на помойку крысам. Будучи некогда убежденной вегетарианкой, сейчас на завтрак Майя предпочла вареные яйца и жаренную до хруста кошачью рыбу мойву. В обед купила горку жарёхи из камбалы в служебном буфете и съела это в один присест. Пиршества хватило едва на три часа, и она снова подчинялась извращениям новой биохимии – шла в буфет за следующей порцией рыбы и яиц. Сколько Майя помнила, то на дух не переносила ранее ни масло сливочное, ни сметану, ни мясо с рыбой, а особенно яйца: вареные вкрутую или глазунью.

Придя в кабинет, Майя повертела в руках экспонат – чудо чудное, диво дивное:

– С какой целью оно сделано и сделано ли кем-то вообще? Природа «пустышки» сродни земным кораллам и кристаллам? Не исключено.

Усилия по пробуждению «транссознательного инсайда» кропотливой сотрудницы Музея принесли долгожданные плоды. Глубокие структуры мозга с участием таламуса не остались равнодушны к чаяниям хозяйки: их электрическая активность возбудила бета-частоты творчества, и мысли потекли в нужном русле. «А вдруг «пустышка» ограничивает область пространства с дополнительными измерениями, отражающими обычный трехмерный мир в ядро»?

– Мир тыквы-кубышки отражается не во внешнее пространство, а внутрь. Отсюда и внезапное появление яйцевидного ядра? – исследовательница задумалась.

Дрожащие стенки ядра напоминали мембрану живой клетки – это Майя видела невооруженным взглядом без растрового электронного микроскопа так хорошо, как если бы амеба увеличилась до размеров буханки хлеба. Далее следовали рассуждения: глаза видят ядро, а пальцы осязают грани «кубышки». «Если биологические каналы информации не обманывают мозг, то этот факт существует независимо от человека». Такая философски-материалистическая формулировка ей не понравилась. Женщина взяла фотоаппарат и сделала несколько кадров. Затем старательно зарисовала объект – натюрморт с пустышкой и ядром внутри.

С точки зрения ученого и этого было недостаточно для описания неизвестного предмета неизвестной реальности. Она поместила «пустышку» в камеру спектрографа, получив спектрограмму – абракадабру кривых от взбесившегося прибора. Кое-какие пики на графиках отвечали знакомым углеводородам с левой, присущей всему живому на Земле, спиральностью молекул.

3 июня 78 года, Майя Глумова дома.

Майю разбудил дикий голод, погнавший ее на кухню к пищевому синтезатору. Вопрос выбора не стоял – морепродукты: мидии, рапаны и устрицы с морской капустой – смогли развеять мерзкое настроение и отупляющую тошноту. Закусила несчастная палочкой мела.

Вдобавок Майя заметила странные изменения в мотивах своего поведения, точнее их полное отсутствие – возникло желание

побродить по луже, меряя ее глубину, и погрызть сосульку. Вчера вечером она зашла в магазин канцтоваров и увидела коробку со школьным мелом. Пришлось немедленно раскошелиться. На крыльце она трясущимися руками вскрыла упаковку, жадно схватила палочку белого, пахнущего свежей известкой мела, и стала с аппетитом жевать почти чистый кальций.

Думая вновь о Левушке и его несносном характере – пора бы ему остепениться. Эти удивительные надличностные наблюдения она записала на полях примечаний в телефонном блокноте, которые позже увидит и скопирует Максим Каммерер.

3 июня 78 года, Майя Глумова на работе.

В рабочей обстановке женщина отстранилась от «домашних» мыслей и приступила к намеченному ранее плану. Хлопнула незакрытая форточка, она вздрогнула, а от испуга вновь проснулся первобытный голод.

– Пищевой синтезатор, – сказала Майя вслух. – Какими функциями он оперирует?

Объединяя кое-какие знания по химии и небольшой опыт, Майя вспомнила: агрегат использовал специфическую смесь ферментативных и простых химических катализаторов «для проведения многостадийных непрерывных превращений».

– Мы имеем ядерные химические превращения. Так? Известно, что в человеческих клетках ферменты охотно взаимодействуют с подходящими субстратами. Полученный затем продукт захватывается другим энзимом для следующего энергетического превращения. Аналогично в синтезаторе, похожий процесс повторяется рекурсивно, пока не дойдет до программно заданного продукта, – рассуждала она вслух.

– Однако некоторые катализаторы в синтезаторе могут друг друга деактивировать. В случае же новых химических превращений природные ферменты нужно изменить, – сказал кто-то вошедший.

Майя резко обернулась:

– Сынок? Здравствуй, почему не на уроках?

Тойво Глумов младший невозмутимо продолжил:

– Модификация ферментов совершенно необходима, чтобы получить то, чего нет в программном коде пищевого синтезатора. Здравствуй, мамочка, я просто захотел тебя увидеть.

– Ты обедал? У меня есть печенье, а хочешь, принесу рыбы жареной?

– Обедал и не хочу. Я догадываюсь, ЧТО ты собираешься сделать с «пустышкой».

– Тсс. Садись рядом.

Через четверть часа Майя Тойвовна Глумова и ее сын, составив протокол с подробным перечислением произведенных ею действий, ушли домой.

5 июня 78 года, Максим Каммерер на работе.

7:15, время московское.

Максим сидел с карандашом в руке и вычерчивал примерный перечень боевых хлопот на сутки вперед, начиная с восьми ноль-ноль. Он трижды перечитал протокол, прежде чем уяснил его нестандартное содержание. Зацепившись мысленно за слово «реестр», любимый спецсотрудник Экселенца первым пунктом отметил: «Реестр хранилища артефактов».

7:18, время московское.

Максим продолжал грызть карандаш и обдумывать план. Вторым пунктом он записал: «Свойства и практическое применение кардиоидной диаграммы направленности».

– Еще бы узнать, что такое «кардиоида и улитка Паскаля»? – проворчал он и полез в Информаторий.

Вскоре с помощью умной системы знаний, вспомнив слегка и ненавязчиво подзабытую математику и геометрию, он нарисовал в блокноте кривую четвертого порядка – красивый муаровый узор в виде сердечка с концентрическими кольцами.

7:35, время московское.

Максим вертел карандаш между пальцами и прикидывал в уме примерный круг знакомых Майи Глумовой, могущих знать о ее исследованиях. Без тщательного осмотра ее квартиры и

кабинета не хватало материала для поисковой версии. Третий пункт: «Получить ордер на обыск».

7:37, время московское.

– Никаких ордеров! – отмел третий пункт Экселенц. – Никакой огласки и шумихи! Вот ключ от квартиры Глумовой. Легенда для соседей: ты представитель жилищно-коммунального хозяйства, ищешь утечку воды.

– Понял, – угрюмо ответил Каммерер.

Получив у Экселенца заменитель «ордера на обыск», он приступил к расследованию изрядно запутанной истории, героями которой вновь оказались его бывшие подопечные.

5 июня 78 года, Максим Каммерер,

Хранилище артефактов в Музее Внеземных Культур,

8:15, время московское.

В реестре хранилища артефактов «пустышек из Зоны отчуждения» значилось две. В наличии не оказалось ни одной. Первая исчезла при невыясненных обстоятельствах в ночь на 3 июня 78 года, оставив сажевый след на полке и горстку пепла. Вторая – вместе с Майей Глумовой.

На вопрос «Что такое Зона отчуждения»? Максиму удалось получить от архивариуса туманный ответ, слабо проясняющий суть явления. Но он, тем не менее, слово в слово записал его: «Это некая область пространства внутри аномальной Зоны, где находится множество артефактов внеземного происхождения и неизвестного назначения. Обе Зоны похожи на вложенные друг в друга матрёшки».

Осмотр кабинета-мастерской Майи Тойвовны навел на грустные воспоминания о вчерашнем вечере. Следователь Каммерер почувствовал угрызения совести: «Эх, если бы можно было изменить ход событий, он действовал бы более решительно и непременно спас бы Льва Абалкина». На полу у стола он нашел рваную упаковку с крошками какого-то неизвестного пищевого энзима, которую присовокупил к общим уликам, отправив ее пневмопочтой Экселенцу.

Побродив пять минут между полками с другими артефактами и придя в полное уныние, Максим распрощался с сотрудниками музея и направился к ближайшему пункту нуль-транспортной связи.

5 июня 78 года, Максим Каммерер,
Пулковская обсерватория,
9:45, время московское.

Чтобы узнать о свойствах улитки Паскаля, по совету Информатория Максим отправился в архив Пулковской обсерватории, где ему предложили помощь эксперта в лице молодого человека невзрачной наружности, наименее загруженного, для сопровождения посетителя. Он таинственно сообщил: «Улитку Паскаля и Теорию Времени связывает нечто общее, о чем нельзя говорить, не познакомившись с работами профессора Звездина».

Максим включил диктофон:

– Один из постулатов Теории гласит: «Существующий в мире ход времени устанавливает в пространстве беспристрастное отличие правого от левого». Из сохранившихся записей следует, – пояснял молодой человек. – Виновата в этом геометрия, связывающая пространство и время в четырехмерный континуум.

– Неужели? – удивился Максим.

Молодой человек снисходительно улыбнулся:

– Звездин даже подчеркнул, я зачитаю: «Это есть не та обычная трехмерная картина мира, к которой мы привыкли, а другая, возникающая из геометрии вращающихся тел, которые создают поле, описываемое объемной кардиоидой или четырехмерной улиткой Паскаля».

– То есть практическое применение улитки Паскаля – не игра ума? – Максим цеплялся за подробности и детали теории, как за спасательный круг, могущий привести его к разгадке, куда делась Майя Глумова.

– Реальность! Свойства улитки Паскаля таковы, что объект с такой математической топологией становится резонатором, который настраивается на информацию, находящуюся в четырехмерном пространстве, хранящем прошлое, настоящее и будущее вместе. События из этих времен могут взаимно

проникать и смешиваться между собой в любой пропорции и в любой реальности, где действует резонатор.

«Значит, наша «пустышка» есть резонатор»? – подумал Максим.

5 июня 78 года, Максим Каммерер на работе,

16:15, время московское.

Максим наскоро набросал отчет о проделанной за день работе и помчался к шефу:

– Можно?

– По глазам вижу, что-то раскопал? Докладывай! – Экселенц потер руки и подпер обе щеки, приготовился слушать.

– Три пункта?

– Не тяни кота за хвост, я в нетерпении.

Максим рассказал о хранилище артефактов и пропавших двух «пустышках», о Пулковской обсерватории и Теории Времени профессора Звездина. Наконец, добрался до негласного обыска в квартире Глумовой и найденных записях в телефонном блокноте.

– Экселенец, а теперь вывод.

– Я сделаю его сам. Слушай! Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться – Глумова ждет ребенка. Малыш заявил о себе необычным метаболизмом на уровне клеток растущего эмбриона, подавлявшим любые проявления ее «Я».

– Мне это даже в голову не пришло, – смутился Максим.

– Рабство перед духом Абалкина у женщины сместилось в иное, как она и хотела, качество, но оно оказалось рабством перед духом Абалкина младшего. Ты упоминал теорию Звездина, с точки зрения которой в нашем мире все, что может произойти, уже существует и в будущем, и в прошлом. Выйдя на свойства улитки Паскаля, Глумова догадалась об этом, поэтому и решила с помощью «пустышки» вернуть из прошлого в настоящее Льва Абалкина.

– И где же она?

– Думай!

– Научный сотрудник из Пулковской обсерватории что-то говорил о теореме Белла.

Максим вытащил диктофон: «Если некоторая Вселенная существует, и если уравнения квантовой механики описывают

эту Вселенную, то между двумя частицами, когда-либо входившими в контакт, есть некоторый вид нелокальной связи».

– Во-от! Зона отчуждения посредством «пустышки» создала собственное течение времени, в которое оказались заключены Майя Глумова, Абалкины младший и старший. Это программа Странников: если Лев Абалкин не кидается спасать подругу детства Майю Глумову, то наоборот Майя Глумова спасает любимого мужчину.

– Ясно. Дело закрыто?

– Как знать? Абалкину младшему суждено вообще-то родиться в нашей реальности. Через девять месяцев тебя ждет сверхсекретная работенка – найти одного человека, а заодно и следы Странников.

Содержание

Два берега, один мост ..... стр. 13
Жилой портал ..... стр. 21
Контакт ..... стр. 25
День хомячка ..... стр. 29
Дружеский визит ..... стр. 33
Семь отчаянных пиратов ..... стр. 37
Операция «Бублик» ..... стр. 41
Посевная ..... стр. 45
Золотая лихорадка на Луне ..... стр. 53
В стиле Ампир ..... стр. 63
Икс-джет-250 ..... стр. 97
Средство Кузьмича ..... стр. 129
У попа была собака ..... стр. 143
Улитка Паскаля ..... стр. 170

Сборник фантастических рассказов

Карпова Зоя Марленовна

КОНТАКТ